

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2024. Том 8. № 2
Сквозной номер выпуска – 30

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрियाшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. 184 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 15.06.2024. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 22,3. Тираж 1000 экз. Заказ 24153. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024

Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2024, vol. 8, no. 2

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 30

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Baranovich State University (Baranavichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2024, vol. 8, no. 2, 184 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate III no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 15.06.2024. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 23,0. Conv. pr. sheet 22,3. Copies printed 1000. Order no. 24153. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2024.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Агамагомедова С.А.</i> Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора: теоретико-правовые аспекты	155
<i>Бросалина А.А.</i> Баланс публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности: теоретико-правовые аспекты	166
<i>Васильева Е.В.</i> На службе российской науки: вклад немецких историков Императорской академии наук XVIII века в развитие научного интереса к истории русского права	177
<i>Золотухин А.Д., Волчихина Л.А.</i> Основные начала советского гражданского судопроизводства и их современная эволюция (к 100-летию ГПК РСФСР 1923 г.)	187
<i>Илюхина В.А.</i> Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Конова-лова)	197
<i>Кованов Е.С.</i> Норма-дефиниция искусственного интеллекта: новый взгляд	206
<i>Митрофанов Н.В.</i> К вопросу об участии Ф.Ф. Кокошкина в Выборгском воззвании 10 июля 1906 г.	218
<i>Резюк В.И.</i> Конституционализм и бюджетирование государственных фондов: генезис и нормативная правовая корреляция	225
<i>Серегин А.В.</i> Значение компаративистских исследований средневекового государства и права славянских народов в трудах В.И. Ермоловича для юридической славистики	233

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Воробьева С.В., Кольцов М.И., Абрамова В.И.</i> Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика	240
<i>Дворецкий М.Ю.</i> Корреляция уголовно-правовой политики в контексте эффективной реализации уголовной ответственности	257
<i>Завгородняя А.А.</i> Роль правовых стимулов в обеспечении баланса правового регулирования семейных отношений	270

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Гавриленко В.А., Немченко С.Б.</i> Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в арктическом регионе	279
<i>Овсянников И.В.</i> Приговор при упрощенном порядке судебного разбирательства	294
<i>Потапов С.А.</i> Особенности использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений	301

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Бодяк Н.Е.</i> Взаимодействие некоммерческих организаций и государства в сфере обеспечения национальной безопасности	311
---	-----

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

<i>Крамской В.В.</i> Понятие, правовое регулирование и этапы проведения правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	323
---	-----

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2024, vol. 8, no. 2 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Agamagomedova S.A.</i> Prevention of violations of mandatory requirements during customs control and supervision: theoretical and legal aspects	155
<i>Brosalina A.A.</i> The balance of public and private interests in the implementation of the ecological function of the state and ensuring environmental safety: theoretical and legal aspects	166
<i>Vasilyeva E.V.</i> In the service of Russian science: the contribution of German historians of the Imperial Academy of Sciences of the 18th century to the development of scientific interest in the history of Russian law	177
<i>Zolotuhin A.D., Volchikina L.A.</i> The main principles of the Soviet civil proceedings and their modern evolution (to the 100th anniversary of the Civil Procedure Code of the RSFSR in 1923)	187
<i>Ilyukhina V.A.</i> Principles of law in natural legal understanding (concept of A.V. Kononov)	197
<i>Kovanov E.S.</i> The norm-definition of artificial intelligence: a new perspective	206
<i>Mitrofanov N.V.</i> On the issue of F.F. Kokoshkin's participation in the Vyborg Manifesto on July 10, 1906	218
<i>Rezyuk V.I.</i> Constitutionalism and budgeting of public funds: genesis and normative legal correlation	225
<i>Seregin A.V.</i> The significance of comparative studies of the medieval state and law of Slavic peoples in V.I. Ermolovich's works for legal Slavic studies	233

SUBSTANTIVE LAW

<i>Vorobyova S.V., Koltsov M.I., Abramova V.I.</i> Theoretical and methodological foundations of destructive behavior of minors: dynamics analysis and prevention	240
<i>Dvoretzky M.Yu.</i> Correlation of criminal legal policy in the context of effective implementation of criminal liability	257
<i>Zavgorodniaia A.A.</i> The role of legal incentives in ensuring the balance of legal regulation of family relations	270

PROCEDURAL LAW

<i>Gavrilenko V.A., Nemchenko S.B.</i> International legal regulation of states cooperation in the sphere of prevention and limitation of emergency situations in the Arctic region	279
<i>Ovsyannikov I.V.</i> The verdict in the simplified procedure of the trial	294
<i>Potapov S.A.</i> Features of special knowledge use in the iatrogenic crimes investigation	301

NATIONAL SECURITY

<i>Bodyak N.E.</i> Interaction of non-profit organizations and the state in the field of national security	311
--	-----

REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

<i>Kramskoy V.V.</i> Concept, legal regulation and stages of conducting a legal examination of a draft notice on the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs	323
--	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-155-165>

Шифр научной специальности 5.1.1

Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора: теоретико-правовые аспекты

© АГАМАГОМЕДОВА Саният Абдулганиевна,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>, saniyat_aga@mail.ru

Аннотация

Целью исследования является определение понятия профилактики нарушений обязательных требований с теоретико-правовых позиций и его места в системе таможенного контроля и надзора. Для достижения заявленной цели были поставлены задачи: а) предложить теоретико-правовое обоснование и охарактеризовать профилактику нарушений обязательных требований в системе государственного контроля и надзора; б) выделить варианты позиционирования профилактики нарушений обязательных требований в системе государственного контроля и надзора; в) обозначить проблемы определения места и роли профилактики нарушений обязательных требований в системе контрольно-надзорной деятельности государства; г) провести анализ использования понятия профилактики нарушений обязательных требований в системе таможенного контроля и надзора; д) выявить проблему единообразного понимания профилактики нарушений обязательных требований в таможенной сфере и предложить способы ее решения. Для решения задач были использованы метод анализа научной литературы по теме исследования, а также международных договоров и нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой и формально-юридические методы исследования. По результатам исследования выделены различные подходы к теоретико-правовому определению понятия профилактики нарушений обязательных требований и ее места в современной системе государственного контроля и надзора. На основе обзора международных договоров в области таможенного регулирования и таможенного законодательства обоснована специфика использования понятия профилактики нарушений обязательных требований в таможенной сфере. Сделан вывод об отсутствии единообразного понимания и использования понятия профилактики в централизованной и децентрализованной сферах контрольно-надзорного взаимодействия, а также о необходимости учета специфики вида государственного контроля и надзора при использовании профилактических мероприятий.

Ключевые слова

профилактика, государственный контроль и надзор, таможенный контроль и надзор, профилактические мероприятия, таможенная проверка, ценности

Для цитирования

Агамагомедова С.А. Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 155-165. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-155-165>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-155-165>

Prevention of violations of mandatory requirements during customs control and supervision: theoretical and legal aspects

© Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher of Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>, saniyat_aga@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to define the concept of prevention of violations of mandatory requirements from a theoretical and legal standpoint and its place in the system of customs control and supervision. To achieve the stated goal, the following tasks are set: a) to offer a theoretical and legal justification and characterize the prevention of violations of mandatory requirements in the system of state control and supervision; b) highlight options for positioning the prevention of violations of mandatory requirements in the system of state control and supervision; c) identify the problems of determining the place and role of preventing violations of mandatory requirements in the system of control and supervisory activities of the state; d) analyze the use of the concept of prevention of violations of mandatory requirements in the system of customs control and supervision; e) identify the problem of a uniform understanding of the prevention of violations of mandatory requirements in the customs sector and propose ways to solve it. To solve the problems, the method of analyzing scientific literature on the research topic, as well as international treaties and regulations, comparative legal and formal legal research methods were used. Based on the results of the study, various approaches to the theoretical and legal definition of the concept of prevention of violations of mandatory requirements and its place in the modern system of state control and supervision are identified. Based on a review of international treaties in the field of customs regulation and customs legislation, the specifics of using the concept of prevention of violations of mandatory requirements in the customs sphere are substantiated. It is concluded that there is no uniform understanding and use of the concept of prevention in the centralized and decentralized spheres of control and supervisory interaction, as well as the need to take into account the specifics of the type of state control and supervision when using preventive measures.

Keywords

prevention, state control and supervision, customs control and supervision, preventive measures, customs inspection, values

For citation

Agamagomedova, S.A. (2024). Prevention of violations of mandatory requirements during customs control and supervision: theoretical and legal aspects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 155-165 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-155-165>

Введение

Активное реформирование системы государственного контроля и надзора в последнее десятилетие закономерно предполагает пересмотр традиционных и формирование новых подходов к теоретико-правовому обоснованию самой контрольно-надзорной деятельности государства, а также ее принципов, направлений, форм и методов. К со-

жалению, понятийный аппарат и теоретическое структурирование данной системы не отличается последовательностью развития, доктринального обоснования и нормативного закрепления. Достаточно назвать такие «застарелые» проблемы административно-правового регулирования контрольно-надзорных отношений и их научного обеспечения, как теоретико-правовое разграничение

контроля и надзора в государственном управлении, разведение регулирования контроля и надзора в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорного взаимодействия, дискуссии по вопросу объекта и предмета контрольно-надзорного правоотношения и многие другие проблемы, обсуждаемые научным сообществом на протяжении многих лет.

Что касается вопроса разграничения государственного контроля и надзора, то в предлагаемой статье (как и в иных научных публикациях автора на данную тему) нами отстаивается мнение о необходимости разграничения контроля и надзора в деятельности таможенных органов, подкрепляемое позицией законодателя, определяющего Федеральную таможенную службу в качестве федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в области таможенного дела, а также иные контрольно-надзорные функции¹.

Одной из актуальных сегодня проблем, на наш взгляд, является проблема теоретико-правового определения понятия, целей, принципов и форм профилактики, обоснования ее места в системе государственного контроля и надзора, оценки роли в обеспечении эффективности контрольно-надзорной функции государства в целом. С учетом терминологии обновленного законодательства о государственном контроле и надзоре более корректным представляется использование понятия профилактики нарушений обязательных требований. Нами предпринята попытка рассмотреть его применительно к таможенному контролю и надзору.

Методы

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа научной литературы по теме исследования, а также международных договоров и нормативно-правовых актов. Были использованы сравни-

тельно-правовой и формально-юридические методы исследования.

Профилактика нарушений обязательных требований как теоретико-правовое понятие и ее место в системе государственного контроля и надзора

Профилактике как таковой и профилактике нарушений обязательных требований, в частности в системе государственного контроля и надзора, в последние годы уделяется существенное внимание как со стороны законодателя и правоприменителя, так и со стороны научного сообщества. Реформирование законодательства о государственном контроле и надзоре в последние годы позволяет говорить о доминировании профилактики в контрольно-надзорном воздействии, о принципе приоритета профилактических мероприятий над контрольными (надзорными) мероприятиями как базовом принципе, закрепленном в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ).

При этом современные отечественные ученые справедливо сетуют на то, что в российском законодательстве никогда не существовало единого подхода к определению понятия превенции, профилактики и предупреждения. В различные периоды превенцией охватывалось понимание различных институтов, а профилактика и предупреждение в разных нормативных правовых актах также получили различное толкование [1]. Ученые констатируют тот факт, что в организационно-правовом смысле сегодня в российской правовой системе окончательно не выработан реально действующий механизм профилактики нарушений обязательных требований, и признают систему профилактики декларативной, отчасти формальной [2]. Приходится констатировать отсутствие теоретико-правового обоснования понятия профилактики как таковой, а также ее исследования в контексте теории контрольно-надзорного правоотношения.

¹ Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. 03 мая. № 18. Ст. 3146.

² О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2020. 05 авг. № 171.

Так что же представляет собой профилактика в системе государственной контрольно-надзорной деятельности?

Во-первых, профилактика нарушений обязательных требований – это нормативно закреплённая составляющая государственного контроля и надзора, отграничиваемая от выявления нарушений обязательных требований и других видов деятельности, посредством которых осуществляется государственный контроль и надзор, муниципальный контроль. Специалисты признают, что государственный контроль осуществляется как посредством контрольных, так и посредством профилактических мероприятий [3].

Во-вторых, с учетом внешней формы выражения деятельности по профилактике нарушений обязательных требований можно говорить о целом ряде профилактических мероприятий, закреплённых в Федеральном законе № 248-ФЗ.

В-третьих, разграничивая широкое (профилактика как предупреждение любых нарушений) и узкое (профилактика нарушений обязательных требований) понимание профилактики, с точки зрения широкого подхода ее можно позиционировать в качестве функции контроля и надзора. Об этом говорит профессор С.М. Зубарев, когда выделяет единые цели контроля и надзора как специфических форм государственной деятельности: корректирование, социальная превенция (предупреждение), правоохрана. Причем соотношение объема этих функций ученый называет в качестве критерия их разграничения в административном процессе [4, с. 30].

Таким образом, теоретико-правовое позиционирование профилактики позволяет рассматривать ее в качестве: 1) элемента системы государственного контроля и надзора; 2) разновидности управленческой деятельности; 3) разновидности формы управленческой деятельности, а конкретно – контрольно-надзорной; 4) функции государственного контроля и надзора.

Определение места и роли профилактики нарушений обязательных требований в системе контрольно-надзорной деятельности государства сегодня вызывает несколько проблемных вопросов.

Первый из них связан с тем, что профилактика нарушений обязательных требова-

ний включена законодателем в государственный контроль и надзор и одновременно разграничена с контрольно-надзорной деятельностью, осуществляемой в форме конкретных контрольно-надзорных мероприятий. В этой связи уместно привести формулировку профессора С.М. Зырянова о профилактике как «искусственно привязанной к контролю (надзору)» [5, с. 83].

Второй проблемный вопрос вытекает из первого и заключается в том, что сложно определить специфику целей профилактики (в сравнении с контролем и надзором) и выявить ее хронологическую обособленность (профилактические мероприятия как этап контрольно-надзорной деятельности или всего процесса регулирующего воздействия).

Согласно части 1 статьи 44 Федерального закона № 248-ФЗ основные цели профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям заключаются в стимулировании добросовестного соблюдения обязательных требований; устранении условий, причин и факторов, способных привести к нарушениям обязательных требований и (или) причинению вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям; создании условий для доведения обязательных требований до контролируемых лиц, повышение информированности о способах их соблюдения.

Ученые в качестве таких целей применительно к различным сферам контрольно-надзорного воздействия называют устранение настоящих и вероятных причин и условий, способных повлечь нарушение обязательных требований [6]. Ученые подчеркивают, что профилактические мероприятия в сравнении с мероприятиями по контролю (надзору) имеют совершенно иную природу [5, с. 72], сама профилактика существенно отличается от принудительных контрольных (надзорных) мероприятий по своим целям, используемым мероприятиям, их характеру и иным показателям [1].

Представляется, что с учетом видов профилактических мероприятий, закреплённых в Федеральном законе № 248-ФЗ (например, информирования и консультирования), понятие профилактики имплицитно присутствовало во всех направлениях и сферах государственной контрольно-надзорной деятельно-

сти, но конкретное нормативное закрепление, организационную систематизацию посредством выделения определенных форм профилактических мероприятий приобрело в рамках реформы государственного контроля и надзора, обновления нормативно-правовой базы. Об этом обоснованно говорит профессор С.М. Зырянов, по мнению которого профилактика должна осуществляться на всех стадиях регуляторного цикла [5, с. 65].

Профилактика – неотъемлемая составляющая систем обеспечения безопасности в различных сферах. Так, к примеру, под системой медицинского обеспечения безопасности водного транспорта ученые понимают комплекс мероприятий, включающих как профилактику аварий и инцидентов на водном транспорте, так и оказание медицинской помощи при их возникновении [7].

Аналогичная ситуация имеет место, на наш взгляд, и с институтом обязательных требований, который справедливо рассматривается сегодня ведущими учеными в качестве новационного института административного права [8; 9]. В то же время подобные требования традиционно устанавливаются во всех сферах контрольно-надзорного воздействия, однако, возможность позиционирования их в качестве формирующегося института отрасли административного права появляется с момента закрепления их в обновленной нормативно-правовой базе централизованной сферы контрольно-надзорных отношений.

Третьим проблемным вопросом можно считать терминологическое многообразие понятийного обеспечения контрольно-надзорной функции государства. В нормативно-правовом поле используется несколько понятий, связанных с профилактикой, среди которых: «профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям», «профилактики нарушений обязательных требований», «профилактика нарушений» и др.

С учетом положений Федерального закона № 248-ФЗ в части установления целей профилактической деятельности можно сделать вывод о том, что законодатель разграничивает основания для нарушений обязательных требований и основания для причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Четвертым проблемным аспектом можно считать вопрос о принуждении при осуществлении профилактических мероприятий. С одной стороны, профилактические мероприятия в рамках взаимодействия с контролируемыми лицами проводятся только с согласия данных контролируемых лиц либо по их инициативе (часть 3 статьи 45 Федерального закона № 248-ФЗ). Ученые также подчеркивают факт осуществления профилактической деятельности посредством инструментов добровольного (поощрительного) характера [1]. С другой стороны, имеют место позиции, согласно которым профилактические мероприятия направлены исключительно на выявление и пресечение нарушений, а содержанием их выступает не просто принуждение, а даже меры оперативного характера. Отражением подобной позиции можно признать понятие «оперативно-профилактического мероприятия» [10]. Подобный симбиоз профилактики и принуждения отражает определенную противоречивость понимания профилактики как таковой.

Пятым проблемным вопросом можно считать отсутствие четко структурированного места профилактики и профилактических мероприятий в инструментарии системы государственного контроля и надзора. Можно ли считать профилактику нарушений обязательных требований комплексом мероприятий или самостоятельным направлением контрольно-надзорной деятельности [1], этапом (стадией) контрольно-надзорного воздействия или его особой разновидностью? Представляется, что однозначных ответов на эти вопросы пока нет.

Профилактика нарушений обязательных требований в таможенной сфере

Отдельным блоком проблемных вопросов следует рассматривать, на наш взгляд, использование понятия профилактики нарушений обязательных требований в регулировании отдельных видов государственного контроля и надзора, прежде всего, не относящихся к сфере действия Федерального закона № 248-ФЗ. Полагаем, что, несмотря на это, регулирование данных децентрализованных сфер контрольно-надзорных отношений должно соотноситься с общими принципами и трендами развития контрольно-надзорных механизмов. Одной из таких

сфер выступает область таможенного регулирования, основными инструментами которой выступают таможенный контроль и надзор.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза³ (далее – ТК ЕАЭС) не использует понятия профилактики. На уровне ЕАЭС законодатель говорит о предупреждении нарушений не в связи с контролем и надзором, а применительно к экспертной деятельности (пункт 2 статьи 391 ТК ЕАЭС) или взаимной административной помощи таможенных органов (пункт 1 статьи 373 ТК ЕАЭС). Кроме того, предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений определено в качестве одной из базовых функций таможенных органов (подпункт 5 пункта 2 статьи 351 ТК ЕАЭС).

Представляется, что отсутствие понятия профилактики в системе понятийного обеспечения таможенного контроля связано с определенной, исторически сложившейся обособленностью таможенного законодательства, самостоятельностью правового регулирования таможенного контроля по отношению к государственному контролю и надзору в целом, их отдельным разновидностям. На формирование и развитие таможенного законодательства оказали существенное влияние международные стандарты таможенного регулирования, прежде всего Киотская конвенция. Действующее определение таможенного контроля также основано на положениях Киотской конвенции и определенным образом диссонирует с определением государственного контроля (надзора), закрепленном в обновленном российском законодательстве о контроле (надзоре). В настоящее время на уровне ЕАЭС таможенный контроль определен как совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможен-

ном регулировании (подпункт 41 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС).

Киотская конвенция в стандарте 3.39. упоминает предупреждение в связи со штрафными санкциями за ошибки, допущенные декларантом⁴.

Не используется понятие профилактики и национальным законодателем, который говорит о предупреждении правонарушений и преступлений исключительно в рамках содержания правоохранительных функций таможенных органов (подпункты 5-6 части 2 статьи 254 Федерального закона от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵).

Таким образом, ни на наднациональном уровне, ни на уровне национального законодательства правовое регулирование таможенного контроля не оперирует понятием профилактики.

Нормативные правовые акты, устанавливающие правовой статус Федеральной таможенной службы, используют понятие профилактики при установлении полномочий органа, в частности профилактическая работа в таможенных органах представлена в структуре воспитательной работы (пункт 5.93 Положения о Федеральной таможенной службе⁶).

В официальных отчетах ФТС России понятие профилактики используется весьма ограниченно, к примеру, вопросы профилактики правонарушений в сфере таможенного дела называются в качестве вопросов, обсу-

⁴ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. 08 авг. № 32. Ст. 4810 (опубликовано без Специальных приложений).

⁵ О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 06 авг. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

⁶ Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. 03 мая. № 18. Ст. 3146.

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. 2017. 12 апр. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 30.02.2024).

ждаемых в 2023 г. на уровне Экспертно-консультативного совета по реализации таможенной политики при ФТС России⁷.

В стратегических документах, определяющих приоритеты развития ведомства в перспективе, понятие профилактики нарушений обязательных требований используется. Более того, в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия) установлен отдельный целевой ориентир 23 – совершенствование системы комплексной профилактики нарушений обязательных требований с использованием цифровых технологий⁸. Кроме того, Стратегия в числе основных задач по реализации новых подходов к организации контроля правильности классификации и происхождения товаров называет совершенствование процессов принятия предварительных решений и разъяснений по классификации отдельных товаров и стране происхождения товаров, в том числе в целях профилактики правонарушений.

Примечательно, что предыдущий стратегический документ в рамках совершенствования таможенного контроля после выпуска товаров устанавливал отдельный целевой индикатор: доля объектов таможенного контроля после выпуска товаров, по которым проводятся проверочные мероприятия, направленные в том числе на профилактику правонарушений, от общего количества объектов таможенного контроля после выпуска товаров, в отношении которых возможно применение профилактических мер (с 20 % в 2017 г. до 35 % к 2020 г.)⁹.

Что касается научного обоснования профилактики в контрольно-надзорной деятельности таможенных органов, то здесь имеют

место попытки дать определение профилактической таможенной проверке или таможенной проверке, направленной на профилактику нарушений в таможенной сфере. Под такими проверками ученые понимают таможенные проверки, которые проводятся в отношении определенной категории участников внешнеэкономической деятельности при отсутствии до начала указанных проверок данных, свидетельствующих о возможном нарушении требований таможенного законодательства [11, с. 119-120].

Таким образом, применительно к таможенной сфере мы можем говорить об отсутствии понятий профилактики нарушений обязательных требований, профилактического мероприятия. При этом, несмотря на то, что таможенный контроль выведен из сферы действия Федерального закона № 248-ФЗ, таможенные органы активно участвовали в реформе контрольно-надзорной деятельности, что предполагает соответствие правоприменительной деятельности ведомства общей концепции современного государственного контроля и надзора. Однако сложившаяся ситуация отражает определенные проблемы в этом плане, о чем свидетельствует сама Федеральная таможенная служба, указывающая при подготовке доклада о виде контроля в Минэкономразвития России на специфику контроля и надзора в таможенной сфере, в том числе и в части отсутствия понятия профилактических мероприятий в таможенном законодательстве¹⁰.

Проблема единообразного понимания профилактики нарушений обязательных требований в различных сферах контрольно-надзорного воздействия

Проблема единообразного понимания профилактики нарушений обязательных требований в различных сферах контрольно-надзорного воздействия применительно к таможенной сфере отражается в нескольких проблемах, обусловленных спецификой вида контроля и надзора.

Прежде всего речь идет о смешении традиционных для таможенного регулирования

⁷ Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 году // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyateli-nosti> (дата обращения: 21.02.2024). С. 20.

⁸ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 01 июня. № 22. Ст. 3572.

⁹ О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2575-р (ред. от 10.02.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. 14 янв. № 2. Ст. 109.

¹⁰ Доклад о таможенном контроле за 2022 год. URL: <https://customs.gov.ru/activity/kontrol-naya-deyatelnost/-doklad-federal-noj-tamozhennoj-sluzhby-o-tamozhen-nom-kontrol-e/document/560508> (дата обращения: 30.02.2024).

институтов (например, консультирования) с профилактическими мероприятиями в их понимании в рамках централизованной сферы контрольно-надзорных отношений.

Специфику этой формы профилактического мероприятия выделяли многие авторы. Одни из них отмечают «неправовую форму консультирования» [5, с. 89], другие справедливо указывают на то, что обязанность консультирования, разъяснения вопросов осуществления контроля, надзора всегда была неотъемлемой функцией должностных лиц соответствующих органов [2].

Применительно к таможенному регулированию в настоящее время консультирование позиционируется в качестве государственной услуги¹¹. Безусловно, данная услуга несет и профилактическую функцию, однако рассматривать ее в качестве самостоятельной формы профилактического мероприятия в рамках системы таможенного контроля и надзора достаточно сложно.

Во-вторых, в системе таможенного контроля и надзора мы имеем дело с совпадением контрольных и профилактических мероприятий, отражением их в одной, наиболее востребованной сегодня форме таможенного контроля – таможенной проверке. В перечне видов таможенных проверок правоприменительная практика (не законодатель) генерирует новый вид проверок – профилактические. В период начала реформы контрольно-надзорной деятельности представители ФТС России высказывали официальную позицию, согласно которой «планируется постепенно переходить от профилактических мероприятий в форме таможенной проверки к иным формам контроля – мониторинг, анализ»¹².

¹¹ Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по консультированию лиц по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов: Приказ ФТС России от 11.06.2021 № 492 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 16 сент. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.02.2024).

¹² ФТС России участвует в реформе контрольно-надзорной деятельности // Таможня. 2017. № 17 [424]. URL: <https://customsonline.ru/4375-fts-rossii-uchastvuet-v-rfeorme-kontrolnonadzornoj-deyatelnosti.html> (дата обращения: 30.02.2024).

Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о противоречии (с точки зрения структурирования централизованной сферы контрольно-надзорных отношений): таможенная проверка выступает и нормативно установленной формой таможенного контроля, и является профилактическим мероприятием. Полагаем, что любая форма контроля и надзора обеспечивает профилактические функции. С этой точки зрения в специализированных (децентрализованных) сферах контроля и надзора сложно разграничить контрольно-надзорные и профилактические мероприятия.

Если мы говорим о специальных целях профилактики, об особенностях использования при профилактике цифровых технологий [12], то сложно обосновать то, что одна процедурная форма может совмещать эти две категории мероприятий.

Следует обратить внимание на то, что государственный контроль и надзор, их разновидности не только обеспечивают и защищают охраняемые законом ценности в определенной сфере регулирования. Они сами выступают в качестве ценности управленческого свойства. Речь идет о ценности контроля и надзора в сравнении иными формами взаимодействия граждан и организаций с органами публичной власти [13]. С учетом того, что контрольно-надзорные формы взаимодействия традиционно наиболее конфликтные и противоречивые, вектор регулирования контрольно-надзорных отношений призван снижать эту конфликтность, усиливать роль правовых стимулов в нем [14]. Специалистами в этой связи доказывается значимость использования профилактических практик с целью повышения заинтересованности субъекта в соблюдении обязательных требований [6]. Ученые отмечают, что система профилактики не может стать полной заменой императивному контролю, надзору, а должна дополнять его, предлагая в качестве альтернативы отсутствие мер административного принуждения при добросовестном отношении к вопросам соблюдения обязательных требований [2]. Все эти и иные формы взаимодействия невластных субъектов с органами публичной власти, по сути, объединены общей целью регулирования [5, с. 111]. Под последней следует понимать оптимизацию ре-

гулируемых общественных отношений, развитие их в заданном публичной властью и обществом направлении.

Заключение

На основе проведенного теоретико-правового анализа нами выделено несколько вариантов теоретико-правового обоснования понятия профилактики. Последнее может рассматриваться с позиций системы государственного контроля и надзора, правовой (управленческой) деятельности или ее формы, а также самостоятельной и весьма значимой в современных условиях функции государственного контроля и надзора.

С позиций отраслевого подхода (в рамках отрасли административного права) в настоящее время профилактика нарушений обязательных требований выступает важнейшей оставляющей системы государственного контроля и надзора. Приоритет профилактических мероприятий является базовым принципом контрольно-надзорной деятельности го-

сударства. В то же время в нормативно-правовом и доктринальном позиционировании профилактики в государственном контроле и надзоре отсутствует единство подходов, причем это касается как централизованной, так децентрализованных сфер. Примером последней служит сфера таможенного контроля и надзора, в регулировании которой понятие профилактики в значении Федерального закона № 248-ФЗ не используется. Представляется, что, несмотря на общие тренды и принципы реформирования контрольно-надзорного воздействия во всех сферах регулирования, следует признать специфику отдельных видов государственного контроля и надзора (темпоральные, инструментальные, процедурные и иные особенности), в том числе специфику понимания и использования понятия профилактики обязательных требований, и учитывать ее в целях повышения эффективности контрольно-надзорного взаимодействия.

Список источников

1. *Переседов А.М.* Институт превенции в законодательстве о контроле (надзоре) // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 51-54. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-12-51-54>, <https://elibrary.ru/cykfrm>
2. *Евдокимов А.С., Сергун П.П.* Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53-59. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-7-53-59>, <https://elibrary.ru/gmssgb>
3. *Воицкий М.В.* Защита прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля с учетом новых положений федерального законодательства. Доступ из СПС КонсультантПлюс. 2021.
4. *Зубарев С.М.* Система контроля в сфере государственного управления. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 152 с.
5. *Зырянов С.М.* Государственный контроль (надзор). М.: Контракт, 2023. 232 с.
6. *Винокурова М.А.* Анализ показателей эффективности профилактических мероприятий, направленных на соблюдение обязательных требований в сфере оказания качественной медицинской помощи // Медицинское право. 2022. № 4. С. 29-32. <https://elibrary.ru/ajstek>
7. *Воронкова С.В.* Обеспечение законности при сохранении человеческой жизни на море // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 36-41. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-3-36-41>, <https://elibrary.ru/mfkxec>
8. *Ноздрачев А.Ф.* Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 1) // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19-24. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-3-19-24>, <https://elibrary.ru/rvleje>
9. *Ноздрачев А.Ф.* Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 2) // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 8-15. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-8-15>, <https://elibrary.ru/aehtbdn>
10. *Кокорев А.Н.* Особенности совместной деятельности участкового уполномоченного полиции и сотрудников подразделений по вопросам миграции при осуществлении оперативно-профилактических

- мероприятий // Миграционное право. 2019. № 4. С. 33-35. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2019-4-33-35>, <https://elibrary.ru/fwpuodr>
11. Костякова Ю.В. Таможенные проверки как инструмент профилактики правонарушений в области таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 3. С. 117-121. <https://elibrary.ru/wkpaah>
 12. Мартынов А.В. Использование современных цифровых технологий при осуществлении профилактической деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Юрист. 2020. № 10. С. 48-56. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-10-48-56>, <https://elibrary.ru/dzofzw>
 13. Агамагомедова С.А. Аксиологические аспекты государственного контроля и надзора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 37-61. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.37.61>, <https://elibrary.ru/dsxduo>
 14. Клейменова А.Н. Правовые стимулы в таможенном праве // Административное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 105-117. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69852>, <https://elibrary.ru/vjsegx>

References

1. Peresedov A.M. (2021). The institution of prevention in laws on control (supervision). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 12, pp. 51-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-12-51-54>, <https://elibrary.ru/cykfrm>
2. Evdokimov A.S., Sergun P.P. (2023). The system of preventive measures applied in carrying out of state control (supervision): an evaluation of the regulatory impact. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 7, pp. 53-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-7-53-59>, <https://elibrary.ru/gmssgb>
3. Voshchinskii M.V. (2021). *Zashchita prav predprinimatelei pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya s uchetom novykh polozhenii federal'nogo zakonodatel'stva* [Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control, Taking Into Account the New Provisions of Federal Legislation]. Access from SPS ConsultantPlus. (In Russ.)
4. Zubarev S.M. (2019). *Sistema kontrolya v sfere gosudarstvennogo upravleniya* [Control System in the Field of Public Administration]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 152 p. (In Russ.)
5. Zyryanov S.M. (2023). *Gosudarstvennyi kontrol' (nadzor)* [State Control (Supervision)]. Moscow, Kontrakt Publ., 232 p. (In Russ.)
6. Vinokurova M.A. (2022). An analysis of ratios of efficiency of preventive events aimed at compliance with obligatory requirements in high-quality medical care. *Meditinskoe pravo = Medical Law*, no. 4, pp. 29-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ajstek>
7. Voronkova S.V. (2023). Law enforcement in preservation of human life at sea. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 3, pp. 36-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-3-36-41>, <https://elibrary.ru/mfkcxc>
8. Nozdrachev A.F. (2022). Mandatory requirements as a new administrative law institution: ideas, content, principles and legal regulation levels (part 1). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 3, pp. 19-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-3-19-24>, <https://elibrary.ru/rvleje>
9. Nozdrachev A.F. (2022). Mandatory requirements as a new administrative law institution: ideas, content, principles and legal regulation levels (part 2). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 5, pp. 8-15. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-5-8-15>, <https://elibrary.ru/aehbdn>
10. Kokorev A.N. (2019). Peculiarities of joint activities of a district police commissioner and migration subdivision employees at carrying out of operative and preventive procedures. *Migratsionnoe pravo = Migration Law*, no. 4, pp. 33-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2019-4-33-35>, <https://elibrary.ru/fwpuodr>
11. Kostyakova Yu.V. (2016). Customs checks as a tool for customs crime prevention. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, no. 3, pp. 117-121. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wkpaah>
12. Martynov A.V. (2020). The use of modern digital technologies in carrying out of preventive activities by control and supervisory executive authorities. *Yurist = Jurist*, no. 10, pp. 48-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-10-48-56>, <https://elibrary.ru/dzofzw>

13. Agamagomedova S.A. (2021). Axiological aspects of state control and supervision. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* = *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 37-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.37.61>, <https://elibrary.ru/dsxduo>
14. Kleimenova A.N. (2024). Legal incentives in customs law. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* = *Administrative and Municipal Law*, no. 1, pp. 105-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69852>, <https://elibrary.ru/vjsegx>

Поступила в редакцию / Received 24.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 02.05.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-166-176>

Шифр научной специальности 5.1.1

Баланс публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности: теоретико-правовые аспекты

© БРОСАЛИНА Александра Александровна,

преподаватель кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-5444-1555>, brosalina2001@mail.ru

Аннотация

Активное развитие рыночной системы хозяйствования в Российской Федерации в качестве неотъемлемой задачи ставит поддержание конкурентоспособной экономической деятельности. В этих условиях объективной реальностью является осуществление негативного воздействия на окружающую среду. Поэтому в числе важнейших национальных приоритетов, признаваемых в России, находится обеспечение двух жизненно важных состояний – состояния экономического роста и состояния экологического благополучия. Целью настоящей статьи является теоретико-правовой анализ проблемы обеспечения баланса публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности. На основе доктринальных подходов обозначено соотношение категорий «интерес», «публичный интерес», «частный интерес» и «баланс интересов». Проанализированы подходы к пониманию соотношения экологических и экономических интересов, а также выявлены позиции, отраженные в конституционно-судебной практике. Установлено, что в целях реализации парадигмы устойчивого развития необходимо достижение взаимосвязанных экономических и экологических целей, а также преодоление коллизий между экономическими правами и свободами и требованиями, направленными на обеспечение охраны окружающей среды. Акцентируется внимание на категориях «экологический комплаенс» и «экологический лоббизм». Сделан вывод о недостаточной степени закреплённости частноправовых средств воздействия на участников экологических отношений в законодательстве, что препятствует полноценной реализации «зеленой» экономики и стимулированию добросовестного поведения хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова

баланс интересов, публичный интерес, частный интерес, экологическая функция, экологическая безопасность, устойчивое развитие, окружающая среда, бизнес

Для цитирования

Бросалина А.А. Баланс публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 166-176. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-166-176>

The balance of public and private interests in the implementation of the ecological function of the state and ensuring environmental safety: theoretical and legal aspects

© Aleksandra A. BROSALINA,

Lecturer of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5444-1555>, brosalina2001@mail.ru

Abstract

The active development of the market system in the Russian Federation sets as an essential task the sustenance of competitive economic activity. In these conditions, the objective reality is the implementation of a negative impact on the environment. Therefore, among the most important national priorities recognized in Russia is ensuring two vital conditions – the state of economic growth and the state of environmental well-being. The purpose of this article is a theoretical and legal analysis of the problem of ensuring a balance of public and private interests in the implementation of the ecological function of the state and ensuring environmental safety. On the basis of doctrinal approaches, the correlation of the categories “interest”, “public interest”, “private interest” and “balance of interests” is indicated. The approaches to understanding the relationship between environmental and economic interests are analyzed, and the positions reflected in constitutional and judicial practice are identified. It is established that in order to implement the paradigm of sustainable development, it is necessary to achieve interrelated economic and environmental goals, as well as to overcome conflicts between economic rights and freedoms and requirements aimed at ensuring environmental protection. Attention is focused on the categories of “environmental compliance” and “environmental lobbying”. The conclusion is made about the insufficient degree of consolidation of private legal means of influencing participants in environmental relations in legislation prevents the full implementation of the “green” economy and the stimulation of conscientious behavior of business entities.

Keywords

balance of interests, public interest, private interest, environmental function, environmental safety, sustainable development, environment, business

For citation

Brosalina, A.A. (2024). The balance of public and private interests in the implementation of the ecological function of the state and ensuring environmental safety: theoretical and legal aspects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 166-176 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-166-176>

Введение. Постановка проблемы

Стремительное развитие общественных отношений в любом цивилизованном государстве предопределяет необходимость выстраивания эффективной модели организации публичного управления, а также гибкого правового регулирования, основанного на потребностях современного общества. Государство в таких отношениях не должно признавать только сугубо авторитарные и публично-властные инструменты воздействия на общественные отношения, напротив, оно должно быть готовым к равному и партнерскому диалогу с частными субъектами. Особенно востребованной и актуальной является проблема

обеспечения оптимального сочетания публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечения экологической безопасности.

В настоящий момент времени Российская Федерация сталкивается с большим количеством вызовов, в числе которых находятся и экологические проблемы. Вопросы экологической политики и обеспечения правового механизма поддержания экологического благополучия имеют национальный характер. В свою очередь, экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности, а окружающая среда относится к числу объектов, подвер-

гающихся постоянному антропогенному воздействию, и, следовательно, нуждающихся в высоком уровне государственной защищенности. Об этом свидетельствует Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г.¹, а также немалое количество документов стратегического планирования, в числе которых Стратегия национальной безопасности РФ², Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года³, Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года⁴. Недавно был принят Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁵, в котором экологическое благополучие определено в числе национальных целей развития РФ. Ключевым во всех названных правовых актах и документах является то, что экологическое развитие государства в них объясняется необходимостью решения социально-экономических задач, в частности, обеспечения экологически ориентированного роста экономики, сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях устойчивого развития.

Безусловно, вопросы взаимовлияния экологии и экономики крайне актуальны. И почти общепринятой в доктрине можно считать позицию о том, что проблемы охраны окружающей среды находятся в тесной интеграции с экономической наукой. Подтверждени-

ем этому можно считать большое количество последних исследований, посвященных тенденциям экологизации экономики и формированию так называемой «зеленой» экономики [1–3]. Во многом эти исследования проделаны с учетом правовых аспектов, в частности, касающихся правового обеспечения экологических правоотношений в условиях трансформации парадигмы их развития с «потребительской» на «эколого-экономическую» [4]. В контексте всего вышесказанного представляется обоснованным отметить, что перспективы правового регулирования экологической сферы связаны с выстраиванием системы взаимосвязи между публичными и частными интересами в вопросах отношения к охране окружающей среды.

Результаты и обсуждение

Переходя к размышлению над проблемой установления баланса между публичными и частными интересами в сфере охраны окружающей среды, следует акцентировать внимание на том, что в целом понимается под категориями «интерес», «публичный интерес», «частный интерес» и «баланс интересов».

Публичный и частный интерес являются разновидностью общей категории «интерес», которая имеет многогранное значение в научном дискурсе. Данная категория может изучаться с позиции различных областей знания – психологии, экономики, социологии, философии, политологии, права. Немаловажное методологическое значение отдается категории «интерес» при изучении правовых явлений, в частности, правовых средств воздействия на общественные отношения, а также механизма реализации функций государства. В последнее время в правовой доктрине прослеживается исследовательская тенденция, выражающаяся в экстраполяции методологической функции категории «интерес» на познание взаимоотношений личности, общества, государства при трансформации тех или иных правовых явлений, например, государственного контроля [5], судебной власти [6], цифровой экономики [7] и др.

Зарубежными исследователями предпринимаются попытки выявить соотношение конкурирующих друг с другом интересов в условиях новаций, пронизывающих систему законодательства [8; 9].

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. 1 марта.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

⁴ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

Анализ сложившихся доктринальных положений позволяет отметить, что рассмотрение различного рода общественных отношений с позиции соотношения интересов личности, общества и государства проводится с целью определения границ властных проявлений со стороны государства, а также пределов свободы субъектов, не обладающих властными полномочиями. В условиях современных реформ в сфере публичного управления происходит трансформация взаимоотношений между публичными и частными субъектами, следовательно, заметно проявление так называемого паритета публичных и частных интересов. Вопросы определения способов достижения согласованности между интересами личности, общества и государства, а также своевременного выстраивания правового регулирования, способствующего балансированию этих интересов, являются крайне актуальными для теоретиков и практиков.

Определение интереса с общеправовой точки зрения весьма емко представлено в диссертации А.А. Данькова: «ценностная предметно-избирательная позиция лица, отражающая осознанную им потребность в необходимом и реально достижимом благе, на получение которого направлена его объективно обусловленная правомерная деятельность» [10, с. 10]. Таким образом, определение интереса как правовой категории сводится к наличию определенной опосредованной правом потребности в достижении социальных благ.

Публичные интересы охватывают интересы, которые обеспечены императивной силой публичной власти, признаются государством и находят проявление в нормах права. Публичные интересы неразрывно связаны с государством и обществом, должны соответствовать его основным векторам развития. Носителями публичного интереса выступают властные субъекты, обладающие публичной властью.

Частные интересы имеют направленность на удовлетворение потребностей личности. Они так же, как и публичные интересы, охраняются правом, но являются присущими гражданам и юридическим лицам.

Стоит признать обоснованной позицию О.Ю. Бакаевой и Н.А. Погодиной о наличии неоднородной динамики в соотношении публичных и частных интересов: «интересы от-

ражаются в публичном и частном праве по-разному: то взаимодействуя, то противореча друг другу, то согласуясь между собой» [11, с. 43]. Схожим также представляется мнение Е.Ю. Архиповой, отмечающей тенденцию постепенного проникновения публичных интересов в частное право, а частных интересов – в публичное право» [12, с. 135]. Все это объективно приводит к необходимости поиска баланса между публичными и частными интересами в целях установления пределов их реализации.

Категория «баланс интересов» является общеупотребительной в доктрине, а также широко используется Конституционным судом РФ⁶. Вместе с тем подходы к определению баланса интересов не отличаются определенной однозначностью, они могут характеризоваться весьма абстрактным образом, например, как «равенство, оптимальное сочетание или соразмерность интересов» [13, с. 36]. Плюрализм мнений относительно содержания наполнения категории «баланс интересов» обоснованно, по нашему мнению, объясняется А.А. Завгородней, которая в основу него ставит различные методологические подходы и цели, которые обозначаются конкретным исследователем при определении предмета изучаемой группы отношений [14, с. 520]. Так, баланс интересов с позиции телеологического подхода может определяться в качестве цели, с позиции инструментального подхода – средства эффективности правового регулирования, с позиции системного подхода – элементом правового сознания и правовой идеологии и т. д. [14, с. 520].

Анализируя все представленные взгляды на соотношение категорий «интерес», «пуб-

⁶ См., например: Постановление Конституционного суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина» (дата обращения: 19.04.2024); Постановление Конституционного суда РФ от 17.06.2024 № 30-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 65 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.В. Щеголева». Доступ из СПС Консультант-Плюс.

личный интерес», «частный интерес», «баланс интересов», можно сделать вывод, что с методологической точки зрения все они являются необходимыми для познания сущности взаимоотношений, а также динамики изменения таких взаимоотношений в условиях трансформаций, которые переживают те или иные группы правоотношений под влиянием современных тенденций. При этом поиск баланса между публичными и частными интересами является оправданной и объективно необходимой задачей не только для исследователей, но и правоприменителей, в частности, реализующих охранительные функции, поскольку общественные отношения, а также границы свободы в публичном и частном секторах являются весьма подвижными, в одно время является востребованным применение публично-правовых средств воздействия на отношения и максимальное вмешательство государства в них, а в другое время «жесткий» подход со стороны государства к правовому регулированию и его активное вмешательство может не отличаться эффективностью в решении различного рода задач, в том числе и национальных. Проблемы, касающиеся охраны окружающей среды и рационального природопользования, относятся к числу национальных интересов Российской Федерации, и на современном этапе выстраивание экологической политики и стратегии по минимизации экологических рисков должно быть основано на концентрации усилий как органов публичной власти, так и институтов гражданского общества, в частности, представителей бизнеса. Поддержание экологического благополучия, а также соблюдение экологических прав является общей потребностью как государства и его уполномоченных органов власти, так и самих хозяйствующих субъектов, оказывающих негативное воздействие на состояние окружающей среды. То есть должна быть обеспечена согласованность публичных и частных интересов. Наша позиция подтверждается имеющимися научно-теоретическими исследованиями [15; 16], а также практикой рассмотрения дел Конституционным судом РФ⁷. К примеру, в размыш-

лениях о векторе развития правового регулирования и государственной политики в области экологического развития Конституционный суд РФ подчеркивает важность «баланса интересов субъектов хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, и интересов общества» и указывает на то, что при решении социально-экономических задач «ограничения прав и свобод граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, должны быть соразмерными конституционно одобряемым целям и не создавать препятствий их экономической самостоятельности и инициативе»⁸. Более того, одной из центральной задач в конституционно-судебной практике признается «согласование предпосылок благоприятного экономического развития с экологическими требованиями; установление баланса между осуществлением субъектами хозяйственной деятельности принадлежащих им прав и публичными интересами в сфере экологии, обеспечением охраны окружающей среды»⁹.

Опираясь на доктрину и на конституционно-судебную практику, можно сделать вывод, что ключевым ориентиром в осуществлении экологической функции государства, а также обеспечении экологической безопасности должно быть формирование соответствующего правового регулирования, которое будет направлено, прежде всего, на профилактику экологических правонарушений и стимулирование экологоориентированной хозяйственной деятельности.

В литературе справедливо отмечается, что состояние окружающей среды на современном этапе приобрело значение «фундаментальной составляющей глобальной безо-

верке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона «О гидрометеорологической службе», пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Валмакс». Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁸ Там же.

⁹ Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (одобрено решением Конституционного суда РФ от 17.12.2020). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁷ См., например: Постановление Конституционного суда РФ от 29.09.2021 № 42-П «По делу о про-

пасности современного общества» [17, с. 74]. Экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности, а также одним из основных элементов в содержании экологической функции государства. Экологическая функция имеет комплексный характер, в ее реализации ключевыми аспектами являются правовой и организационный [18, с. 116]. Правовой аспект реализации экологической функции государства предполагает формирование и выполнение правовых норм в сфере охраны окружающей среды и природопользования, организационный аспект связан, прежде всего, с механизмами экологического управления и контроля. Полагаем, что в этих двух аспектах должно заключаться ключевое значение экологической функции и, следовательно, экологической безопасности, которое выражается в обеспечении баланса экологических и экономических интересов, а также сочетании публично-правовых и частноправовых методов регулирования.

На современном этапе система экологического законодательства состоит из большого массива нормативных правовых актов, среди которых как законы, так и подзаконные акты. В целом, сложившуюся систему правовой регламентации отношений в сфере охраны окружающей среды можно свести к двум основным направлениям: 1) выработка и совершенствование регулятивных норм по установлению общеобязательных экологических требований; 2) организация контроля и управления над экологическими рисками с целью их предупреждения и минимизации. В совокупности эти два направления составляют основное содержание правового механизма охраны окружающей среды. Перспективной задачей для экологического права является формирование регулятивных мер, которые позволят обеспечить баланс между окружающей средой и хозяйственной деятельностью субъектов предпринимательской деятельности. Соответственно, баланс публичных и частных интересов должен быть достигнут и в сфере экологической безопасности, и экономической сфере.

Достижение такого баланса видится только в оптимальном сочетании мер публичного (властного) характера и частного характера. В этом аспекте мы солидаризируемся с мнени-

ем С.А. Боголюбова: «человек, общество, государство должны быть взаимно заинтересованы в благоприятной окружающей среде и использовании надлежащих средств обеспечения этих взаимных прав и интересов» [19, с. 25]. Поэтому в условиях активного развития рыночной экономики и построения концепции устойчивого развития основной задачей экологического права как трансформирующейся отрасли права и является установление оптимальной степени согласованности экономических и экологических интересов. Это прямо вытекает из положений Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, основанной на документах Рио-де-Жанейрской конференции 1992 г.¹⁰

Процесс достижения устойчивого развития, а также полноценного внедрения «зеленой» экономики в России требует большого количества мероприятий, а также финансовых и организационных издержек. К сожалению, нельзя сказать, что на современном этапе правовое регулирование в этой области является совершенным. Представляется обоснованной позиция Д.М. Дубовик в том, что стимулирование экологического предпринимательства на настоящий момент времени не реализуется в полной мере ввиду недостаточного количества закрепленных на законодательном уровне правовых средств и институтов [20, с. 41].

Следует признать, что действующим законодательством уделяется внимание больше публично-правовым средствам охраны окружающей среды, основанным на применении порицающих мер воздействия. Но вместе с тем целесообразно было бы продумать концепцию внедрения на законодательном уровне больше поощрительных инструментов и механизмов, которые стимулировали бы применение экосовместимых методов ведения предпринимательской деятельности.

В числе основных общепризнанных публично-правовых средств охраны окружающей среды установлены лицензирование, норми-

¹⁰ О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572; Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14.06.1992 // Действующее международное право: в 3 т. М.: МНИМП, 1996. Т. 3.

рование публичными органами власти определенных видов деятельности в природопользовании, государственная экологическая экспертиза, экологическое страхование, государственный экологический надзор, муниципальный экологический контроль.

Однако, рассуждая о развитии «зеленой экономики» и экологически ориентированного бизнеса в государстве, думается, что действующим законодательством должен быть сделан акцент также на целесообразности признания в качестве неотъемлемо важных частноправовых инструментов охраны окружающей среды. В этом контексте хочется присоединиться к мнению А.В. Захарова, который подчеркивает, что «все заметнее становится противоречие между рыночными методами регулирования экономического поведения природопользователей и доминирующими командно-административными методами управления экологическим организационным поведением» [21, с. 230]. Последние из указанных методов в современных условиях развития государства, а также преобразований государственного управления не могут отличаться эффективностью, напротив, могут повлечь серьезные барьеры в экономической сфере, а также вызвать возрастание институциональных издержек в экологическом управлении.

Подчеркнем, что реализуемая с 2016 года масштабная реформа контрольной и надзорной деятельности преследует основную цель – уменьшить административное давление на бизнес. Поэтому считаем, что в условиях данной реформы ключевым направлением, применимым и к экологической функции государства, можно считать обеспечение оптимального соотношения контроля со стороны государства и добросовестного поведения хозяйствующих субъектов.

В связи с потребностью в развитии предпринимательства как фактора поддержания конкурентоспособности экономики государства в научной среде актуализирована проблема внедрения в деятельность различных предприятий систем, позволяющих регулировать их хозяйственную деятельность с целью самостоятельного предотвращения возможных нарушений установленных требований, предупреждения и минимизации рисков. Такие системы получили наименование

«комплаенс», а содержание этих систем составляют различные комплаенс-риски. В сфере обеспечения экологической безопасности актуально говорить об экологическом комплаенсе как одного из видов комплаенса. Однако стоит отметить, что экологический комплаенс на настоящий момент времени не получил институционализации в действующем российском законодательстве в отличие, например, от антимонопольного комплаенса. В одном из исследований нами ранее определялись конкретные сущностные черты категории «экологический комплаенс» [22]. Поэтому в настоящем исследовании обозначим лишь общее содержание экологического комплаенса как системы предприятия, направленной на осуществление внутреннего постоянного контроля за соблюдением требований природоохранного законодательства, а также на своевременное выявление и предотвращение экологических рисков.

Оценивая перспективы внедрения в деятельность российских предприятий экологического комплаенса, можно отметить их неоднозначность. С позиции обеспечения баланса публичных и частных интересов экологический комплаенс может расцениваться положительно в качестве инструмента, содержащего комплекс превентивных природоохранных мер, которые может осуществлять хозяйствующий субъект. Это вполне соответствует нормам Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», поскольку там закреплены положения о допустимости применения частноправовых средств контролирующими лицами, например, самообследования¹¹. Но, с другой стороны, экологический комплаенс не получил нормативного закрепления в Российской Федерации. Отсутствуют какие-либо официальные разъяснения относительно принципов и условий его внедрения в деятельность предприятий, воздействующих на состояние окружающей среды. В этом аспекте состояние правового регулирования экологического комплаенса

¹¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

лаенса уступает состоянию правовой обеспеченности антимонопольного комплаенса в Российской Федерации. Кроме того, открытым остается вопрос и о заинтересованности самих хозяйствующих субъектов в формировании комплаенс-системы, поскольку это потребует значительных финансовых затрат. Все это, безусловно, нуждается в дальнейшей проработке не только с правовой, но и экономической точек зрения. Но, изучив сформировавшиеся на настоящий момент времени исследования, мы склонны отметить качественный потенциал экологического комплаенса как для бизнес-сектора, так и государства в целом. Считаем, что он мог бы приобрести значение частноправового средства, которое допустимо было бы применять наряду с экологическим контролем (надзором) для достижения оптимальной степени согласованности публичных и частных интересов. Представляется возможным разделить позицию Д.М. Дубовик о том, что целесообразно закрепить экологический комплаенс на законодательном уровне [20, с. 42]. А стимулирование субъектов экономической деятельности на внедрение системы комплаенса можно было бы обеспечить за счет дополнительных мероприятий со стороны государства, например, увеличения периода между плановыми проверками, учета наличия системы комплаенса в качестве смягчающего основания для наложения административно-правовых санкций, предоставления налоговых льгот и др.

Размышляя над проблемой достижения баланса публичных и частных интересов в экологической сфере, следует обратить внимание и на такую категорию, как «лоббизм». Данный термин так же, как и термин «комплаенс» имеет английское происхождение. Его основное содержание сводится к установлению диалога между властью и заинтересованными группами лиц с целью оказания влияния последними на законотворческую деятельность государства. Отметим, что на доктринальном уровне сложились отдельные исследования, посвященные роли лоббизма в экологической сфере или так называемому «экологическому лоббизму» [23; 24]. Несмотря на противоречивость феномена «лоббизм», в том числе и в экологической сфере, его положительность усматривается в том, что лоббирование может содействовать дос-

тижению баланса между интересами различных социальных групп и государства, а также развитию этих интересов и их закреплению в законодательстве. Поэтому экологический лоббизм при всей его противоречивости можно отнести к «ключевой общественно полезной деятельности, необходимой для принятия сбалансированных эколого-политических решений» [24, с. 37]. Важным является то, чтобы бы при принятии таких решений обеспечивался равный доступ к ним всех групп населения, а не одной группы, оказывающей единоличное влияние на органы публичной власти. В таком случае экологический лоббизм можно рассматривать в качестве положительного инструмента для гармонизации интересов общества и государства в сфере обеспечения охраны окружающей среды.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, сделаем следующие выводы. В условиях реализации концепции устойчивого развития происходит трансформация подходов к пониманию правовых и организационных аспектов реализации экологической функции государства и экологической безопасности. Анализ доктринальных точек зрения, подзаконных нормативных актов, а также конституционно-судебной практики позволил установить, что ключевой задачей в рамках такой трансформации является достижение компромисса между экономическими правами и свободами, с одной стороны, и требованиями охраны окружающей среды, с другой стороны. Поддержание экологического благополучия и развитие конкурентноспособной экономики являются взаимообусловленными национальными задачами Российской Федерации, а их решение требует установления баланса публичных и частных интересов, который позволит ограничить вмешательство государственного сектора в осуществление хозяйственной деятельности со стороны бизнес-сообщества, но вместе с тем стимулировать добросовестное экономическое поведение предприятий в направлении охраны окружающей среды. Таким образом, экономическое развитие должно быть совместимым с экономическим развитием, тем самым «экологический популизм не должен оказывать заранее дискриминационное воз-

действие на экономическую деятельность» [25, с. 127]. Достижение подобного баланса интересов должно найти свое отражение, прежде всего, в правовом регулировании охраны окружающей среды и природопользования, а также в подходах к управлению и контролем над экологической безопасностью. Механизмы защиты и охраны окружающей среды должны быть основаны на сочетании публично-правовых и частноправовых средств, которые в совокупности позволяют увеличить экологическую ориентированность хозяйственной деятельности, повысить правовую осознанность предпринимателей, обеспечить развитие «зеленой экономики». Проведенное исследование позво-

лило установить, что в сложившейся системе правовой регламентации экологической сферы отношений наблюдается преобладание публично-правовых средств охраны окружающей среды, основанных на порицающих мерах воздействия, а также противоречие в подходах к определению значимости экологических и экономических интересов. Очевидно, что на настоящий момент времени сохраняется необходимость в дальнейшей работе над правовыми и институциональными преобразованиями в направлении достижения баланса публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции и обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации.

Список источников

1. Егорова М.А. Принципы эколого-правового регулирования «зеленой» экономики в условиях цифровизации и защиты конкуренции // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 12. С. 1881-1891. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0959>, <https://elibrary.ru/mjyzll>
2. Садовникова Г.Д. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовые векторы развития // Образование и право. 2023. № 9. С. 52-56. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-9-52-56>, <https://elibrary.ru/gdqseg>
3. Ябдулганов А.А. «Зеленая» функция налогового права // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 7 (107). С. 116-129. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.107.7.116-129>, <https://elibrary.ru/lcuqca>
4. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Трансформация экологического права: теоретико-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 149-158. <https://doi.org/10.17223/2253513/41/13>, <https://elibrary.ru/yxyyzz>
5. Южаков В.Н., Спиридонов А.А. Клиентоцентричность государственного контроля: ориентация на баланс интересов сторон // Государственная служба. 2023. № 2 (142). С. 13-28. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-13-28>, <https://elibrary.ru/lixjin>
6. Белоусов Н.В. Вклад Конституционного суда Российской Федерации в формирование конституционно-отраслевой концепции интересов // Право и практика. 2023. № 4. С. 64-70. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-4-64-70>, <https://elibrary.ru/yhbmuv>
7. Фархутдинов Р.Д. Пределы публичного экономического интереса в коммерческой сделке в цифровой экономике: понятие, межотраслевые связи, проблемы правового регулирования // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 121-123. <https://elibrary.ru/ycpkls>
8. Scassa T. Interests in the Balance // In the public interest: The future of Canadian copyright law. Toronto: Irwin Law, 2005. P. 41-65.
9. Sartor G. The right to be forgotten: balancing interests in the flux of time // International Journal of Law and Information Technology. 2016. Vol. 24. Issue 1. P. 72-98. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eav017>
10. Даньков А.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 35 с. <https://elibrary.ru/zpmnjf>
11. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4 (172). С. 36-47. <https://elibrary.ru/mhqvkj>
12. Архипова Е.Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132-139. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139>, <https://elibrary.ru/tqgogc>
13. Фетюков Ф.В. Баланс частных и публичных интересов в сфере исследований генома человека // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 35-42. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_6_35, <https://elibrary.ru/wyuzue>
14. Завгородняя А.А. Научный дискурс о балансе интересов в праве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 512-522. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522>, <https://elibrary.ru/vxecdz>

15. Васянин Г.М., Кузнецов Д.А. Баланс частных и публичных интересов при пользовании недрами, земельными участками и в случаях изъятия земельных участков для целей недропользования // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 112-117. <https://elibrary.ru/sbevjt>
16. Абанина Е.Н., Петров Д.Е. Политика государства в сфере устойчивого развития: поиск баланса интересов // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 59-67. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-3-59-67>, <https://elibrary.ru/dnmosk>
17. Ронжина Н.А. Правовое обеспечение экологической безопасности: глобальные, национальные и интеграционные аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.В. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 4 (72). С. 74-79. <https://elibrary.ru/yryxba>
18. Кодирзода М.А. Некоторые проблемы экологической функции государства // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2021. № 4 (89). С. 114-121. <https://elibrary.ru/sxgxju>
19. Боголюбов С.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 24-32. <https://elibrary.ru/ndfcbe>
20. Дубовик Д.М. Экологический комплаенс как инструмент развития «зеленого» предпринимательства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 39-44. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2022-4-39-44>, <https://elibrary.ru/cdlogx>
21. Белянская О.В. и др. Трансформация институтов публичной власти в современной России / отв. ред. Н.Е. Садохина. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. 252 с.
22. Булгаков В.В., Brosalina A.A. Экологический комплаенс: понятие, особенности, роль в снижении эколого-правовых рисков и обеспечении экологической безопасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 117-131. <https://doi.org/10.17223/22253513/50/9>, <https://elibrary.ru/vzjbts>
23. Зеленукин Р.В. Лоббирование в экологической сфере: практические аспекты экономических и экологических интересов // Аграрное и земельное право. 2020. № 5 (185). С. 54-57. <https://elibrary.ru/qtvoey>
24. Посульченко В.А. Экологический лоббизм как индикатор развития гражданского общества // POLITBOOK. 2020. № 2. С. 24-41. <https://elibrary.ru/kujwvt>
25. Зеленукин Р.В. Лоббирование как инструмент согласования социальных интересов: к вопросу о перспективах правового регулирования // Актуальные проблемы государства и права. 2017. № 2. С. 125-135. <https://elibrary.ru/zukwhz>

References

1. Egorova M.A. (2022). Principles of environmental and legal regulation of the “green” economy in the context of digitalization and protection of competition. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, no. 12, pp. 1881-1891. (In Russ.) <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0959>, <https://elibrary.ru/mjyzll>
2. Sadovnikova G.D. (2023). “Green” energy: constitutional and legal vectors of development. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 9, pp. 52-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-9-52-56>, <https://elibrary.ru/gdqseg>
3. Yabdulganov A.A. (2023). “Green” function of tax law. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, no. 7 (107), pp. 116-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.107.7.116-129>, <https://elibrary.ru/lcuqca>
4. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. (2021). Transformation of environmental law: a theoretical and legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, no. 41, pp. 149-158. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/41/13>, <https://elibrary.ru/yxyyzz>
5. Yuzhakov V.N., Spiridonov A.A. (2023). Client-centricity of state control: balancing the parties' interests. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*, no. 2 (142), pp. 13-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-13-28>, <https://elibrary.ru/lixjin>
6. Belousov N.V. (2023). Contribution of the constitutional court of the Russian Federation to the formation of the constitutional and sectoral concept of interests. *Pravo i praktika = Law and Practice*, no. 4, pp. 64-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-4-64-70>, <https://elibrary.ru/yhbmuv>
7. Farkhutdinov R.D. (2020). Limits of public economic interest in a commercial transaction in the digital economy: the concept of inter-industry linkages, problems of legal regulation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 2, pp. 121-123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ycpkls>
8. Scassa T. (2005). Interests in the Balance. In *the Public Interest: The Future of Canadian Copyright Law*. Toronto, Irwin Law Publ., pp. 41-65.
9. Sartor G. (2016). The right to be forgotten: balancing interests in the flux of time. *International Journal of Law and Information Technology*, vol. 24, issue 1, pp. 72-98. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eav017>

10. Dan'kov A.A. (2014). *Obespechenie balansa publichnykh i chastnykh interesov v sfere pravosudiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Ensuring a Balance of Public and Private Interests in the Field of Justice. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 35 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpmnjf>
11. Bakaeva O.Yu., Pogodina N.A. (2011). Of correlation of private and public interests. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 4 (172), pp. 36-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mhqvkj>
12. Arkhipova E.Yu. (2022). The balance of private and public interests in legal regulation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 2, pp. 132-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139>, <https://elibrary.ru/tqgogc>
13. Fetyukov F.V. (2023). Balance of private and public interests in the field of human genome research. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Research*, no. 6, pp. 35-42. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_6_35, <https://elibrary.ru/wyuzue>
14. Zavgorodnyaya A.A. (2022). Scientific discourse on the balance of interests in law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 512-522. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522>, <https://elibrary.ru/vxecdz>
15. Vasyanin G.M., Kuznetsov D.A. (2023). The balance of private and public interests in the use of subsoil, land and in cases of seizure of land for the purposes of subsoil use. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, no. 12, pp. 112-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sbevjf>
16. Abanina E.N., Petrov D.E. (2023). State policy in the field of sustainable development: search for balance of interests. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, no. 3, pp. 59-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-3-59-67>, <https://elibrary.ru/dnmosk>
17. Ronzhina N.A. (2019). Environmental safety legislation: global, national and integration aspects. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.V. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy St.-Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov*, no. 4 (72), pp. 74-79. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yryxba>
18. Kodirzoda M.A. (2021). Some problems of ecological function of the state. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk = Bulletin of Tsulbp. Series of Social Sciences*, no. 4 (89), pp. 114-121. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxgxju>
19. Bogolyubov S.A. (2005). Sootnoshenie publichno-pravovykh i chastnopravovykh sredstv v obespechenii ehkologicheskikh prav grazhdan [The ratio of public and private legal means in ensuring environmental rights of citizens]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 7 (103), pp. 24-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndfcbe>
20. Dubovik D.M. (2022). Compliance as a necessary element of legal regulation of environmental relations. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*, no. 4 (14), pp. 39-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2022-4-39-44>, <https://elibrary.ru/cdlogx>
21. Belyanskaya O.V. et al. (2023). *Transformatsiya institutov publichnoi vlasti v sovremennoi Rossii* [Transformation of Public Power Institutions in Modern Russia]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 252 p. (In Russ.)
22. Bulgakov V.V., Brosalina A.A. (2023). Environmental compliance: concept, features, role in mitigating environmental and legal risks and ensuring environmental security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, no. 50, pp. 117-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/50/9>, <https://elibrary.ru/vzjbts>
23. Zelepukin R.V. (2020). Lobbying in the environmental sphere: practical aspects of economic and environmental interests. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, no. 5 (185), pp. 54-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtvoey>
24. Posul'chenko V.A. (2020). Environmental lobbyism as an indicator of the development of civil society. *POLITBOOK*, no. 2, pp. 24-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kujjwwt>
25. Zelepukin R.V. (2017). Lobbying as an instrument of social interests coordination: on the issue of prospect of legal regulation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, no. 2, pp. 125-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zukwhz>

Поступила в редакцию / Received 17.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-177-186>

Шифр научной специальности 5.1.1

**На службе российской науки: вклад немецких историков
Императорской академии наук XVIII века
в развитие научного интереса к истории русского права**

© **ВАСИЛЬЕВА Евгения Владимировна**,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Российская Федерация, 644092, г. Омск, прос. Комарова, 7, <https://orcid.org/0000-0001-9745-8066>, lyuevvla@yandex.ru

Аннотация

В XVIII веке при содействии государства был дан импульс развитию общей истории как науке. Дан обзор государственной политики, обеспечившей условия для творческой активности иностранных историков в России, с которыми связано определение основных направлений научного поиска. Цель работы заключается в раскрытии вклада немецких ученых: Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера, – в развитие научного интереса к историко-правовым проблемам. Анализ творческого наследия академиков-иностранцев позволил прийти к выводу о весомом вкладе последних в становление и развитие научной методологии общей истории и в дальнейшем истории русского права. Раскрыто содержание основных направлений деятельности Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлёцера в России, которая способствовала определению круга научных проблем для будущих общеисторических и историко-правовых исследований, накоплению эмпирического материала, разработке критического метода работы с источником. Подчеркнуто, что немецкими историками одними из первых была предпринята попытка раскрытия специфики правовых источников и осмыслена их ценность как для ученых, так и для юристов-практиков. Исследование базируется на принципе историзма, подразумевающего рассмотрение предмета (научной деятельности Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера, способствующей формированию и развитию профессионального интереса к истории русского права) в динамике и в непосредственной связи с конкретными историческими условиями. Принцип междисциплинарности предполагает использование научных приемов и категорий из области интеллектуальной истории, теории государства и права, истории государства и права России. Для достижения цели исследования использовались, помимо общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция), специальные методы (конкретно-исторический, метод синхронного анализа и биографического описания).

Ключевые слова

наука, научный интерес, история, история русского права, немецкие историки, ученый, Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер, Императорская академия наук

Для цитирования

Васильева Е.В. На службе российской науки: вклад немецких историков Императорской академии наук XVIII века в развитие научного интереса к истории русского права // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 177-186. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-177-186>

In the service of Russian science: the contribution of German historians of the Imperial Academy of Sciences of the 18th century to the development of scientific interest in the history of Russian law

© Evgeniya V. VASILYEVA,

PhD (History), Associate Professor of Theory and History of Law and State Department, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7 Komarova Ave., Omsk, 644092, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9745-8066>, lyuevvl@yandex.ru

Abstract

In the 18th century, with the assistance of the state, impetus was given to the development of general history as a science. An overview of state policy is given that has provided conditions for the creative activity of foreign historians in Russia, which is associated with the determination of the main directions of scientific research. The purpose of the work is to reveal the contribution of German scientists: G.S. Bayer, G.F. Miller and A.L. Schlözer, to the development of scientific interest in historical and legal problems. The analysis of the creative heritage of foreign academics allowed us to come to the conclusion about the significant contribution of the latter to the formation and development of the scientific methodology of general history and later the history of Russian law. We reveal the content of the main activities of G.S. Bayer, G.F. Miller, A.L. Schlözer in Russia, which contributed to the definition of a range of scientific problems for future general historical and historical-legal research, the accumulation of empirical material, and the development of a critical method of working with the source. It is emphasized that German historians were among the first to attempt to reveal the specifics of legal sources and comprehend their value for both scientists and legal practitioners. The research is based on the principle of historicism, which implies consideration of the subject (the scientific activities of G.S. Bayer, G.F. Miller and A.L. Schlözer, contributing to the formation and development of professional interest in the history of Russian law) in dynamics and in direct connection with specific historical conditions. The principle of interdisciplinarity involves the use of scientific techniques and categories from the field of intellectual history, theory of state and law, history of state and law of Russia. In addition to general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), special methods (specifically historical, method of synchronous analysis and biographical description) are used to achieve the research goal.

Keywords

science, scientific interest, history, history of Russian law, German historians, scientist, G.S. Bayer, G.F. Miller, A.L. Schlözer, Imperial Academy of Sciences

For citation

Vasilyeva, E.V. (2024). In the service of Russian science: the contribution of German historians of the Imperial Academy of Sciences of the 18th century to the development of scientific interest in the history of Russian law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 177-186 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-177-186>

Введение

О знаменитых немецких историках: Готлибе Зигфриде Байере, Герарде Фридрихе Миллере, Августе Людвиге Шлёцере, – исследователи пишут много и довольно давно. Профессиональный интерес к их творческому наследию появился еще в XIX веке (см., например: [1–4; 5, с. 77-81, 180-196, 308-430; 6; 7]), не пропадал в советский период, отчасти продолжает сохраняться и сегодня (см., например: [8, с. 109-128, 169-187; 9; 10, с. 189-193; 11, с. 29-43;

12, с. 56-60; 13–15]). Не вдаваясь в подробности историографической дискуссии о пользе и вреде научной деятельности немцев для российской науки, отметим лишь, что Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер больше известны как создатели норманнской теории, иностранцы, сыгравшие «заметную роль в становлении отечественной истории как науки» [16, с. 108], наконец, основатели источниковедения и архивоведения. Однако возникновение научного интереса к истории русского права также свя-

зано с именами этих ученых, что имеет принципиальное значение для понимания предпосылок генезиса данной науки в России. Таким образом, при всем внимании отечественных исследователей к творчеству Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера в научных работах не получил целостного и масштабного отражения данный вопрос. В литературе освещены лишь некоторые аспекты их деятельности, чаще рассматривавшиеся в контексте прочих проблем по истории Древней Руси либо истории науки¹ (см., например: [16; 17]).

Результаты исследования, обсуждения

Как отметил известный ученый-правовед XIX века Н.П. Загоскин, «начало науке истории русского права было положено историками» [17, с. 15], которые сначала невольно, а затем и осознанно погружались в анализ законодательства прошлого. Однако сама история и российская наука в целом в XVIII веке находились ещё на этапе становления. Импульс их развитию был дан не кем иным, как Петром I.

«Идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность», являлась мотивом его начинаний [18, с. 161]. Всё, в том числе и наука, должно было приносить пользу, ориентироваться на решение государственных задач. Даже история содействовала этому. По замечанию советского исследователя С.П. Луппова, в личной библиотеке Петра Великого из множества книг по гуманитарным наукам превалировала историческая литература [19, с. 97], изучение которой признавалось важным и нужным делом. Только в ней содержались достойные внимания примеры прошлого, коим должно следовать. Однако старый подход летописца уже стал неприемлем, требовалась научная разработка вопросов истории,

призванная обосновать петровскую политику.

Опыт подобной деятельности в России отсутствовал, отчего предстояло создать собственную историческую науку, попутно усваивая достижения западноевропейской научной мысли [8, с. 64]. Решение этой непростой задачи на государственном уровне осуществлялось по трем основным направлениям. Первое связано с публикацией переведенных на русский язык исторических сочинений иностранных авторов, которые по числу изданий уступали только религиозной литературе, а также текстам философской и воспитательной (нравоучительной) направленности [19, с. 20].

На фоне неудачных попыток написания истории России, предпринятых в начале XVIII века по поручению царя Ф.П. Поликарповым и А.И. Манкиевым, верховной властью инициировалось собирание источников для дальнейшего их изучения. В этой связи имели большое значение именные указы Петра Великого, объявленные Сенатом, – от 20 декабря 1720 г. и от 16 февраля 1722 г., – которые предписывали доставку из монастырей в столицу копий книг, печатных и рукописных документов, летописей, имеющих историческую ценность. Трудно преувеличить значение данных нормативных правовых актов. Благодаря им «было положено начало формированию источниковой базы отечественной исторической, а в последующем и историко-правовой науки» [16, с. 107], стала возможна подготовка В.Н. Татищевым первого обобщающего труда по истории России.

Наконец, особого внимания заслуживает учреждение специальным указом от 28 января (8 февраля) 1724 г. Академии наук в России². Согласно ему, внутренняя структура научного центра предусматривала три класса (отделения): математики, физики и гуманитарных наук³. Последний был пред-

¹ В работе Н.П. Загоскина «История права русского народа» (1899), затем более рельефно в монографии современных исследователей М.А. Кожевиной и Т.Ф. Яшук «Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.)» (2023) обозначена связь возникновения предпосылок для научного интереса к истории права России с деятельностью историков XVIII века.

² Учреждение в XVIII веке носило следующие официальные названия: Академия, или Социетет художеств и наук, с 1747 г. – Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге (согласно Регламенту), Санкт-Петербургская императорская академия наук и художеств (согласно Штату 1747).

³ В соответствии с Регламентом 1747 г. гуманитарный класс упразднился, историко-филологические

ставлен профессорами-академиками красноречия и древностей («Элоквенции и Студіумъ Антиквитатисъ»), «истории древней и нынешней», «права натуры и публичного купно политики и этики (нравоучения)» (§ 9)⁴. Именно стараниями первых ученых, приглашенных в Россию из Европы для работы в Императорской академии наук, было положено начало отечественной исторической науке.

Прежде всего, стоит отметить, что на момент переезда в Россию Г.З. Байер и А.Л. Шлёцер уже имели представление о научной деятельности, были хорошо знакомы с достижениями европейской науки [8, с. 169]. И лишь Г.Ф. Миллеру, прибывшему в Санкт-Петербург 20-летним юношей, только предстояло сформироваться как ученому. Знания, полученные в университетах Германии⁵, немцы сумели применить в процессе изучения русской истории, хотя, примечательно, ни один из них не связывал себя исключительно с этой наукой. В работе П.П. Пекарского «История Императорской академии наук в Петербурге» (1870) Г.З. Байер указан как филолог и ориенталист. Превосходное владение древними и современными языками помогло последнему (как и А.Л. Шлёцеру) расширить круг источников при разработке вопросов, связанных с начальным периодом истории Древней Руси, а методы работы с ними способствовали росту научной методологии и дали направление исторических исследований новому поколению ученых.

Предваряя анализ русской историографии «в связи с зарождением и первоначальным развитием русского историко-юридического знания», Н.П. Загоскин в своем труде «История права русского народа» выделил три основные составляющие научного исторического знания: во-первых, так называемая автором «философская подкладка», которая должна быть положена в основу работы, претендующей на право на-

зываться исследованием, во-вторых, широкая источниковая база и, наконец, критические методы оценки источников [17, с. 19]. В XVIII веке, когда просвещение и наука воспринимались как тождественные понятия, говорить о том, что ученые всерьез задумывались над методологией истории, её философией, едва ли возможно, а о попытках осуществления обобщений установленных из источников фактов и выявления законов общественного развития (теоретический уровень науки) – ещё рано. На этапе своего становления история пребывала на уровне осмысления текста (эмпирический уровень), который, по мнению М.М. Бахтина, является «первоначальной данностью (реальностью) и исходной точкой всякой гуманитарной дисциплины» (цит. по: [20, с. 16]).

Именно к историческому источнику в самом широком смысле оказалось приковано всё внимание немецких ученых. Благодаря стараниям Г.Ф. Миллера был введен в научный оборот массив архивных материалов, часть из которых представляет интерес для историков права и по сей день. Речь идет о царских указах XVI–XVII веков, актовых материалах, делопроизводственной документации местных учреждений, правовых договорах и т. п. Г.Ф. Миллеру заслуженно принадлежит звание родоначальника российской археографии. «Дело при этом даже не в объеме практических результатов, а в самом принципе подчинения архивной работы определенному научному плану, определенной задаче» [8, с. 112], – подчеркивал советский историограф Н.Л. Рубинштейн. Немецким историком были детально изучены архивы городов Сибири во время знаменитой экспедиции 1733–1743 гг., Московский архив иностранной коллегии, личные архивы А.Д. Меншикова и Петра Великого, архивы Разрядного и Сибирского приказов. Дано научное описание обнаруженных там документов, часть из которых Г.Ф. Миллер подготовил к печати и опубликовал.

Большое значение имеет издательская деятельность историка, не прерывавшаяся практически на протяжении 58 лет, прожитых им в Российской империи. На страницах многочисленных журналов, редактором

и юридические науки отошли к Академическому университету.

⁴ ПСЗРИ. Т. VII. № 4443. С. 222.

⁵ Г.З. Байер окончил Кенигсбергский университет, Г.Ф. Миллер год обучался в Лейпцигском, А.Л. Шлёцер – сначала на богословском факультете Виттенбергского, затем – в Геттингенском.

которых был Г.Ф. Миллер⁶, печатались тексты русских исторических памятников, отдельные научные статьи академиков Императорской академии наук, работы иностранцев по истории России. Особую ценность представляет опубликованный Г.Ф. Миллером Судебник 1550 г. с комментариями В.Н. Татищева (1768)⁷. Во вводной части издателем были предприняты робкие попытки раскрыть роль древних законов, по его мнению, заслуживающих внимание потомков «для спознания прежних прав и оных производства»⁸.

Продолжателем дела Г.Ф. Миллера по опубликованию русских правовых памятников стал А.Л. Шлёцер. Благодаря ему, в 1767 г. по Академическому списку была, наконец, издана обнаруженная В.Н. Татищевым «Русская Правда»⁹ (Краткая редакция, по словам самого А.Л. Шлёцера, хранившаяся в императорской библиотеке в составе Новгородской летописи) (с. 13). В предисловии ученый уже более развернуто, нежели Г.Ф. Миллер, раскрыл ценность правовых источников. По мнению автора, законоположения, несправедливо игнорируемые историками, содержат в себе «самое точнейшее изображение того века, в котором они писаны... и последующих веков» (с. 7), отличаются, в сравнении с летописями, беспристрастностью, краткостью, точностью. А.Л. Шлёцером подчеркивается польза древних законов и для современных юристов-практиков, которым стоит учиты-

вать, что законодательство «одного народа... составляет одну цепь» (с. 9).

Однако изданием «Русской правды» со своими комментариями А.Л. Шлёцер не ограничился. Интерес к памятникам русского права сохранился и после возвращения историка в Германию. В 1780 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» был опубликован фрагмент, взятый из книги А.Л. Шлёцера “*Neuverandertes Russland*” (1771), под заголовком «О происхождении и разных переменах российских законов» [21]. Вряд ли его можно назвать самостоятельным исследованием, поскольку текст повторяет содержание знаменитой речи профессора юриспруденции и политики Императорской академии наук Штрубе де Пирмона «Слово о начале и переменах российских законов», произнесенной на торжественном собрании 6 сентября 1756 г. Однако А.Л. Шлёцер отнюдь не хотел присвоить себе результаты чужого труда. Он преследовал просветительскую цель, включая в свою работу текст чужого исследования. По справедливому замечанию А.Ю. Андреева, «Шлёцер активно занимался распространением в Европе сведений о современной ему России, писал о русской науке, просвещении, и как публицист способствовал созданию у европейского (в особенности, немецкого) читателя определенной картины России в благоприятном свете, в противовес господствовавшему мнению о всеобщем «варварстве» и невежестве русских» [22, с. 137]. И исследование Штрубе де Пирмона не столько подтверждало норманнскую теорию¹⁰, сколько давало понять, что сходство «Русской Правды» с датским, шведским и германским законодательством свидетельствует об общности исторического пути европейских народов. «Шлёцер ставил, таким образом, вопрос не о национальных влияниях, а о постепенности развития общественного строя, народной жизни» [8, с. 186], – резюмировал Н.Л. Рубенштейн.

Неоценимый вклад внесли немецкие историки в разработку научной методики работы с источниками, которые были взяты

⁶ Приложение «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям» (1828–1730), «Собрание российской истории» (1732–1737, 1758–1764), “*Novi Commentarii*” (1754–1755), «Ежемесячные сочинения» (1755–1764), «Опыты трудов» (1774–1783).

⁷ Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича и некоторые сего Государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. М.: Имп. ун-т, 1768. 138 с.

⁸ Там же.

⁹ Правда руская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича / Издание Августа Шлецера профессора истории при Императорской Академии наук, и члена королевских академий наук в Геттенге и в Стокгольме. СПб.: При Имп. акад. наук, 1767. 39 с. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

¹⁰ На это указывал Н.М. Коркунов в своей работе «История философии права» (1896).

на вооружение историками и правоведами второй половины XVIII – XIX веков.

Изучение сочинений Б. Монфокона и личное знакомство с И.Г. Михаэлисом (Старшим) позволили Г.З. Байеру овладеть практически в совершенстве методом филологической критики, широко применяемым в то время европейскими учеными, которые занимались палеографией и герменевтикой. Полученные знания Г.З. Байер смог с успехом применить в процессе разработки вопросов этногенеза народов, древнего периода мировой истории, при изучении источников. Специальные приемы истолкования текста, уяснения его содержания и значения позволили немецкому ученому досконально изучить *Corpus Byzantinum* (печатное коллективное издание византийских источников в 42 томах (1645–1711)) [5, с. 184], шведские и норвежские саги, переводы (довольно, часто содержащие ошибки) некоторых русских текстов. Прекрасное знание этих источников, по справедливому замечанию Н.Л. Рубенштейна, «бросило новый свет на ряд вопросов древнерусской истории, с которыми он впервые познакомил русского читателя» [8, с. 105]. В 1732 г. Г.З. Байером было написано знаменитое сочинение «О варягах», положившее начало дискуссии о происхождении государства у восточных славян [23]. Путем сопоставления византийских и скандинавских источников автор пришел к выводу о варяжском происхождении первых русских князей. На скандинавский след в русской истории указывала и этимология многих слов и названий, в частности «русь», «варяги», «Варяжское море» и т. д.

Ту же филологическую школу по изучению и критике библейских текстов, что и Г.З. Байер, прошел А.Л. Шлёцер. Большое влияние на него оказал профессор Гёттингенского университета, где обучался последний, И.Д. Михаэлис (Младший). С именем этого известного богослова и филолога, знатока восточных языков связано окончательное оформление библейской экзегетики и палеографии как историко-филологической дисциплины, «изучающей создание знаков письменности и их разви-

тие»¹¹. В отличие от своего предшественника, А.Л. Шлёцер довольно быстро выучил русский язык, что позволило ему обходиться без переводчика и читать летописи в оригинале. Метод, выработанный немецким ученым при освоении русской грамматики, в конечном итоге был им усовершенствован и положен «в основу языковой критики памятников, истолковании слов древнерусского языка, исчезнувших в современном русском языке, и выявления заимствований из иностранных языков» [8, с. 173]. Критический и сравнительно-исторический методы работы с летописями А.Л. Шлёцер использовал при изучении правовых источников. Её суть историк раскрыл в предисловии к опубликованной им «Русской Правде». По сообщению автора, в русских летописях содержится некоторое количество вариантов договоров Руси с Византией, сравнение которых позволило исследователю «очистить их от погрешностей переписчиков», восполнить пробелы в тексте, выявить «приписки» (с. 12). Критика «Русской Правды» была осложнена наличием только одного списка древнего закона, того, что содержится в Новгородской летописи. Хотя историк информирует читателя, что в его распоряжении были и другие, однако, положиться на них при сравнении он не мог, поскольку «они совсем новые, и откуда списаны, ...неизвестно» (с. 15). Тем не менее А.Л. Шлёцер, благодаря палеографическому методу анализа текста «Русской Правды», смог датировать и сам древний закон, и Новгородскую летопись, его содержащую, установить их подлинность (внешняя критика источника). А.Л. Шлёцер не владел научным инструментарием юриспруденции, поэтому ограничился только общими замечаниями при характеристике содержания «Русской Правды», подчеркнув её «величественную краткость в выражениях», «обстоятельную подробность в материях», «наипаче очевидные знаки глубочайшей древности, как например то, что она почти ничего не содержит, как только криминальные дела;

¹¹ Жуковская Л.П. Палеография // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2704121> (дата обращения: 04.01.2024).

свойство одним только первоначальным законам...» (с. 10-11).

Предметом отдельного исследования может являться археографическая деятельность и богатейший опыт научной работы с историческими источниками Г.Ф. Миллера. Мы лишь остановимся на тех её результатах, которые могли быть полезны в будущем историкам права. На момент переезда в России Г.Ф. Миллер имел представления об исторической науке, однако сформировался как ученый только уже на своей новой родине. Этому во многом поспособствовали талант, трудолюбие, упорство Г.Ф. Миллера и общение с Г.З. Байером, который давал полезные для серьезных исторических занятий советы [8, с. 110]. Возможно, от наставника он воспринял убеждение следовать строгой научной критике и всегда быть точным в доказывании своей позиции.

Г.Ф. Миллером не просто был обнаружен не известный науке ранее массив источников, но и выработан метод (в процессе практики) их собирания, принципы фиксации и воспроизведения [8, с. 119]. Именно от этого ученого восходит требование точного воспроизведения текста подлинника, с учетом особенностей печатного списка, его орфографии, грамматических источников. Такое отношение исследователя к своей работе облегчило работу историкам, обеспечив им доступ к «неисчерпаемым богатствам сведений о России» (цит. по: [8, с. 115]). Г.Ф. Миллер широко пользовался методом лингвистического анализа текста источника, ориентированным на выявление всех его особенностей: структуры, формы, смысла. В случае обнаружения противоречий обращался к методу сравнения, однако, предпочитал публиковать все доступные тексты, отдавая их на суд исследователя. Получается, немецкий ученый вооружил историков в целом и историков права в том числе инструментарием, позволяющим получить важные сведения из источника, необходимые для научного анализа и синтеза.

В отличие от А.Л. Шлёцера, Г.Ф. Миллер не предпринимал попыток анализа правовой материи. В этой части его опыт ограничивается только подготовкой небольшого

введения к изданному им Судебнику Ивана Грозного с комментариями В.Н. Татищева в 1768 г., и внешней критикой подлинного свитка Соборного Уложения 1649 г. По свидетельствам историка XIX века И.Е. Забелина, последнее было поручено Миллеру императрицей Екатериной II. «Трудолюбивый и тщательный Миллер не только списал все рукоприкладства Земского Собора, слушавшего и закрепившего подлинник, но даже смерил его длину, и самые рукоприкладства и скрепы дьяков списал в том порядке, в каком они расположены в подлиннике» [24, с. 2], – свидетельствует И.Е. Забелин. В архиве также содержится список копий по печатным изданиям Соборного Уложения, датированных 1715 и 1737 гг. Есть основания полагать, что он был также составлен Г.Ф. Миллером [24, с. 3].

Заключение

Итак, научный интерес к историко-правовым вопросам в XVIII веке не мог появиться случайно, на пустом месте. Отсутствие ресурсов для решения конкретных познавательных задач, наконец, самих юридической и исторической наук как полноценных социальных институтов делало невозможным приобретение этими проблемами научной актуальности. Однако предпосылки тому были заложены именно в указанный период времени, благодаря разнотрансовой деятельности трех немецких ученых, прибывших в Россию по приглашению для прохождения службы при Императорской академии наук. Роль Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера в создании условий для формирования научного интереса к вопросам истории русского права очевидна. Именно с ними связано начало развития научной методологии исторических и историко-правовых исследований, создание интеллектуального инструментария для работы с источниками. Немецкие историки меньше чем за столетия смогли подготовить эмпирическую базу для исторических и историко-правовых исследований, научно обработав массив ранее недоступных источников, в том числе правовых. Благодаря их издательской и археографической деятельности был определен круг научных проблем, требующих разрешения в первую очередь, и предприняты

первые попытки осмыслить ценность правовых источников для историков и юристов-практиков.

Список источников

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики: Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб.: Тип. Б.С. Балашова, 1882. 358 с.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 7. Специальные курсы / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. 511 с.
3. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. 603 с.
4. *Миллюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Изд-во М.В. Аверьянова, 1913. 342 с.
5. *Пекарский П.П.* История Императорской академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. 1. СПб., 1870. 849 с.
6. *Соловьев С.М.* Август Людвиг Шлёцер // Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1965. Кн. XIII. Т. 25-26.
7. *Соловьев С.М.* Герард Фридрих Миллер // Современник. 1854. Т. 47. № 10. С. 115-150.
8. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 938 с.
9. *Тихомиров М.Н.* Русская историография XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 94-99.
10. Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. 694 с.
11. *Софинов П.Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. М.: б.и., 1957. 157 с.
12. *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высш. шк., 1978. 256 с.
13. *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 45-71.
14. *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: избранное / сост., ст. А.Б. Каменского; примеч. А.Б. Каменского, О.М. Медушевской. М.: Наука, 1996. 447 с.
15. *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. 488 с.
16. *Кожеева М.А., Яцук Т.Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). М.: НОРМА, 2023. 576 с. <https://doi.org/10.12737/1915630>, <https://elibrary.ru/u1ejls>
17. *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Т. 1. Введение; Наука истории русского права; Формация народа и государства: лекции и исследования по истории русского права. Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1899. 512 с.
18. *Павленко Н.И.* Петр Первый. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 1976. 384 с.
19. *Бугров К.Д., Киселев М.А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 408 с. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-1980-0>, <https://elibrary.ru/xvuxur>
20. *Денисов С.Ф., Дмитриева Л.М.* Естественные и технические науки в мире культуры. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1997. 446 с.
21. *Шлёцер Г.* О происхождении и разных переменах российских законов // Санкт-Петербургский вестник. 1780. Сент. С. 163-179.
22. *Андреев А.Ю.* А.Л. Шлёцер и русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – начале XIX в. // История и историки. 2004. № 1. С. 136-157.
23. *Байер Г.З.* Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Безра, бывшего профессора восточной истории и восточных языков при Императорской академии наук. СПб.: Имп. акад. наук, 1767. 72 с.
24. *Забелин И.Е.* Сведения о подлинном Уложении Царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических свидетельств, относящихся до России, издаваемых Николаем Калачовым: в 4 кн. Кн. 1. Отдел II. М.: Тип. Александра Семена, 1850. С. 1-18.

References

1. Bestuzhev-Ryumin K.N. (1882). *Biografii i kharakteristiki: Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Solov'ev, Eshevskii, Gil'ferding* [Biographies and Characteristics: Tatishchev, Schlozer, Karamzin, Pogodin, Soloviev, Eshevsky, Hilferding]. St. Petersburg, B.S. Balashov Typography, 358 p. (In Russ.)
2. Klyuchevskii V.O. (1989). *Sochineniya: v 9 t. T. 7. Spetsial'nye kursy* [Essays: in 9 Vols. Vol. 7. Special Courses]. Moscow, Mysl' Publ., 511 p. (In Russ.)

3. Koyalovich M.O. (1884). *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam* [History of Russian Identity Based on Historical Monuments and Scientific Writings]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Typography, 603 p. (In Russ.)
4. Milyukov P.N. (1913). *Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli* [The Main Currents of Russian Historical Thought]. St. Petersburg, M.V. Aver'yanov Publ., 342 p. (In Russ.)
5. Pekarskii P.P. (1870). *Istoriya Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge: v 2 t. T. 1* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg: in 2 Vols. Vol. 1]. St. Petersburg, 849 p. (In Russ.)
6. Solov'ev S.M. (1965). Avgust Lyudvig Shletser [August Ludwig Schlözer]. In: Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia Since Ancient Times: in 15 bks]. Moscow, bk 13, vol. 25-26. (In Russ.)
7. Solov'ev S.M. (1854). Gerard Fridrikh Miller [Gerard Friedrich Miller]. *Sovremennik*, vol. 47, no. 10, pp. 115-150. (In Russ.)
8. Rubinshtein N.L. (2008). *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 938 p. (In Russ.)
9. Tikhomirov M.N. (1948). Russkaya istoriografiya XVIII veka [Russian Historiography of the 18th Century]. *Voprosy Istorii*, no. 2, pp. 94-99. (In Russ.)
10. Tikhomirov M.N. (ed.). (1955). *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR: v 4 t.* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., vol. 1, 694 p. (In Russ.)
11. Sofinov P.G. (1957). *Iz istorii russkoi dorevolyutsionnoi arkheografii. Kratkii ocherk* [From the History of Russian Pre-Revolutionary Archeography. Brief Essay]. Moscow, s. n., 157 p. (In Russ.)
12. Sakharov A.M. (1978). *Istoriografiya istorii SSSR. Dosovetskii period* [Historiography of the History of the USSR. Pre-Soviet Period]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 256 p. (In Russ.)
13. Cherepnin L.V. (1984). A.L. Shletser i ego mesto v razvitií russkoi istoricheskoi nauki [A.L. Shletser and his place in the development of Russian historical science]. In: Cherepnin L.V. *Otechestvennye istoriki XVIII–XX vv.: sbornik statei, vystuplenii, vospominanii* [Cherepnin L.V. Domestic Historians of the 18th–20th Centuries: Collection of Articles, Speeches, Memoirs]. Moscow, pp. 45-71. (In Russ.)
14. Miller G.F. (1996). *Sochineniya po istorii Rossii: izbrannoe* [Essays on the History of Russia: Selected]. Moscow, Nauka Publ., 447 p. (In Russ.)
15. Fomin V.V. (2005). *Varyagi i Varyazhskaya Rus': k itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [Varangians and Varangian Rus': to the Results of the Discussion on the Varangian Issue]. Moscow, 488 p. (In Russ.)
16. Kozhevina M.A., Yashchuk T.F. (2023). *Evolutsiya nauki istorii prava i gosudarstva Rossii (XVIII–XX vv.)* [The Evolution of the Science of History of Law and State in Russia (18th–20th Centuries)]. Moscow, NORMA Publ., 576 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/1915630>, <https://elibrary.ru/ulejls>
17. Zagoskin N.P. (1899). *Istoriya prava russkogo naroda. T. 1. Vvedenie; Nauka istorii russkogo prava; Formatsiya naroda i gosudarstva: lektsii i issledovaniya po istorii russkogo prava* [History of the Law of the Russian People. Vol. 1. Introduction; Science of the History of Russian Law; Formation of the People and the State: Lectures and Research on the History of Russian Law]. Kazan, Typolitography of Imperial University, 512 p. (In Russ.)
18. Pavlenko N.I. (1976). *Petr Pervyi* [Peter the First]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 384 p. (In Russ.)
19. Bugrov K.D., Kiselev M.A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural law and virtue: the integration of European influence into 18th century Russian political culture]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 408 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-1980-0>, <https://elibrary.ru/xvuxur>
20. Denisov S.F., Dmitrieva L.M. (1997). *Estestvennye i tekhnicheskie nauki v mire kul'tury* [Natural and Technical Sciences in the World of Culture]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 446 p. (In Russ.)
21. Shletser G. (1780). *O proiskhozhdenii i raznykh peremenakh rossiiskikh zakonov* [On the origin and various changes of Russian laws]. *Sankt-Peterburgskii vestnik* [Saint-Petersburg Bulletin], Sept., pp. 163-179. (In Russ.)
22. Andreev A.Yu. (2004). *A.L. Shletser i russko-nemetskie universitetskie svyazi vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX v.* [A.L. Schlözer and Russian-German university connections in the second half of the 18th – early 19th centuries]. *Istoriya i istoriki* [History and Historians], no. 1, pp. 136-157. (In Russ.)
23. Baier G.Z. (1767). *Sochinenie o varyagakh avtora Feofila Sigefra Beehra, byvshego professora vostochnoi istorii i vostochnykh yazykov pri Imperatorskoi akademii nauk* [An Essay about the Varangians by Theophilus Sigefr Beer, Former Professor of Oriental History and Oriental Languages at the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 72 p. (In Russ.)

24. Zabelin I.E. (1850). *Svedeniya o podlinnom Ulozhenii Tsarya Alekseye Mikhailovicha* [Information about the true Code of Tsar Alexei Mikhailovich]. *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svidetel'stv, odnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemykh Nikolaem Kalachovym: in 4 kn. Kn. 1. Otdel II* [Archive of Historical and Legal Evidence Relating to Russia, Published by Nikolai Kalachov: in 4 bks. Bk 1. Division 2]. Moscow, Aleksandr Semen Typography, pp. 1-18. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 16.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 14.04.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-187-196>

Шифр научной специальности 5.1.3

Основные начала советского гражданского судопроизводства и их современная эволюция (к 100-летию ГПК РСФСР 1923 г.)

© **ЗОЛОТУХИН Александр Дмитриевич**,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, zolotuhin@tsutmb.ru

© **ВОЛЧИХИНА Людмила Анатольевна**,

доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-2552-5423>, kafgptsp@yandex.ru

Аннотация

Исследованы наиболее значимые принципы советского гражданского судопроизводства и их современная эволюция. Отмечено, что принципы советского гражданского судопроизводства преемственно были предопределены принципами, закрепленными в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. В свою очередь, принципы советского гражданского судопроизводства преемственно предопределили принципы гражданского судопроизводства, определенные в ГПК РСФСР 1964 г., а также предопределяют и принципы гражданского судопроизводства, определенные в ГПК РФ 2002 г. В декретах о суде новой властью были закреплены принципы советского гражданского судопроизводства, впоследствии определенные как конституционные, а именно: принцип выборности судей, принцип коллегиальности рассмотрения дел и принцип обязательного участия в правосудии представителей народа. Сделан вывод о том, что простота процессуальной формы правил гражданского судопроизводства является принципом советского гражданского судопроизводства, который гарантировал и обеспечивал доступность судебной защиты. В заключение подчеркнуто, что в современном гражданском судопроизводстве действующий принцип руководства процессом со стороны суда является результатом эволюции правил, определяющих состязательную форму процесса в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова

основные начала гражданского судопроизводства, советское гражданское судопроизводство, конституционные принципы советского гражданского судопроизводства, принцип выборности судей, принцип коллегиальности рассмотрения дел, принцип обязательного участия в правосудии представителей народа, руководство процессом со стороны суда

Для цитирования

Золотухин А.Д., Волчихина Л.А. Основные начала советского гражданского судопроизводства и их современная эволюция (к 100-летию ГПК РСФСР 1923 г.) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 187-196. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-187-196>

The main principles of the Soviet civil proceedings and their modern evolution (to the 100th anniversary of the Civil Procedure Code of the RSFSR in 1923)

© Aleksandr D. ZOLOTUHHIN,

PhD (Law), Associate Professor, Head of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7925-5572>, zolotuhin@tsutmb.ru

© Lyudmila A. VOLCHIKINA,

Associate Professor of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2552-5423>, kafgptsp@yandex.ru

Abstract

The most significant principles of Soviet civil proceedings and their modern evolution are studied. It is noted that the principles of Soviet civil proceedings were successively predetermined by the principles enshrined in the Charter of Civil Proceedings of 1864. In turn, the principles of Soviet civil proceedings were successively predetermined by the principles of civil proceedings defined in the Code of Civil Procedure of the RSFSR of 1964, and also predetermine the principles of civil proceedings, defined in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in 2002. In the decrees on the court, the new government enshrined the principles of Soviet civil proceedings, later defined as constitutional, namely: the principle of election of judges, the principle of collegial consideration of cases and the principle of mandatory participation of representatives of the people in justice. It is concluded that the simplicity of the procedural form of the rules of civil proceedings is a principle of Soviet civil proceedings, which guaranteed and ensured the availability of judicial protection. In conclusion, it is emphasized that in modern civil proceedings the current principle of process management by the court is the result of the evolution of the rules that determine the adversarial form of the process in civil proceedings.

Keywords

main principles of civil proceedings, Soviet civil proceedings, constitutional principles of Soviet civil proceedings, judges election principle, collegial consideration of cases principle, principle of mandatory participation in justice of representatives of the people, management of the process by the court

For citation

Zolotuhin, A.D., & Volchikina, L.A. (2024). The main principles of the Soviet civil proceedings and their modern evolution (to the 100th anniversary of the Civil Procedure Code of the RSFSR in 1923). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 187-196 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-187-196>

Введение. Постановка проблемы

Основные начала гражданского судопроизводства – это принципы, определяемые как «основные положения, руководящие идеи, закрепленные нормами процессуального права, связанные между собой в определенную систему, которая определяется самостоятельностью отрасли права» [1, с. 83].

Исследуются основные начала советского гражданского судопроизводства, которые были определены новой властью сразу после революционных событий, произошедших в России в ноябре 1917 г. и определивших провозглашение Советского госу-

дарства. Эти основные начала получили закрепление в ГПК РСФСР, который был принят на 2-й сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923 г.¹, а также в последующих, нормативных актах, регулирующих гражданское судопроизводство.

Исследованию проблем создания нового суда в Советской России и основных начал советского судопроизводства было посвяще-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции (СУ). М.: Нар. ком. юст., 1923. 23 июля. № 46-47. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР.

но значительное количество трудов ученых как советской, так и постсоветской науки.

Среди этих трудов следует выделить статью А.В. Луначарского под названием «Революция и суд», которая была опубликована в газете «Правда» 1 декабря 1917 г. Эта статья явилась первым исследованием организации нового суда. В исследовании возникновения, становления и развития новой судебной системы можно выделить труды таких ученых, как А.В. Луначарского [2], Я.Л. Бермана [3], Н.Н. Ефремовой [4], В.П. Портного и М.М. Славина [5], А.В. Бондаренко [6], В.Н. Колемасова [7] и др.

В России основные начала гражданского судопроизводства, как и само гражданское судопроизводство, были впервые закреплены в Уставе гражданского судопроизводства в процессе судебной реформы 1864 г.² В Уставе гражданского судопроизводства были определены такие основные начала гражданского судопроизводства, как состязательность, диспозитивность, непосредственность, устность, гласность и др. [8, с. 74-154].

Основные начала советского гражданского судопроизводства преемственно были предопределены основными началами гражданского судопроизводства, закрепленными в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. Поскольку правила гражданского судопроизводства новой властью сразу не были определены, судам была предоставлена возможность осуществлять судопроизводство по правилам судебных Уставов 1864 г. «Поскольку таковые не отменены декретами ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и СНК и не противоречат правосознанию трудящихся классов»³.

В свою очередь, основные начала советского гражданского судопроизводства преемственно предопределили основные начала гражданского судопроизводства, которые были закреплены в ГПК РСФСР 1964 г.⁴, а также, при всей дискуссионности обсуждения

этого вывода, предопределяют и основные начала гражданского судопроизводства, которые были закреплены в ГПК РФ 2002 г.⁵ Так, по мнению профессора М.А. Вика, «Принятый кодекс (ГПК РФ 2002 г. – А. З., Л. В.) к чести ученых, участвующих в его создании (В.М. Жуйкова, И.М. Зайцева, Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского, А.К. Сергун, М.К. Треушникова, П.Я. Трубникова, Н.А. Чечиной, В.В. Шерстюка, М.С. Шакарян и др.), во многом исторически преемственен: из прошлого взято лучшее, не ставшее за последние полвека ненужным атавизмом... Это обеспечивает определенную стабильность гражданского процессуального элемента правовой системы России» [9, с. 10].

Профессор П. Крашенинников в своей статье «Сто лет назад был принят первый отечественный Гражданский процессуальный кодекс» делает вывод о том, что «Кодекс (ГПК РСФСР 1923 г. – А. З., Л. В.) практически не содержит положений о принципах гражданского судопроизводства, за исключением принципа добросовестности сторон при осуществлении процессуальных прав и принципа языка судопроизводства»⁶. Действительно, в ГПК РСФСР 1923 г. отсутствуют нормы, прямо указывающие на конкретные принципы советского гражданского судопроизводства, однако, основные начала советского гражданского судопроизводства абстрагируются из процессуальных норм, его регулирующих и закрепленных процессуальным кодексом. Кроме того, основные начала советского гражданского судопроизводства еще до принятия ГПК РСФСР 1923 г. были определены и закреплены новой советской властью в различных партийных и нормативных актах.

Результаты исследования

Впервые основные начала, определяющие советское судопроизводство и судопроизводство, в том числе и гражданское судопроизводство, были провозглашены и закреплены новой властью в Декрете о суде № 1, принятого 23 ноября 1917 г.⁷ В дальнейшем они были развиты в Декрете о суде № 2, приня-

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г.: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 / изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. СПб.: В типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.

³ Декрет о суде № 1 // СУ. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. 18 июня. № 24. Ст. 407.

⁵ Российская газета. 2002. 20 нояб. № 220.

⁶ Крашенинников П. Сто лет назад был принят первый отечественный Гражданский процессуальный кодекс // Российская газета. 2023. 30 авг.

⁷ СУ. 1917. № 4. Ст. 50.

том 20 февраля 1918 г.⁸, и в Декрете о суде № 3, принятом 20 июля 1918 г.⁹

В этих декретах о суде новой властью были определены и закреплены основные начала советского судостроительства, которые впоследствии стали и основными началами, в том числе и гражданского судопроизводства. Это принципы выборности судей, коллегиальности рассмотрения дел и обязательного участия в правосудии представителей народа.

Принцип выборности судей предполагал, что судьи и народные заседатели должны избираться на основании прямых демократических выборов трудящимся населением. В царской России, кроме мировых судей, судьи не избирались, а назначались, и преимущественно из дворян. Мировые судьи избирались, но не населением, а уездными земскими собраниями и городскими думами.

Принцип коллегиальности рассмотрения дел предполагал, что все дела должны рассматриваться коллегиально в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей, которые приглашались для участия в рассмотрении дел.

Принцип участия в осуществлении правосудия представителей народа предполагал, что введенный институт народных заседателей обеспечит привлечение трудящихся к отправлению правосудия. Народные заседатели, в отличие от присяжных заседателей, пользовались всеми правами наравне с постоянными судьями.

Эти основополагающие принципы судостроительства впоследствии были определены наукой гражданского процессуального права как принципы, относящиеся к конституционным принципам гражданского процессуального права. Хотя в Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.¹⁰, эти основные начала советского судостроительства определены и закреплены еще не были. Не были определены и закреплены эти принципы советского судостроительства и в Конституции СССР, утвержденной II Съездом Советов СССР 31 января 1924 г.¹¹, так

же, как и в Конституции РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.¹²

Впервые принципы выборности суда, коллегиальности рассмотрения дел и участия в судопроизводстве народных заседателей для народных районных и городских судов были закреплены в главе IX Конституции СССР, утвержденной Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза СССР 5 декабря 1936 г.¹³ А также в главе 10 «Суд и прокуратура» Конституции РСФСР, утвержденной Чрезвычайным XVII Всероссийским Съездом Советов от 21 января 1937 г.¹⁴ Наряду с этими принципами в Конституции СССР и Конституции РСФСР были закреплены и некоторые основные начала судопроизводства, относящиеся, в том числе, и к гражданскому судопроизводству. Это такие принципы, как рассмотрение дел в открытых судебных заседаниях, принцип национального языка судопроизводства, независимости судей и подчинение их только закону.

В указанных декретах о суде, кроме принципов выборности суда, коллегиальности рассмотрения дел и участия в судопроизводстве народных заседателей были закреплены и некоторые принципы, непосредственно относящиеся к судопроизводству, в том числе и к гражданскому судопроизводству. Это такие принципы, как состязательность, гласность, устность, непосредственность, язык судопроизводства, оценка доказательств по внутреннему убеждению судьи, право на обжалование судебных решений.

В процессе эволюции гражданского судопроизводства законодатель отказался от применения принципа выборности суда, коллегиальности рассмотрения дел и участия в судопроизводстве народных заседателей.

Определение системы основных начал советского судопроизводства, в том числе и гражданского, как и формирование системы советских судебных органов вообще, произошло не сразу. Этот процесс проходил впервые, в период революционных событий, последующей гражданской войны и военной

⁸ Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 469.

⁹ Известия ВЦИК. 1918. 20 июля. № 152.

¹⁰ Известия ВЦИК. 1918. 19 июля. № 151.

¹¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. 7 июля. № 150.

¹² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 26 мая. № 118.

¹³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек. № 283.

¹⁴ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1937. 22 янв. № 20.

интервенции. Кроме того, новой власти необходимо было осмыслить роль суда и правил судопроизводства в области имущественных отношений. Состоявшийся в марте 1921 г. X съезд Российской коммунистической партии (большевиков) определил задачу перехода государства от военного коммунизма к новой экономической политике, которая допускала использование рынка и различных форм собственности. Это не соответствовало основополагающему принципу деятельности новой власти единства интересов советского государства и трудящихся во всех направлениях деятельности.

В.И. Ленин, выступая на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., говорил: «...у вас были еще на рассмотрении такие вопросы, как кодекс гражданский, общее судостроительство. При той политике, которую вы поставили твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, этот вопрос для широкой массы населения самый важный. Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально, и которое мы легализовать не хотим»¹⁵.

В результате принцип единства интересов советского государства и трудящихся явился основным началом и при определении правил гражданского судопроизводства.

Профессор А.Ф. Клейман сделал вывод о том, что «Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РСФСР 1923 г. – А. З., Л. В.) был составлен таким образом, что сторонам была обеспечена возможность свободно распоряжаться своими правами, а наряду с этим были предусмотрены инициатива и активность суда, прокурора, государственных и общественных организаций, необходимые для охраны интересов государства и трудящихся» [10, с. 17].

До принятия ГПК РСФСР 1923 г., в целях обеспечения работы судов, новой властью был принят ряд нормативных актов, закрепляющих основные начала судостроительства, основные начала и некоторые правила судопроизводства, в том числе и гражданского судопроизводства.

¹⁵ Ленин В.И. Соч. Изд. 3-е. Т. XXVII. С. 319.

Принятая 25 июля 1918 г. инструкция Народно-комиссариата юстиции РСФСР № 53 «Об организации и действии Местных народных судов»¹⁶ закрепляла основные положения судостроительства, а в разделе «Б» в развита основных начал закрепила и некоторые основные начала судопроизводства, в том числе и гражданского судопроизводства.

Принятый ВЦИК «Декрет о народном суде РСФСР (Положение)» от 30 ноября 1918 г.¹⁷, утвердив в пределах РСФСР единый народный суд, закреплял и некоторые правила судопроизводства, в том числе относящиеся и к гражданскому судопроизводству. В качестве основных начал судопроизводства, в том числе и относящихся к гражданскому судопроизводству, был закреплён принцип осуществления судоговорения на всех местных языках, принцип диспозитивности, то есть право заинтересованных лиц изменять основания иска или предъявлять встречные требования, предъявлять новые требования и привлекать к рассмотрению дела новых лиц.

Своим Декретом от 21 октября 1920 г. ВЦИК принял новое «Положение о народном суде РСФСР»¹⁸. Сохранив все основные принципы судостроительства и судопроизводства предыдущего положения, он устранил некоторые его недостатки.

Судебная реформа, проводимая в 1922 г., обеспечила возможность разработать и ввести в действие процессуальные кодексы, в том числе ГПК РСФСР 1923 г. Этому способствовало принятие в 1922 г. единого закона об организации советских судов – «Положения о судостроительстве РСФСР»¹⁹. В январе 1923 г. была принята «Временная инструкция об основных нормах Гражданского Процесса»²⁰, которая включала и основные начала советского гражданского судопроизводства, и которая действовала до опубликования ГПК РСФСР 1923 г.

¹⁶ СУ и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 699–708.

¹⁷ Известия ВЦИК Советов. 1918. 8 дек. № 269; 10 дек. № 270.

¹⁸ Положение о народном суде «Харьков». М.: Изд-во Нар. ком. юст., 1920.

¹⁹ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

²⁰ СУ и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. 10 марта. № 8. Отдел 1 (Ст. 107).

К основным началам, имеющим значение для всего гражданского судопроизводства, в том числе и современного, следует отнести правила, определяющие состязательную форму процесса (принцип состязательности). Правила, определяющие конструкцию состязательной формы процесса в России, впервые были закреплены в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. В соответствии с этими правилами за истцом была закреплена обязанность доказать свой иск, за ответчиком – обязанность доказать свои возражения. Суд в процессе доказывания был лишен права собирать доказательства. Свое решение суд основывал лишь доказательствами, представленными сторонами. При этом суд не был лишен всякой самостоятельности в процессе состязательности сторон. За судом, который более, чем стороны, знал и разбирался в правовых нормах, регулирующих их спорные правовые отношения, было закреплено право определять и указывать сторонам на существенные обстоятельства дела, по которым стороны должны представить доказательства. Это право суда обеспечивало и гарантировало сторонам действительное рассмотрение возникшей спорной правовой ситуации по существу, а также исключало у них бесполезную трату времени и излишних материальных затрат в случае, если стороны неправильно определяли существенные обстоятельства дела.

Правила, определяющие процессуальную конструкцию состязательной формы процесса в советском гражданском судопроизводстве, были определены законодателем в соответствии с положением единства интересов советского государства и трудящихся. На основании принципа, известного в науке гражданского процессуального права как принципа объективной истины.

Возложив на стороны обязанность доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований или возражений, законодатель для достижения объективной истины право собирания доказательств закрепил и за судом, «дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы во вред сторонам», тем самым была реализована идея единства интересов советского государства и народа.

Обязанность установления объективной истины при рассмотрении дел была закреплена за судом. Суд не только должен был принять все меры для того, чтобы выводы, указанные им в решении, соответствовали действительным обстоятельствам дела, но и нес ответственность за это, вплоть до возможной отмены решения суда за не исполнение этого правила. Принцип объективной истины определял все советское гражданское судопроизводство, получив дальнейшее развитие в правилах состязательной формы процесса, закрепленных в ГПК РСФСР 1964 г. В науке советского гражданского процессуального права даже существовало мнение о том, что «Данный принцип обусловлен многими общими принципами советского права и социалистического правосознания, особенно принципом справедливости – социальной правды» [11, с. 60].

От принципа объективной истины, как основного начала состязательной формы процесса советского гражданского судопроизводства, законодатель отказался лишь в октябре 1995 г., лишив суд в процессе доказывания права собирать доказательства, возложив эту обязанность на стороны. Теперь стороны, если они желают добиться наиболее благоприятного решения для себя, обязаны указать или представить суду доказательства, подтверждающие или опровергающие обстоятельства дела.

В современном гражданском судопроизводстве обязанность собирать доказательства возложена на стороны. При этом суд, лишенный права собирать доказательства, законодателем наделен определенной самостоятельностью. При осуществлении правосудия он закрепил за судом правило, в соответствии с которым суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом (часть 2 статьи 12 ГПК РФ). Содержание категории руководства процессом судом в современном гражданском судопроизводстве – достаточно сложное и не ограничивается только правом определять и указывать сторонам только на существенные обстоятельства дела, по которым они должны представить доказательства, как это было определено Уставом гражданского судопроизводства 1864 г.

Содержание руководства процессом со стороны суда состоит в праве суда в процессе рассмотрения конкретного дела разрешать обязательные задачи, определяющие и влияющие на его результат. Это обеспечивает и гарантирует сторонам рассмотрение возникшей спорной правовой ситуации по существу, а также исключает бесполезную трату времени и материальных затрат сторонами в случае их ошибки при самостоятельном разрешении этих задач. В конечном итоге суд сам обеспечивает доступность судебной защиты заинтересованным лицам.

К задачам, которые разрешает суд, относятся определение предмета доказывания, определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, установлении характера правоотношений сторон, определении состава лиц, участвующих в деле и других участников рассмотрения дела, правил представления доказательств лицами, участвующими в деле (статья 148 ГПК РФ).

Так, законодатель закрепил правило, согласно которому «Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались» (часть 2 статьи 56 ГПК РФ). В мотивировочной части решения суда должны быть указаны «законы и иные нормативные правовые акты, которым руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле» (пункт 3 части 4 статьи 198 ГПК РФ). При подготовке дела к судебному разбирательству судья «разрешает вопрос о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора, а также разрешает вопросы о замене ненадлежащего ответчика» (пункт 4 части 1 статьи 150 ГПК РФ). «Суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства» (абзац 2 части 1 статьи 57 ГПК РФ).

Правило руководства процессом со стороны суда определяет возможность установление судом при рассмотрении дел объективной истины, для достижения которой была определена конструкция правил состязатель-

ной формы процесса в советском гражданском судопроизводстве.

В науке гражданского процессуального права ряд ученых поддерживает мнение о существовании принципа судебного руководства процессом. Однако под этим принципом его авторы понимают только формальное руководство процессом со стороны суда. По мнению А.А. Ференс-Соротского, «Этот принцип относится исключительно к внешней, формальной стороне процесса и не касается внутренней, содержательной его стороны» [12, с. 42-43]. Д.А. Фурсов, оценивая существование принципа судебного руководства процессом, считает, что «Судейское (формальное) руководство состоит в осуществлении целенаправленной и беспристрастной деятельности по организации предметного рассмотрения и разрешения заявленного спора». При этом юрист указывает, «что способы измерения беспристрастности суда требуют самостоятельных и объективных критериев» [13, с. 24].

К основным началам советского гражданского судопроизводства следует отнести и принцип простоты определения и закрепления различных конструкций, процессуальной формы его правил. Этот принцип был провозглашен в программе Российской коммунистической партии (большевиков), принятой VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. «Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел».

Этот принцип был реализован в правилах гражданского судопроизводства, закрепленных в ГПК РСФСР 1923 г., и последовательно в правилах гражданского судопроизводства, закрепленных в ГПК РСФСР 1964 г., и гарантировал доступность судебной защиты. В советском гражданском процессуальном праве доступность судебной защиты была определена в качестве принципа и обеспечивалась государством. По мнению профессора В.М. Семенова, доступность судебной защиты обеспечивалась «всем содержанием гражданского процессуального права, характеризующегося простотой и отсутствием ненужных юридических формальностей, что

представляло собой целую систему процессуальных гарантий» [14, с. 158-159].

В процессе эволюции современного гражданского судопроизводства законодатель исключил или изменил некоторые конструкции процессуальной формы его правил. Это, несомненно, усложнило их применение и повлияло на доступность судебной защиты.

Законодатель закрепил правило, согласно которому он предоставил суду право оставлять без движения и возвращать иски заявления в случае отсутствия документов (фактически доказательств), подтверждающих обстоятельства основания иска (статья 132 ГПК РФ). Исключил из гражданского судопроизводства принцип непрерывности, который запрещал суду рассматривать другие дела в перерыве рассмотрения конкретного дела (статья 157 ГПК РФ). В настоящее время является дискуссионной процессуальная форма правил производства в суде второй инстанции (раздел 3 ГПК РФ) и т. д.

Принятие законодателем определенных изменений, усложняющих процессуальную форму современного гражданского судопроизводства, получило различные обоснования. Как правило, их принятие объяснялось обеспечением доступности судебной защиты. Однако любое изменение процессуальной формы судопроизводства в сторону его упрощения или усложнения в любом случае можно обосновать как его изменение с целью обеспечения доступности судебной защиты. Усложнение конструкций процессуальной формы современного гражданского судопроизводства создает ситуацию, влияющую на доступность судебной защиты, когда, по мнению профессора И.В. Решетниковой, «обращение в суд и ведение дела в суде стало достаточно дорогим и сложным делом» [15, с. 116].

Заключение

Установленная новой властью в различных нормативных актах процессуальная регламентация деятельности советских судов в период до принятия ГПК РСФСР 1923 г. обес-

печивала их работу по рассмотрению дел, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства. Можно сделать вывод о том, что в этот период при рассмотрении гражданских дел суды применяли правила советского судопроизводства, определенные в различных нормативных актах. В случае отсутствия таковых в отдельных случаях применяли правила судопроизводства, определенные Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. при условии, если они не противоречили правосознанию трудящихся классов. В случае, если правила противоречили правосознанию трудящихся классов или вообще отсутствовали, суды при разрешении ситуаций в гражданском судопроизводстве руководствовались социалистическим правосознанием. В своем наброске партийной программы В.И. Ленин писал: «Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выборным советским избирательным судьям лозунг – осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его руководствоваться социалистическим правосознанием, отменяя законы свергнутых правительств»²¹.

Можно сделать вывод о том, что конструкция правил состязательной формы процесса в современном гражданском судопроизводстве определяется как процессуальной конструкцией правил состязательной формы процесса, определенной Уставом гражданского судопроизводства 1864 г., так и процессуальной конструкцией правил состязательной формы процесса советского периода.

Принцип простоты определения и закрепления различных конструкций, процессуальной формы его правил был реализован в правилах гражданского судопроизводства, закрепленных в ГПК РСФСР 1923 г., и в правилах гражданского судопроизводства, закрепленных в ГПК РСФСР 1964 г.

²¹ Ленин В.И. Соч. Изд. 3-е. Т. XXIV. С. 98.

Список источников

1. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78-83.
2. Луначарский А.В. Революция и суд // Материалы Народного комиссариата юстиции. 1918. Вып. II. С. 15-16.
3. Берман Я.Л. Очерки по истории судостроительства РСФСР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1923. 72 с.

4. Ефремова Н.Н. Создание нового советского суда (1917–1918) // Из истории советского государства и права. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1989. С. 62-76.
5. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия советской России (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1990. 165 с.
6. Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в условиях нэпа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 20 с. <https://elibrary.ru/qguhnr>
7. Колемасов В.Н. Концептуальные основы создания советской судебной системы // Право и образование. 2012. № 9. С. 145-152. <https://elibrary.ru/pbtrmp>
8. Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства. 547 с.
9. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный научно-практический) / под ред. М.А. Вкут; автор предисл. М.А. Вкут. М.: ТОН-ДЭКСТРО, 2003. 864 с.
10. Клейман А.Ф. Гражданский процесс. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 120 с.
11. Советский гражданский процесс / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1980. 479 с.
12. Гражданский процесс. Изд. 3-е, перераб. и доп. / под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000. 472 с.
13. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М.: Статут, 2009. 78 с.
14. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. / отв. ред. А.А. Мельников. М.: Наука, 1981. Т. 1. 463 с.
15. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.: Изд-во «НОРМА», 1999. 302 с.

References

1. Chechina N.A. (1960). Printsipy sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava ikh normativnoe zakreplenie [Principles of Soviet civil procedural law and their normative consolidation]. *Pravovedenie*, no. 3, pp. 78-83. (In Russ.)
2. Lunacharskii A.V. (1918). Revolyutsiya i sud [Revolution and Trial]. *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice]. Issue 2, pp. 15-16. (In Russ.)
3. Berman Ya.L. (1923). *Ocherki po istorii sudoustroistva RSFSR* [Essays on the History of the Judicial System of the RSFSR]. Moscow, Legal Publisher of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 72 p. (In Russ.)
4. Efremova N.N. (1989). Sozdanie novogo sovetskogo suda (1917–1918) [Creation of a new Soviet court (1917–1918)]. *Iz istorii sovetskogo gosudarstva i prava* [From the History of the Soviet State and Law]. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., pp. 62-76. (In Russ.)
5. Portnov V.P., Slavin M.M. (1990). *Stanovlenie pravosudiya sovetskoi Rossii (1917–1922 gg.)* [The Formation of Justice in Soviet Russia (1917–1922)]. Moscow, Nauka Publ., 165 p. (In Russ.)
6. Bondarenko A.V. (2010). *Sudebnaya sistema RSFSR v usloviyakh nehpa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Judicial System of the RSFSR under the NEP. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 20 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qguhnr>
7. Kolesov V.N. (2012). Conceptual Fundamentals of Development of Soviet Judicial System. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, № 9. С. 145-152. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbtrmp>
8. Borisova E.A. (ed.). (2014). *Velikaya reforma: K 150-letiyu Sudebnykh Ustavov: v 2 t.* [The Great Reform: To the 150th Anniversary of the Judicial Statutes: in 2 Vols.]. Moscow, Yustitsinform Publ., vol. 1: Charter of Civil Proceedings, 547 p. (In Russ.)
9. Vikut M.A. (ed., prefacer). (2003). *Kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi nauchno-prakticheskii)* [Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article Scientific and Practical)]. Moscow, TON-DEHKSTRO Publ., 864 p. (In Russ.)
10. Kleiman A.F. (1940). *Grazhdanskii protsess* [Civil Process]. Moscow, Legal Publisher of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 120 p. (In Russ.)
11. Komissarov K.I., Semenov V.M. (eds.). (1980). *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet Civil Process]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 479 p. (In Russ.)

12. Musin V.A., N.A.Chechina, Chechot D.M. (eds.). (2000). *Grazhdanskii protsess* [Civil Process]. Moscow, Solo Trader Grizhenko E.M. Publ., 472 p. (In Russ.)
13. Fursov D.A. (2009). *Sovremennoe ponimanie printsipov grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa* [Modern Understanding of the Principles of Civil and Arbitration Process]. Moscow, Statut Publ., 78 p. (In Russ.)
14. Mel'nikov A.A. (executive ed.). (1981). *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: v 2 t.* [Course of Soviet Civil Procedural Law: in 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., vol. 1, 463 p. (In Russ.)
15. Reshetnikova I.V., Yarkov V.V. (1999). *Grazhdanskoe pravo i grazhdanskii protsess v sovremennoi Rossii* [Civil Law and Civil Procedure in Modern Russia]. Moscow, "NORMA" Publ., 302 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 21.05.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-197-205>

Шифр научной специальности 5.1.1

Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Коновалова)

© ИЛЮХИНА Вера Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, ФГКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1; старший научный сотрудник Научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID AAR-5203-2021, eva3011@bk.ru

Аннотация

Посвящено анализу концепции принципов права в естественно-правовом правопонимании в интерпретации А.В. Коновалова. Цель работы заключается в выявлении особенностей естественно-правовой концепции принципов права А.В. Коновалова и определении ее значения в теории принципов права. Сделан акцент на том, что принципы права исследуются учеными не только под разными ракурсами, но и исходя из различных типов правопонимания. Основное внимание принципам права уделяется представителями позитивистского правопонимания, в меньшей степени – либертарного и интегративного. До недавнего времени не было комплексных исследований принципов права исходя из естественно-правового правопонимания. Обосновано, что рассмотрение концепции Р. Дворкина как варианта естественно-правовой теории является дискуссионным. Доказано, что в настоящее время единственной концепцией принципов права в контексте естественно-правовой теории является концепция А.В. Коновалова, которую сам ее автор определяет как объективный идеализм и юснатуразизм. Критически проанализирована концепция принципов права А.В. Коновалова, включая такие ее элементы, как представления о принципах и протопринципах права, их природе, сущности, системе, социальной значимости. Сделан вывод, что исследуемая концепция не направлена на совершенствование принципов позитивного права, а имеет, в основном, морально-этическое значение. Естественно-правовая концепция принципов права А.В. Коновалова ориентирует законодателя, правоприменителя и научное сообщество на понимание исходных идей и ценностей, которые лежат (или должны лежать) в основе социального устройства в целом и правового регулирования в частности.

Ключевые слова

принципы права, протопринципы права, концепции правопонимания, естественно-правовое правопонимание, юснатуразизм

Для цитирования

Илюхина В.А. Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Коновалова) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 197-205. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-197-205>

Principles of law in natural legal understanding (concept of A.V. Konovalov)

© Vera A. ILYUKHINA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Senior Research Scholar of Research Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID AAR-5203-2021, eva3011@bk.ru

Abstract

Dedicated to the analysis of the concept of principles of law in natural legal understanding in the interpretation of A.V. Konovalov. The purpose of the work is to identify the features of the natural law concept of the principles of law by A.V. Konovalov and determining its significance in the theory of principles of law. The emphasis is placed on the fact that the principles of law are studied by scientists not only from different angles, but also based on different types of legal understanding. The main attention to the principles of law is paid by representatives of the positivist legal understanding, to a lesser extent – by libertarian and integrative ones. Until recently, there were no comprehensive studies of the principles of law based on natural legal understanding. It is substantiated that consideration of R. Dworkin's concept as a variant of natural law theory is debatable. It is proved that at present the only concept of the principles of law in the context of natural law theory is the concept of A.V. Konovalov, which the author himself defines as objective idealism and usnatrazism. The concept of principles of law by A.V. Konovalov is critically analyzed, including such elements as ideas about the principles and proto-principles of law, their nature, essence, system, and social significance. It is concluded that the concept under study is not aimed at improving the principles of positive law, but has mainly moral and ethical significance. Natural law concept of principles of law by A.V. Konovalov guides the legislator, law enforcer, and the scientific community to understand the original ideas and values that lie (or should lie) at the basis of the social structure in general and legal regulation in particular.

Keywords

law principles, proto-principles of law, legal understanding concepts, natural legal understanding, jusnaturalism

For citation

Ilyukhina, V.A. (2024). Principles of law in natural legal understanding (concept of A.V. Konovalov). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 197-205 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-197-205>

Введение

Принципы права многократно и под разными ракурсами изучались в российской и иностранной научной литературе. Большинство исследований проводилось, что, на наш взгляд, совершенно оправданно в рамках позитивистского правопонимания [1–7]. Также имеются работы, в которых принципы права исследуются с позиции либертарного [8–11] и интегративного правопонимания [12–15].

При этом до недавнего времени принципы права в контексте теории естественного права не рассматривались. Единственным исключением принято было считать

учение Р. Дворкина, в котором определенное место отводилось и принципам права [16–19]. В задачи данной статьи не входит анализ представлений о принципах права в трудах Р. Дворкина. Однако отметим, что, как справедливо отмечает С.В. Коваль, отнесение концепции названного автора к варианту естественно-правовой концепции является дискуссионным в научной литературе [20]. Также обратим внимание на то, что известный позитивист Дж. Раз рассматривал воззрения Р. Дворкина в качестве варианта позитивистской теории Г. Харта [4]. Дж. Мэки, в отличие от Дж. Раза, полагал, что концепция Р. Двор-

кина представляет собой некую «третью» теорию права [21]. Отметим, что С.Н. Касаткин, изучая труды Р. Дворкина и Дж. Мэки, пришел к выводу, что теория Р. Дворкина «может считаться «третьей» теорией права, так же как и целый ряд иных современных концепций естественно-правового толка, polemизирующих с позитивизмом о надлежащем объяснении (понятия) права» [22, с. 106]. В свою очередь, С.В. Коваль рассматривает концепцию Р. Дворкина как альтернативу и позитивизму, и естественно-правовой теории [23]. Если отнесение учения Р. Дворкина к естественно-правовым концепциям является дискуссионным, то естественно-правовая интерпретация принципов права А.В. Коноваловым не вызывает сомнения.

Авторская концепция принципов права А.В. Коновалова сформировалась относительно недавно. Четкое выражение она нашла в двух монографиях [24; 25] и докторской диссертации [26]. Сам автор определяет свою исследовательскую позицию как объективный идеализм и юснатурализм [26, с. 6].

Далее в работе мы проанализируем учение о принципах права А.В. Коновалова в качестве варианта естественно-правовой интерпретации принципов права.

Результаты исследования

1. Понятие и сущность принципов права в концепции А.В. Коновалова

Естественное право понимается А.В. Коноваловым как комплекс «объективно существующих принципов права, его концептуальной первоосновы» [26, с. 84]. Нормы позитивного права жизнеспособны только тогда, когда они имеют корни в этом комплексе объективно существующих принципов, а эффективность системы позитивного права напрямую зависит от того, насколько оно зиждется на фундаменте из этих основополагающих норм [26, с. 84]. Принципы права (правовые принципы) – явление объективное. У законодателя в этой ситуации имеются два пути: 1) он игнорирует объективные принципы и подменяет их принципами-идеологемами в собственных политических целях; 2) он наполняет позитивное право нормами, имеющими в основе объективные правовые принципы, и при этом воздерживается от собственного произвола. А.В. Коновалов полагает, что принципы права представляют собой са-

модостаточное явление, которое отражает объективные закономерности самой природы человека и общества. При этом облик конкретного правопорядка определяется тем, насколько он соответствует объективным принципам [26, с. 102], а система принципов права никоим образом не зависит от существующего в конкретный исторический момент государственного строя [26, с. 104].

Принципы права, по мнению А.В. Коновалова, – «это объективное нематериальное явление, отличающееся непреходящей стабильностью и не претерпевающее воздействия текущих общественных и экономических обстоятельств» [26, с. 105], это «идеи, которые формируют оптимальный образ правовой организации любого общества» [26, с. 122], это «своеобразная сотовая структура любого общества, которая может наполняться или пустовать» [26, с. 143]. Наконец, это «объективные идеальные модели возникновения, изменения и прекращения правоотношений, в рамках которых наиболее оптимально обеспечиваются и реализуются в их совокупности существенные свойства и долгосрочные интересы индивидов, их групп и общественных формаций» [26, с. 146].

Учитывая, что А.В. Коновалов стоит на естественно-правовых позициях, логично, что принципы права он рассматривает в качестве части правовой идеологии. Соответственно они являются определяющими и для всего юридического мышления, и для законодательства, и для права, и для процесса право-реализации [25, с. 3].

А.В. Коновалов не отрицает роль субъективного элемента на стадиях формулирования принципа в правовых нормах и право-применения, однако утверждает, что «важно четко разграничивать объективное содержание правового принципа – вечное и неизменное, обусловленное природой человека и общества, в котором он существует, – и имеющее субъективную основу восприятия принципа, его толкование и затем воплощение в правовой действительности» [26, с. 104-105]. При этом принципы права не создаются как таковым опытом людей – опыт лишь способствует выявлению принципов права, их осмыслению и созданию более точных и оптимальных нормативных формулировок [26, с. 111].

Принципы права объективны, а нормы позитивного права субъективны, независимо от того, что понимается под ним: писаный закон или общеобязательная судебная практика [26, с. 113]. Среди правовых норм нормы, закрепляющие правовые принципы, являются более значимыми и более стабильными, чем нормы-установления и нормы легитимации [26, с. 116].

Последовательная философско-идеалистическая позиция А.В. Коновалова проявляется и в том, что в его представлении объективные правовые принципы обладают самостоятельным значением и самостоятельно существуют. В случае, когда в силу каких-то причин определенный принцип не реализовался в нормах позитивного права, это вовсе не означает, что он утратил свое и существование [26, с. 113]. Объективные принципы права как таковые не являются частью позитивного права. Скорее, они ориентируют правоприменителя на следование определенным стандартам волевого, рационального и нравственного поведения в конкретной ситуации. Это обусловливается тем, что в представлении ученого принцип права – это не норма права, он, в отличие от нормы, не содержит конкретных правил поведения, стимулов, ограничений, запретов и санкций, поэтому «нормативное понимание правовых принципов решительно неприемлемо», «принципы только открываются, осмысливаются, интерпретируются и практически интегрируются позитивным правом» [26, с. 114].

Из объективности правовых принципов вытекает такое их свойство, как универсальность, под которой автором концепции понимается общность и неизменность (неизменность во времени). На содержание правовых принципов не влияют и не могут влиять какие-либо географические, климатические, демографические, экономические, социальные и прочие факторы. Названные факторы влияют на особенности конкретных правовых порядков, но не на сами принципы, так как общность правовых принципов обуславливается сходством основных психосоматических характеристик людей [26, с. 118, 119]. Еще двумя свойствами принципов права являются их глобальность (как определенный уровень обобщенности) и эффективность. Последняя заключается в том, что принципы

права формулируют универсальные целеполагания [26, с. 121, 123].

По мнению А.В. Коновалова, форма выражения правового принципа «не так существенна», однако закрепление его в нормах права является наиболее «сильным» вариантом. Более важным является то, насколько принцип востребован в правовом регулировании. Именно степень востребованности принципа и является признаком качества норм. Если принцип по каким-то причинам оказался невостребованным, носит декларативный характер или прямо игнорируется, это не означает, что он утратил актуальность, а лишь свидетельствует об определенной дефектности законодательства [26, с. 114-115].

Рассматривая соотношение принципов права и позитивного права, А.В. Коновалов выделяет три основных момента: 1) принципы права не образуют альтернативную позитивному праву систему; 2) принципы права представляют явление иного порядка по отношению к позитивному праву; 3) соотношение принципов права с позитивным правом проявляется «лишь посредством присутствия сути и духа своего содержания в текстах его норм, будучи либо напрямую закрепленными в этих текстах, либо «растворенными» в том законодательном массиве, который восходит к объективным принципам, а не игнорирует их» [25, с. 293].

Исследуя соотношение права и морали, правовых принципов и морали, А.В. Коновалов пришел к выводу, что, в отличие от норм этики, правовые принципы характеризуются большей конкретностью, универсальностью и практичностью. Причем объективные принципы права моральны. Точно также моральны и нормотворчество, и правоприменение, если они соответствуют этим принципам [26, с. 117, 118].

Поскольку объективные принципы права являются реально действующими, автор концепции указывает ряд способов их реального действия в правовом порядке. К сожалению, совокупность этих способов представляется эклектичной, включая в себя слишком разнородные составляющие. Сюда отнесены и некие абстрактные обобщенные факторы социальной коммуникации, и не менее абстрактная растворенность во всех нормах законодательства и правоприменительной практике, и другие не

менее абстрактные и многозначные категории, и, в то же время, вполне конкретное закрепление основных начал законодательства в позитивных нормах [26, с. 146-147].

2. Классификация принципов права в концепции А.В. Коновалова

Пытаясь создать целостную концепцию принципов права, А.В. Коновалов не мог обойти вопрос о классификации правовых принципов. При этом, исходя из философии объективного идеализма, он вводит особую категорию «протопринципы», играющую важную роль в его теории. Под протопринципами понимаются некие «ценностно-практические установки, отражающие природу человека и общества, рациональный опыт поколений, индивидуальную и коллективную этику, нравственные императивы, включая выработанные социумом понятия о долге, совести, призвании человека» [26, с. 159]. Говоря конкретно о протопринципах гражданского права, А.В. Коновалов указывает, что они представляют собой «объективный общественный запрос на оптимальное гражданско-правовое регулирование» [25, с. 16]. В целом сферой проявления протопринципов являются обычаи, обычное право – именно через них протопринципы и воздействуют на общественные отношения, наполняя содержание принципов права [25, с. 16].

Как и собственно принципы права, протопринципы носят универсальный, вневременной характер, они никогда ни при каких условиях не теряют своего значения. Может меняться только их внешняя интерпретация, выражающаяся в конкретных моделях общественных отношений. Такого рода рассуждения создают у нас ощущение, что на идею о протопринципах оказали влияние идеи Платона об эйдосах.

А.В. Коновалов рассматривает протопринципы как целостность, внутри которой возможна градация по уровням конкретности, и выделяет три вида протопринципов: 1) высшие (ценности); 2) общие (интересы) и 3) функциональные (задачи). Первые носят наиболее общий характер и сосредотачивают в себе в основном ценностный, аксиологический материал. Вторые конкретизируют первые и носят более утилитарный характер. Наконец, третьи – это общественный запрос на определенную модель. Протопринципы

из первой и второй группы имеют наиболее общий характер и представляют собой смысловые предпосылки для принципов всех отраслей права (как частного, так и публичного). Для протопринципов третьей группы (протопринципов-задач) характерна дифференциация, рассчитанная на разные сферы и предметы правового регулирования. Что касается генетического происхождения протопринципов, то А.В. Коновалову они видятся в коренных, субстантивных потребностях человека, относящихся к эмпирическому (или чувственному), рациональному и иррациональному уровням [26, с. 161].

Отдельно А.В. Коновалов среди функциональных протопринципов выделяет методологические протопринципы права, которые определяют общую концепцию способов, с помощью которых возможно достижение ценностей, интересов и задач. Собственно их достижение является общей целью правопорядка, а не методологических протопринципов. Общим выражением методологических протопринципов является свойство соразмерности в праве [26, с. 184].

Говоря уже не о протопринципах, а о принципах права, А.В. Коновалов рассматривает их систему как некую единую вертикаль обобщений. В этой вертикали объективный принцип права связывается с правовой нормой, а через нее, в конечном итоге, – с правоотношением. Суть этой вертикали заключается в том, что на ее верху находятся наиболее общие, абстрактные принципы, которые по мере спуска вниз все более конкретизируются. От принципа права до правоотношения может быть любое количество звеньев, поскольку эта вертикаль «является более или менее умозрительной, виртуальной структурой, существующей в основном для удобства и эффективности адаптации объективного принципа права к реалиям правопорядка» [26, с. 188]. По мнению А.В. Коновалова, свою вертикаль обобщения и конкретизации могут выстраивать законодатель (тогда ее элементами будут нормы права) и правоприменитель (тогда ее элементами будут правила, выработанные судебной практикой). Если такое построение формулировки принципов права будет востребовано законодательством и практикой, то перед академической наукой встает задача описания этой

иерархии как системы принципов права [26, с. 188]. При этом не все элементы вертикали могут квалифицироваться в качестве принципов права, а только те, которые соответствуют необходимому уровню глобальности и универсальности.

Исходя из собственного в рамках естественно-правовой концепции понимания принципов права и их вертикальной конкретизации, А.В. Коновалов предлагает следующую систему принципов права:

- 1) высшие;
- 2) общеправовые;
- 3) общеправовые;
- 4) функциональные. В их рамках выделяются две группы: частноправовые и публично-правовые принципы.

Обратим внимание, что в этой системе нет межотраслевых принципов. Это не упущение автора классификации, а его осознанная позиция, вытекающая из понимания вертикали конкретизации правовых принципов [25, с. 384].

Первые два вида принципов (высшие и общеправовые) А.В. Коновалов называет общими, поскольку они распространяют свое действие на все отрасли права, а третий и четвертый виды (общеправовые и функциональные) – отраслевыми, так как приоритетное значение они имеют для отраслей права [26, с. 197]. Каждый нижерасположенный вид принципов права вытекает из более абстрактного и универсального вышеразположенного вида и является конкретизацией. Вследствие такой их организации между принципами нет и не может быть конкуренции. Общеправовые, общеправовые и функциональные принципы делятся на субстантивные и методологические.

К высшим А.В. Коновалов относит всего три принципа (добросовестности, разумности и справедливости [26, с. 201-239]), к общеправовым – 22 (из них 12 являются субстантивными общеправовыми принципами, а 10 – общеправовыми методологическими принципами), к общеправовым принципам – 90, в том числе 50 принципов частного права (из них 35 субстантивных и 15 методологических) и 40 принципов публичного права (из них 23 субстантивных и 17 методологических), к функциональным принципам права – 185, в том числе 75 принципов част-

ного права (из них 38 субстантивных и 37 методологических) и 110 принципов публично-го права (из них 59 субстантивных и 51 методологических). Таким образом, система принципов права состоит ровно из 300 принципов.

Кстати, анализируя классификацию принципов конкретной отрасли – гражданского права, предложенную А.В. Коноваловым, следует обратить внимание на то, что в общей классификации и классификации принципов гражданского права принципы первых трех видов полностью идентичны, что вполне логично, исходя из концептуальной позиции автора. А вот на уровне четвертого вида принципов (функциональных) из общего количества в 75 функциональных принципов частного права на долю гражданского права приходится 60 принципов, в том числе 33 субстантивных и 27 методологических [25, с. 685-690].

С одной стороны, А.В. Коновалов утверждает, что «система принципов права не может быть не только безграничной «открытой системой» Дворкина, но и просто избыточно широкой: здесь должно работать правило «бритвы Оккама», обеспечивающее должное чувство меры при формулировке как основополагающих, так и производных функциональных принципов права» [26, с. 121]. С другой стороны, ученый допускает существование широкого и открытого перечня принципов права [26, с. 189], включая в свою систему 300 принципов права, а саму постановку вопроса о том, сколько всего должно быть принципов права считает лишней практического и концептуального смысла. При этом он отмечает, что необходимо придерживаться его собственной концептуальной основы и ставить во главу угла практическую потребность [26, с. 196]. Также А.В. Коновалов отмечает, что «Исключительно важно признать, что объективные принципы права не должны быть непременно выражены в чеканных формулировках и тем более закреплены в конкретных нормах законодательства» [25, с. 292]. И только такой подход в познании и формулировке принципов права «и проецирование их на актуальную практику правоприменения можно считать научно выверенным и практически продуктивным» [26, с. 196].

Также необходимо отметить, что, формулируя огромное количество принципов права, большинство из которых, как мы уже

отметили ранее, являются отраслевыми, А.В. Коновалов и не рассчитывает, что все эти они «должны иметь воплощение в тексте законов, руководящих разъяснений высших судов, конкретных судебных решениях, учебных курсах и даже в научных трудах в рамках простого цитирования» [26, с. 292]. Такой авторский подход несколько удивляет и делает неизбежными вопросы: зачем и для кого формулировались эти принципы?

В охарактеризованной методологической ситуации вполне логичным является вопрос, а исходя из чего должны выводиться исследователями принципы права? Понятно, что (в представлении А.В. Коновалова) существуют некие идеальные объективные принципы и имеется практическая потребность их реализации в правоприменении, но на что ученый и законодатель должен опираться при их формулировании? На это у автора концепции тоже есть ответ: на знания о прошлом опыте правового регулирования, доктринальные разработки и, отчасти, собственную интуицию [26, с. 196]! При этом вербальные формулировки принципов могут существенно варьироваться, иметь или не иметь выражение в тексте закона или судебного прецедента и могут вообще не существовать как юридический текст [26, с. 194].

В целом складывается ощущение, что, критикуя Р. Дворкина, А.В. Коновалов ставит себя в какой-то степени на место «юридического Геркулеса», знающего все (или, как минимум, значительно больше всех прочих) о принципах права. Понятно, что при этом он делает оговорки, что никто и никогда, включая его самого, не сможет сформулировать безупречную, завершенную, полную, исчерпывающую, точную классификацию принципов права, и никогда не нужно претендовать на безупречность своего труда [26, с. 194, 196]. Тем не менее, к сожалению, подходу автора концепции присущ чрезвычайный субъективизм в отборе и формулировании правовых принципов. Кстати, субъективизм автора проявляется и в очевидной «подгонке» количества разных принципов под «круглые» числа.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения концепции принципов права А.В. Коновалова, следует

отметить, что в настоящее время названным ученым сформулирована единственная целостная концепция принципов права в рамках естественно-правового правопонимания.

Несмотря на многочисленные иногда очень глубокие рассуждения о познании объективных принципов права, так и остаются открытыми вопросы о том, кто и какими средствами, используя какие механизмы должен конкретизировать принципы права, каков критерий истинности в данном случае, кто и как должен оценить предложенное отдельными субъектами на соответствие объективным принципам права? А.В. Коновалов постоянно делает акцент на практической пользе своей концепции, роли принципов права в правоприменительной практике, однако реальные практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в его исследованиях отсутствуют (хотя рекомендации общего, в основном, абстрактно-теоретического характера имеются [25, с. 24-28, 1041-1082]). Наконец, остается без ответа вопрос, почему законодатель должен взять на вооружение то, что пришло в голову одному, безусловно, образованному и эрудированному человеку, и на этой основе кардинально реформировать законодательство и корректировать правоприменительную практику?

Несмотря на сказанное выше, концепция А.В. Коновалова, основанная на объективном идеализме и юснатуразизме, несомненно, имеет право на существование. Следует понимать, что это совершенно иной взгляд на сущность, систему и роль принципов права, нежели в рамках позитивистского и интегративного правопонимания. Естественно-правовая концепция принципов права А.В. Коновалова ориентирована не на совершенствование конкретных принципов права, закрепленных или ждущих закрепления в текстах нормативных правовых актов, а носит более общее не столько правовое, сколько морально-этическое значение. Она ориентирует и законодателя, и правоприменителя, и научное сообщество на понимание исходных идей и ценностей, которые лежат (или должны лежать) в основе социального устройства в целом и правового регулирования в частности.

Список источников

1. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 16-29.
2. Hart H.L.A. The Concept of Law. N. Y.: Oxford University Press, 1961. 258 p.
3. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21-29.
4. Raz J. Legal principles and the limits of law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823-854.
5. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с. <https://elibrary.ru/tdaatd>
6. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13. <https://elibrary.ru/sgnrrx>
7. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158-166. <https://elibrary.ru/tpmatn>
8. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.
9. Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с.
10. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с. <https://elibrary.ru/zodnxv>
11. Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с. <https://elibrary.ru/qgxbtl>
12. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
13. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 109-115.
14. Ershov V.V. The essence of the principles of law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 11 (12). P. 2089-2103. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0375>, <https://elibrary.ru/yrqkot>
15. Мазуренко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 186 с. <https://elibrary.ru/btmytx>
16. Dworkin R. The model of rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. P. 14-46.
17. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge: Harvard University Press, 425 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1pncpxk>
18. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 470 p.
19. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с. <https://elibrary.ru/qvxxkt>
20. Коваль С.В. Разграничение принципов и правовых норм в философии права Р. Дворкина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 2. С. 63-71. <https://elibrary.ru/lyhqxo>
21. Mackie J. The third theory philosophy // Public Affairs. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3-16.
22. Касаткин С.Н. Концепция «третьей» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 94-107. <https://elibrary.ru/ftixid>
23. Коваль С.В. Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива позитивизму и теории естественного права: дис. ... канд. филос. наук. М., 2022. 310 с. <https://elibrary.ru/igdhmq>
24. Коновалов А.В. Принципы гражданского права. СПб.: Право, 2019. 960 с.
25. Коновалов А.В. Принципы права. М.: Норма, 2023. 792 с.
26. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с. <https://elibrary.ru/vfbvpc>

References

1. Aleksandrov N.G. (1957). Sotsialisticheskie printsipy sovetskogo prava [Socialist principles of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 6, pp. 16-29. (In Russ.)
2. Hart H.L.A. (1961). *The Concept of Law*. New York, Oxford University Press, 258 p.
3. Lukasheva E.A. (1970). Printsipy sotsialisticheskogo prava [Principles of socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 6, pp. 21-29. (In Russ.)
4. Raz J. (1972). Legal principles and the limits of law. *The Yale Law Journal*, no. 81, pp. 823-854.
5. Kuznetsova O.A. (2006). *Normy-printsipy rossiiskogo grazhdanskogo prava* [Norms and Principles of Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 269 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tdaatd>
6. Demichev A.A. (2014). Ositivist classification of principles of modern Russian law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5, pp. 5-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sgnrrx>

7. Kartashov V.N. (2020). Printsipy prava: ponyatie, struktury, funktsii [Principles of law: concept, structures, functions]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], no. 14, pp. 158-166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tpmatn>
8. Nersesyants V.S. (1996). *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law is the Mathematics of Freedom. Past Experience and Prospects]. Moscow, Yurist' Publ., 160 p. (In Russ.)
9. Nersesyants V.S. (1983). *Pravo i zakon: Iz istorii pravovykh uchenii* [Law and Legislation: From the History of Legal Doctrines]. Moscow, Nauka Publ., 366 p. (In Russ.)
10. Sidorkin A.S. (2010). *Printsipy prava: ponyatie i realizatsiya v rossiiskom zakonodatel'stve i sudebnoi praktike: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Principles of Law: Concept and Implementation in Russian Legislation and Judicial Practice. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 25 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zodnxv>
11. Milkin-Skopets M.A. (2010). *Printsip razumnosti v libertarno-pravovom diskurse. Istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The principle of reasonableness in Libertarian Legal Discourse. Historical and Legal Research. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 24 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qgxbrl>
12. Berzhel' Zh.-L. (2000). *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, NOTA BENE Publishing House, 576 p. (In Russ.)
13. Daci J. (2010). Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? *Academicus International Scientific Journal*, no. 2, pp. 109-115.
14. Ershov V.V. (2018). The essence of the principles of law. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11 (12), pp. 2089-2103. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0375>, <https://elibrary.ru/yrgkot>
15. Mazurenko S.V. (2020). *Priroda i klassifikatsiya printsipov rossiiskogo trudovogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Nature and Classification of Principles of Russian Labor Law. PhD (Law) diss.]. Moscow, 186 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/btmytx>
16. Dworkin R. (1967). The model of rules. *University of Chicago Law Review*, vol. 35, pp. 14-46.
17. Dworkin R. (1985). *A Matter of Principle*. Cambridge, Harvard University Press, 425 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1pncpxk>
18. Dworkin R. (1986). *Law's Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 470 p.
19. Dworkin R. (2004). *O pravakh vser'ez* [About Rights Seriously]. Moscow, ROSSPEN Publ., 592 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvzkzt>
20. Koval' S.V. (2020). The distinction between principles and legal rules in the R. Dworkin's philosophy of law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 2, pp. 63-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lyhqxo>
21. Mackie J. (1977). The third theory philosophy. *Public Affairs*, vol. 7, no. 1, pp. 3-16.
22. Kasatkin S.N. (2019). Conception of "early" R. Dworkin as a "third theory of law". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 2 (37), pp. 94-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ftixid>
23. Koval' S.V. (2022). *Kontseptsiya filosofii prava Ronal'da Dvorkina kak al'ternativa pozitivizmu i teorii estestvennogo prava: dis. ... kand. filos. nauk* [The Concept of the Philosophy of Law of Ronald Dworkin as an Alternative to Positivism and the Theory of Natural Law. PhD (Philosophy) diss.]. Moscow, 310 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/igdhmq>
24. Konovalov A.V. (2019). *Printsipy grazhdanskogo prava* [Principles of Civil Law]. St. Petersburg, Pravo Publ., 960 p. (In Russ.)
25. Konovalov A.V. (2023). *Printsipy prava* [Principles of Law]. Moscow, Norma Publ., 792 p. (In Russ.)
26. Konovalov A.V. (2019). *Printsipy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Principles of Civil Law: Methodological and Practical Aspects of Research. Dr. habil. (Law) diss.]. Moscow, 1161 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vfbvpc>

Поступила в редакцию / Received 02.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-206-217>

Шифр научной специальности 5.1.1

Норма-дефиниция искусственного интеллекта: новый взгляд

© КОВАНОВ Евгений Сергеевич,

аспирант Юридического института, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Российская Федерация, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87, zhekasso@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены основные санкционированные подходы дефинитивного описания феномена искусственного интеллекта на примере Российской Федерации и зарубежных государственно-правовых образований (Великобритании, США, Евросоюза). Подробно описаны недостатки и проблемные места каждого признанного терминологического определения. Указаны конкретные моменты, в чем именно заключается их несовершенство. Среди отечественных исследователей рассматривались авторские позиции И.В. Понкина и А.И. Редькиной, П.М. Морхата, А.В. Минбалиева, Ю.Г. Арзамасова, которые при всех объективных достоинствах также содержат элемент незавершенности. Предложена и разъяснена авторская норма-дефиниция искусственного интеллекта, что состоит из пяти обязательных компонентов: комплексной технологии, человекоподобной деятельности, решения определенных задач, «умственного» функционала и условной автономии. Сама норма-дефиниция, которая должна войти в понятийный аппарат профильного федерального закона, сформулирована следующим образом: «искусственный интеллект – комплексная технология, способная к автономному ведению человекоподобной деятельности, направленной на надлежащее выполнение конкретных задач соразмерно присущей имитации умственных параметров. К понятию «комплексная технология» относятся целостная аппаратно-программная инфраструктура, регулируемая среда для работы с данными и для достижения определенных результатов, системы по наблюдению и контролю, единая информационно-коммуникационная платформа». В заключительной части сделан вывод о том, что именно правильное описание исследуемой инновации в праве способно привести страну к лидерству в данной области.

Ключевые слова

искусственный интеллект, государство, право, система права, феномен в праве, правовые теории, норма-дефиниция, правовые понятия, инновации в праве, Российская Федерация

Для цитирования

Кованов Е.С. Норма-дефиниция искусственного интеллекта: новый взгляд // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 206-217. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-206-217>

The norm-definition of artificial intelligence: a new perspective

© Evgeniy S. KOVANOV,

Post-Graduate Student, Law Institute, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87 Gorkogo St., Vladimir, 600000, Russian Federation, zhekasso@mail.ru

Abstract

The main authorized approaches to a definitive description of the artificial intelligence phenomenon are considered using the example of the Russian Federation and foreign state and legal entities (Great Britain, the USA, the European Union). The shortcomings and problem areas of each recognized terminological definition are described in detail. Specific points are indicated, where exactly their imperfections lie. Among domestic researchers, the author's positions of I.V. Ponkin and A.I. Redkina, P.M. Morkhat, A.V. Minbaliev, Yu.G. Arzamasov are considered, which, for all their objective advantages, also contain an element of incompleteness. The author's norm is proposed and explained-the definition of artificial intelligence, which consists of five mandatory components: complex technology, human-like activity, solving certain tasks, "mental" functionality and conditional autonomy. The norm-definition itself, which should be included in the conceptual apparatus of the relevant federal law, is formulated as follows: "artificial intelligence is a complex technology capable of autonomously conducting human-like activities aimed at properly performing specific tasks, commensurate with the inherent imitation of mental parameters. The concept of "integrated technology" includes a complete hardware and software infrastructure, a regulated environment for working with data and achieving certain results, monitoring and control systems, and a unified information and communication platform". In the final part, it is concluded that it is the correct description of the innovation under study in law that can lead the country to leadership in this area.

Keywords

artificial intelligence, state, law, law system, phenomenon in law, legal theory, norm-definition, legal concepts, innovations in law, Russian Federation

For citation

Kovanov, E.S. (2024). The norm-definition of artificial intelligence: a new perspective. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 206-217 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-206-217>

Введение

Всепроникающее влияние искусственного интеллекта (ИИ), обусловленное его преобладающим потенциалом, ежегодно возрастает. Мероприятия по интеграции инноваций в привычную жизнь более не считаются редкостным явлением: на сегодняшний день список областей, в которых использование ИИ считалось бы не востребованной инициативой, достигло исторического минимума. Набравшие популярность технологические решения оказывают влияние и на отечественных разработчиков, что воплощают на практике предложения, не уступающие зарубежным аналогам (например, YandexGPT и GigaChat как ответ ChatGPT, генерирующего текст; YandexART и Kandinsky как ответ Midjourney, генерирующего изображения по детальному описанию).

Отстаивание национальных интересов и стремление сохранить суверенное положение во многом объясняют глобальную заинтересованность. В количественном выражении актуальность исследований по теме ИИ подтверждается проводимой внутригосударственной политикой: по информации репозитория ОЭСР на данный момент в 70 странах (а также в Евросоюзе) приняты стратегические документы в этом направлении¹. Согласно установившимся порядкам, в нынешних реалиях поддерживать конкурентоспособность на мировой арене без расстановки приоритетов на подчинении природы ИИ невозможно.

¹ OECD.AI. Policy Observatory. National AI policies & strategies. URL: <https://oecd.ai/en/dashboards/overview> (accessed: 16.01.2024).

Быстрая эволюция технологий ИИ вынуждает ведущие страны в экстренном порядке реагировать на происходящее посредством внесения уточнений в правовое регулирование. Как правило, современные нормы-дефиниции находятся в состоянии постоянной изменчивости по причине зависимости от предполагаемой сферы задействования и повышения уровня научно-технического прогресса. Контрмер же для встречаемых в публичном дискурсе терминологических интерпретаций феномена ИИ не существует, поэтому они и наделяются нежелательным для целей нормирования разнообразием.

Присутствующие варианты трактования нуждаются в конструировании универсального понятийного аппарата, что ни в одном аспекте не противоречил бы устоявшимся юридическим реалиям. Формулирование единого определения затруднено плюрализмом мнений о должествующем концептуальном видении ИИ, потому предпринятые до сегодняшнего дня попытки сводятся к балансированию между неоправданно избыточным и нецелесообразно исключаящим обозначениями феномена, а не к поиску версии закрепления, приближенной к эталонной.

Неизбежное устаревание неверно сконструированного определения требует оперативного составления новых редакций и дополнений. Очевидно, что пока в публичном дискурсе не присутствует завершенное семантическое ядро феномена, консолидация усилий по конкретизации останется безрезультатной. Напротив, выстраивание вокруг него наполненных правовым контекстом элементов обеспечит последовательность в урегулировании растущего интереса к ИИ. Но продолжаемое устранение проблемных частей сообразно текущей ситуации не идет на пользу правотворчеству.

Методы

Методология и методы исследования предполагали поиск, изучение и анализ существующих тематических публикаций, научных трудов, иной литературы и юридических норм, затрагивающих создание универсальной нормы-дефиниции искусственного интеллекта.

В основу научного исследования положен всеобщий метод познания – диалектический: искусственный интеллект и право-

вая теория рассматриваются во взаимосвязи и развитии.

В процессе исследования были использованы общенаучные методы познания действительности, включая логический, метод системного анализа (при вычленении и изучении отдельных составных частей исследуемого феномена), синтеза (при создании авторской дефиниции понятия ИИ), дедукции (при его использовании сделаны частные выводы о вариантах совершенствования государственного регулирования отношений в вопросах ИИ), индукции (в процессе генерирования обобщающих выводов), системный (учитывались выводы из юридической и других областей наук), функциональный (искусственный интеллект обозревался через призму подготовленной роли в правовом регулировании), а также частнонаучные методы, такие как формально-юридический (отдельные правовые нормы исследовались посредством их буквального толкования), сравнительно-правовой (при сопоставлении толкования понятия ИИ в России и зарубежных юрисдикциях), метод правового моделирования (путем перечисления основных характеристик ИИ).

Результаты исследования

Процесс наделяния смыслом относящихся к ИИ словоформ и словосочетаний проводился довольно стандартно. Появление профильной терминологической базы стало возможным благодаря особому лингвистическому приему называемому заимствованием (привлечением), когда лексемы из общелитературного языка постепенно перенимаются в профессиональный лексикон [1, с. 166]. Прагматичность данного шага объясняется тем, что укоренение дефиниции требует использования доступного для большинства языкового стиля, в котором не господствует техническое терминополье. Ведь если текст правовых актов вызывает затруднения в понимании своего основного замысла без наличия у субъекта специальных познаний, то его нельзя называть подходящим для общего употребления [2, с. 300].

Тщательное рассмотрение с юридических позиций повествует о несхожести применяемых подходов при объяснении правового явления. На наш взгляд, разностороннее понимание связано с неопределенностью

внутри широкого спектра придаваемых технологиям унифицирующих свойств, каждое из которых, исходя из налагаемого предназначения, содержит уникальные характеристики и обособленный сущностный состав. Вдобавок постижение особенностей ИИ происходит нелинейно, поэтому разные по масштабам дискуссии о его действительном местонахождении в правовой системе координат не доходят до завершающей стадии.

В целях демонстрации насущности торможения при внедрении законодательных новелл обратимся к иностранным публично-правовым образованиям. Например, за последние 8 лет в США было отложено, то есть безвозвратно передано для дачи заключения в Комитет по науке, космосу и технологиям, рассмотрение двух законопроектов: «Закон о будущем искусственного интеллекта от 2017 года»² и «Закон о национальной инициативе в области ИИ от 2020 года»³.

Закон, датированный 2017 годом, имеет обширное описание систем ИИ из пяти обязательных признаков, после объединения факты которых получается следующее определение: ИИ – искусственная система принятой формы, при любых условиях выполняющая возложенные задачи и не требующая значительного контроля, способная учиться на собственном опыте и совершенствовать производительность, мыслить и действовать рационально подобно живому человеческому организму с использованием набора особых методов. Затем производится градация на «общий» и «узкий» ИИ: первый приближен к поведению реального человека в когнитивной, социальной и эмоциональной составляющих, а второй – к специализированным областям задействования.

Закон, датированный 2020 годом, подразумевает под ИИ машинную систему, которая на базе заданных человеком целей выдает прогнозы, советы и решения, воздействующие на естественную или виртуальную среду. В своей работе она использует дан-

ные, предоставляемые человеком и машиной для восприятия информации, абстрагирование посредством автоматизированного анализа и модельный вывод для формулирования получаемого результата. Идентичное словесное закрепление содержится и в «Своде законов США»⁴. Ровно так же ИИ понимается в последнем опубликованном указе Президента США от 30 октября 2023 г., в котором говорится о безопасной разработке и использовании заслуживающих доверия систем⁵, об обязанности раскрывать запрашиваемую информацию перед правительственными органами.

Первое определение содержит ряд положений, наталкивающих на расплывчатое восприятие и неправильное уяснение предложенных компонентов:

- «значительный» контроль без пояснения критериев значительности;
- для заявлений о том, что объект способен мыслить и действовать рационально словно человеческое существо, требуется аутентичное толкование от субъекта законодательной инициативы, расставляющего границы специфичного представления в отношении названных процессов;
- разделение на «общий» и «узкий» ИИ выполнено довольно умозрительно, так как описываемый «общим» ИИ со стопроцентной вероятностью будет относиться исключительно к компетенции лиц из отдаленного будущего;
- по причине избавления от громоздкости за рамками обобщения дефиниции из 2017 г. остались упоминания об обязательном прохождении теста Тьюринга или иного сопоставимого с ним теста (нынешние версии способны имитировать человеческие данности даже без подлинного понимания языка и контекста); о возможности принадлежности к ИИ тех экземпляров, чей внешний вид пока не воплощен (подобная сосредоточенность на ожидаемом будущем избы-

² H.R.4625 – FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/related-bills> (accessed: 16.01.2024).

³ H.R.6216 – National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text?s=1&r=74> (accessed: 16.01.2024).

⁴ 15 U.S. Code § 9401 – Definitions. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/9401#3> (accessed: 16.01.2024).

⁵ Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (accessed: 16.01.2024).

точно); о разделении ИИ на полноценный и неполноценный, основываясь на перечне решаемых задач и гипотетических действий (аргументируя тем, что чем их больше, тем с большей уверенностью может называться им).

Второе определение скорее напоминает сокращенное описание генеративного ИИ и имеет ряд недочетов из-за узкой направленности:

- не встречается ни слова даже отвлеченно напоминающего или подразумевающего процесс продолжаемого обучения, адаптивные навыки и совершенствование с течением времени, что являются основополагающими для такого рода технологий;
- перечни функциональных обязанностей (выдача прогнозов, советов и решений) и целевой загрузки (использование данных, абстрагирование, модельный вывод) вмещают всего по три разновидности, когда на практике ихкратно больше;
- не учитывается, что предлагаемые системой решения могут воздействовать на обе среды (виртуальную и реальную) одновременно;
- в дальнейшем императивность задания целеполагания только индивидуумом с наибольшей вероятностью будет пересмотрена.

Как можно заметить, в американском законодательстве есть серьезнейшие недосказанности вопреки тому, что по статистическим данным ситуация ровно противоположная (в 2022 г. в качестве законов было одобрено 35 % законопроектов по теме ИИ от общего числа)⁶. Однако количество не равнозначно качеству, потому что разрушительный потенциал сохраняемых рисков при неграмотном юридическом сопровождении способен обнулить все прежние заслуги в этой области.

На Европейском континенте также активно осуществляются работы по подведению ИИ под букву закона. В декабре 2023 г. Европарламентом был одобрен «Закон об ИИ»⁷ (с учетом поправок⁸), который вступит

в силу не ранее последних месяцев 2025 г. В нем ИИ – предназначенная для работы система с элементами автономии, что, базируясь на предоставляемых человеком и/или машиной данных (имеющихся и входных), делает вывод о том, как достичь обозначенной совокупности целей при помощи машинного обучения и/или основанных на логике и знаниях подходах, и обязательно выдает влияющие на конкретную среду результаты в виде контента, прогнозов, рекомендаций или решений.

Сравнительно со своей первой редакцией⁹ от 29 ноября 2021 г., данная дефиниция безусловно совершеннее. В предыдущем варианте ИИ считался программным обеспечением, совсем не упоминались автономия под условием и характер получаемых или присутствующих данных, а использованные методы и подходы излишне конкретизировались (например, сообщалось об обучении под наблюдением, без учителя и с подкреплением, о байесовской оценке, статистических подходах, методах поиска и оптимизации и прочих), причем учитывались они только на стадии разработки технологии. Однако даже с учетом несомненного превосходства и почти образцового состояния относительно других насчитывающихся в мире формулировок, изданных органами публичной власти, среди недостатков стоит выделить:

- выражение «с элементами автономии» говорит об опосредованной независимости без четкого установления границ, что приводит к разночтениям и расхождениям в понимании;
- заложено всего два типа входящих данных (от машины, то есть через встроенные фиксирующие устройства и программы, и от человека), когда теоретически они могут поступать и от других источников информации, например, от отличной интеллектуаль-

⁶ Artificial Intelligence Index Report. 2023. P. 17. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2023/04/HAI_AI-Index-Report_2023.pdf (accessed: 16.01.2024).

⁷ Artificial intelligence act, Council's General Approach, 6 December 2022, p. 71. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14954-2022-INIT/en/pdf> (accessed: 16.01.2024).

⁸ Amendments adopted by the European Parliament on 14 June 2023 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (accessed: 16.01.2024).

⁹ Artificial intelligence act, Commission proposal, 14 April 2021, p. 41. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8115-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 16.01.2024).

ной системы [3, с. 724], иного источника, находящегося на этапе исследований, и т. д.;

- в генерируемых результатах допущена логическая ошибка, когда все входящие термины принадлежат к единой группе, заключающей предлагаемые системой решения на поставленную задачу или запрос пользователя. Контент, прогнозы, рекомендации и решения (любые санкционированные действия) являются формой демонстрируемых реакций, всецело относящихся к категории решений, поэтому они не должны упоминаться в форме однородных членов;

- в непереносимом влиянии на среду должна быть оговорка о благоприятном исходе такового, потому что само внедрение строится на созидательном и положительно преобразующем воздействии инновации;

- при достижении намеченных целей опоры на машинное обучение и/или основы, лежащие на логике и знаниях подходы недостаточно, если не будут браться во внимание текущие возможности самого ИИ, его подлинный функционал и юридический статус в конкретный момент времени.

Как можно наблюдать, увеличение объема пропорционально влияет и на прирост пробелов в регулировании. Хотя нельзя не отметить старания составителей определения, ведь с позиций юридической техники оно равнозначно распространяется на все нынешние модели ИИ. Несмотря на то, что в тексте акта центральная часть отведена отлаживанию уровней сопутствующего риска, разделенного на четыре вида:

1) неприемлемый: системы находятся под запретом из-за неустраняемой угрозы безопасности (например, манипулирующие поведением пользователя, программно оценивающие участников социума);

2) высокий: системы способны негативно повлиять на основы безопасности или посягать на права человека (например, используемые в правоохранительной деятельности, в критической информационной инфраструктуре);

3) ограниченный: системы сохраняют управляемый риск и соответствуют минимальным требованиям, предъявляемым к транспарентности (к примеру, генерирующие дипфейки, рекомендуемые контент в Сети, занимающиеся автоматическим переводом);

4) минимальный: когда какие-либо показатели риска, отличные от нулевого, присутствуют на уровне погрешности (к примеру, используемые в видеоиграх, фильтрующие спам на серверах электронной почты, встроенные персональные помощники).

Предписанное разграничение облегчает процесс обращения с ИИ для всех причастных к сообществу путем подробно составленной классификации существующих или создаваемых технологических продуктов. Именно так гарантируется ответственное отношение не только со стороны привлекаемых при планировании, разработке, реализации и эксплуатации лиц, но и со стороны органов публичной власти, инвесторов и конечных пользователей. Поскольку при любых обстоятельствах главным критерием должно оставаться улучшение жизненных условий максимально возможного числа граждан, а не получение выборочных преимуществ группой привилегированных.

К более легкому подходу в нормировании обратился бывший участник Европейского союза. Правительство Великобритании в марте 2023 г. разместило на официальном государственном ресурсе программный документ, в котором под ИИ понимаются адаптируемые (через совершенствование, работу и обучение) и автономные (действующие без команды и постоянного контроля) продукты и услуги¹⁰. Данная экономия слов объясняется авторским коллективом ненайденным консенсусом и требуемым индивидуальным реагированием на каждую как появляющуюся, так и модернизируемую технологию ИИ. В нашем представлении оправданность такого тактического приема сомнительна, поскольку это не облегчает регулирование, а наоборот создает предпосылки для продолжаемой юридической запутанности в нормировании отдельного феномена. Придерживаемый подход, при котором сиюминутное избавление от проблемы сопряжено с преумножением ее деструктивного влияния в дальнейшем, заведомо несостоятелен.

¹⁰ A pro-innovation approach to AI regulation. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper> (accessed: 16.01.2024).

Переходя к российскому подходу правового регулирования новейших трендов, затронем общегосударственную нормотворческую политику по этому вопросу и результаты научных изысканий ведущих исследователей-правоведов. Фактически раскрытие термина ИИ, имеющее значение для правового пространства, содержится в трех подзаконных актах, материалы которых затем дублируются в издаваемые позднее нормативные правовые акты.

В Указе Президента¹¹ (ссылка) под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

В ГОСТ Р 59276-2020¹² (ссылка), посвященном способам обеспечения доверия к системам ИИ, определение имеет практически полное литеральное совпадение, кроме начального фрагмента: в нем заменой комплексу технологических решений выступает «способность технической системы».

В ГОСТ СССР 15971-90¹³, не утратившем юридическую силу, ИИ позиционируется как «способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом».

В каждой дефиниции фигурируют проблемные места, препятствующие всеобъемлющей констатации особенностей феномена. Вместе с чем включение небольших уточнений способно изменить факт наличия неба-

гоприятных тенденций. В перечень причин незавершенности входят:

– фокусирование на имитировании когнитивных функций. Исходя из этого дополнения, можно сделать вывод о том, что под интеллектом понимается отличное от упоминаемого в медицинской литературе значение. Потому что само свойство интеллекта входит в понятие «когнитивные функции» (некоторые отождествляют их с когнитивными процессами), наряду с памятью, вниманием, речью, гнозисом и праксисом [4, с. 16]. Следовательно, в опубликованных определениях ИИ – новообретенный собирательный образ, предназначенный для аналогичной человеку работы не столько в умственном плане, сколько в старании воплотить достаточной сложности и архитектуры реплику природных процессов, проистекающих внутри организма мозгового носителя. Но правильно ли с точки зрения методологии требовать от машины воспроизведения тех данностей, что дарованы нам от рождения? Подобный нарратив останется объектом для обоснованной критики, пока возникающие нюансы не будут предметно опровергнуты.

Разобравшись с расширительным толкованием интеллекта, встречающимся в определении, дополним написанное неопределенностью относительно комплектности числа и степени развития когнитивных функций. Согласно последним достижениям в области моделирования ИИ, каждая из шести перечисленных функций не имеет стабильного закрепления за определенной интеллектуальной системой и вдобавок может быть подвергнута существенным изменениям в любой момент времени (например, модули памяти лимитированы вместимостью предустановленного физического хранилища, особенности и объемы внимания ограничены предписанным набором команд и реакций на «внешние раздражители» и т. п.). В нашем видении резонно обозначить в тексте прототип минимально жизнеспособной версии продукта (Minimum Viable Product), по чьим параметрам будут сориентированы другие представители технологий, позиционируемых в качестве интеллектуально одаренных;

– сопоставимость результатов интеллектуальной деятельности с человеческими. Буквально предполагается нахождение по-

¹¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. 14 окт. № 41. Ст. 5700. С. 4.

¹² ГОСТ Р 59276-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1371-ст). С. 6.

¹³ ГОСТ 15971-90. Государственный стандарт Союза ССР. Системы обработки информации. Термины и определения (утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 26.10.1990 № 2698). С. 7.

лучаемых результатов в трех состояниях, соизмеримых с идеальным представлением о человеческой интеллектуальной работе, то есть недостаточном, паритетном и превосходящем. Как и в случае с принятым в Европарламенте законом, такие рассуждения научно обоснованы и подтверждаются сложившейся практикой. Однако, что надлежит делать при абсолютном несоответствии характера выполняемых действий и производимых результатов человеческим (например, синхронный многоязычный перевод или интерпретация не воспринимаемых человеком сенсорных данных)? В текущей редакции ответ на этот простой вопрос не обнаруживается;

– ИИ не единственно вычислительная машина, хотя бы из-за склонностей к обучению и адаптации. Причем функционал обычной современной модели предрасположен к такому виду работы, которая не может проводиться только на базе компьютерных вычислений, потому что в нее входят другие технологии (перечислены далее в 1 пункте необходимого минимума);

– системой моделируется не только процесс мышления, но и остальные умственные процессы, а также иные действия реальных людей. Похожие сокращения искажают принципы совершаемой механизмом интеллектуальной работы. При их оставлении получается слишком упрощенное обозрение схематичной формы того, как ИИ приходит к конкретному решению.

Для полновесного урегулирования особенностей феномена необходимо занятие проактивной позиции. Описываемые замечания приводятся в целях неповторения правотворческих ошибок зарубежных коллег, когда изначально деформированное понимание начинает претендовать на роль единственно допустимого. Мы полагаем, что после устранения озвученных неясностей видоизмененные дефинитивные нормы сделают технологические прогрессивные начинания более гармонизированными для оценивания с позиций правовой доктрины.

Среди отечественного ученого сообщества, специализирующегося на постижении юридических наук, первая попытка воспроизвести всеохватывающий термин ИИ прозвучала в работе И.В. Понкина и А.И. Редькиной [5, с. 94-95]. Даже при условии де-

тальной проработанности он имеет ряд серьезных упущений, отрицательно сказывающихся на репрезентативности:

– отсутствие баланса между техническими характеристиками и общим пониманием феномена, когда описательная часть направлена на немотивированное утяжеление смысловой насыщенности;

– концентрирование внимания на системной архитектуре, а не на функциональном назначении и социальной полезности;

– излишние уточнения свойств и нагромождение прилагаемых пояснений, которые несколько не коррелируют с реальным положением дел в области ИИ (например, определенная субъектность, омологация себя и своих подсистем);

– несмотря на предупреждающий характер дефиниции, соотнесение совокупности прописанных признаков умной технологии и существующих систем ИИ порождает неустрашимые противоречия (например, условность самостоятельного решения проблем и взаимодействия с окружающим миром, эмуляции когнитивных функций, высокоуровневого восприятия окружающей обстановки и т. п.).

Родственное по смыслу определение изложено П.М. Морхатом [6, с. 21-22]. Сформулированные в нем тезисы являются более высокоорганизованной совокупностью признаков, поскольку автор был сосредоточен не на перечислении технических составляющих, а на упоминании способностей и возможностей ИИ. Но даже с учетом улучшений проблемные зоны в восприятии продолжают оставаться во многом из-за наличия сложных грамматических конструкций и специальной терминологии. Поэтому последние два пункта из осмысления предыдущей дефиниции в полной мере относятся и к данному определению. Вместе с этим несколько неуместным выглядят:

– добавление академических замечаний, что считаются общеизвестными (об изолированности от жизни в биологическом плане, об обучении и самообучении на своих ошибках и опыте, о реагировании на сигналы и прочие);

– оригинальная расстановка приоритетов в предполагаемых способностях ИИ (отдельное упоминание доказывания математи-

ческих теорем, рефлексии, автономного гомеостаза, разработки тестов для самотестирования и прочие), что не могут одновременно относиться ко всем системам;

- стихийное смешение теоретических и практических представлений об ИИ, что затрудняет разграничение и адекватное оценивание существующего образа и потенциально претворяемого в реальность.

А.В. Минбалиев в своей работе [7, с. 1097] склоняется к тому, что ИИ – совокупность информационных (в том числе цифровых) технологий, позволяющая на основе задействованных систем решать проблемы, для которых ранее требовалось вмешательство человеческого интеллекта.

На наш взгляд, при всей своей немногосложности в общетеоретическом смысле определение максимально приближено к отражению налагаемого на ИИ замысла. Хотя для наибольшей точности следует отводить главенствующую роль решению не проблем, а преподносимых задач. Вместе с этим оно может считаться коренной конструкцией (урезанной демоверсией), на которую будут накладываться неупомянутые в начальном варианте обязательные элементы понятийного аппарата «классического» ИИ.

Профессор Ю.Г. Арзамасов в своем исследовании [8, с. 258] остановился на концепции из 4 подходов к пониманию ИИ:

- в «широком» общенаучном смысле – это новая отрасль знаний технонауки, направленная на исследование и разработку инновационных технологических решений;

- в техническом смысле – это различные технологии по созданию «умных машин»;

- в-третьих – это компьютерные программы, позволяющие имитировать когнитивные функции человека, где отдельные виды ИИ имеют возможности для саморазвития и самообучения либо обладают способностью в быстром скоростном режиме обрабатывать сверхбольшие массивы данных;

- в «узком» смысле – с точки зрения нормативизма, основанного на положениях теории правовых отношений и действующем российском законодательстве, ИИ является объектом правовых отношений, где правообладателем результатов его творческих произведений, моделей, технических образцов

и т. п. выступает его создатель либо владелец, но в отдельных случаях «сильный» ИИ в перспективе может быть наделен также правосубъектностью.

Всеохватывающее объединение должно признать незавершенным, потому что:

- в «широком» общенаучном смысле определение дано настолько беспредметно, что под него можно подвести любое современное исследование, связанное с синтезом инновационных технологий и науки, например, по поводу применимости квантовых вычислений, постижения генома, возобновляемых источников энергии и прочих;

- в техническом смысле – акцент на машинах способен ввести в заблуждение, а выбранное собирательное слово повествует о поверхностном воззрении на проблематику; не поясняются показатели «ума» (какой уровень от базовой автоматизации до продвинутых интеллектуальных систем считается приемлемым); словосочетание «различные технологии» не вбирает в себя весь комплекс процедур по созданию ИИ;

- в технологическом смысле – скоростная обработка гигантских объемов данных является лишь одной из десятков имеющихся опций, ключевых достоинств у систем ИИ существенно больше (например, автоматизация повторяющихся действий, бесконечный рабочий цикл и т. д.); сама идея разделения ИИ на неизменно развивающийся и стагнирующий противоречит стратегическим планам по внедрению инновации, а отождествление с компьютерными программами неверно с инженерной точки зрения;

- в узком смысле – юридического обозревания единственно в качестве результата интеллектуальной деятельности недостаточно, пренебрегать вопросами о режиме конфиденциальности, степени ответственности за деятельность и получаемые результаты, делегировании полномочий и об этической составляющей (морально-нравственном вакууме) некорректно.

Таким образом, литературно запечатлеть многогранную природу ИИ без квалифицированного приложения актуальных междисциплинарных знаний невозможно. Чрезмерно упрощенные и поверхностные суждения только усложняют интеграцию ИИ в существующее общественные отношения. А неосторож-

ная попытка вместить в одно определение несколько концепций понимания не приводит ни к чему, кроме как к академическим неточностям.

Дихотомия избыточности и недостаточности в конкретизации настолько сложных правовых феноменов имеет тонкую грань: ее нарушение влечет неопознанность явления инструментарием правовой среды. Инвариативность имманентных признаков должна излагаться с точностью до мелочей, чтобы идеализированный концепт не переписывался исходя из ситуации «на местах». Иначе регулярная подмена простейшей первоизданной версии ИИИ сделает его бесконечно соприкасающимся, но не входящим в пределы внутренних границ отечественной правовой сферы. В перспективе это может привести к пробелам не только в обывательском восприятии, но и в правоприменении.

Заключение

Вышесказанное побуждает к выдвижению нового дефинитивного ориентира, избавленного от недостатков своих предшественников. Поэтому для начала предстоит остановиться на том, что предстоит считать необходимым минимумом в закладываемых характеристиках и технико-технологических требованиях для материализации. На наш взгляд, для системы ИИИ характерно следующее:

- 1) комплексная технология, в состав которой входят:
 - профильная аппаратная архитектура (внутренняя и внешняя);
 - программное обеспечение;
 - регулируемая операционная среда;
 - совокупность систем по наблюдению и контролю;
 - единая информационно-коммуникационная платформа;
- 2) ведение человекоподобной деятельности.

В нашем понимании, для обретения статуса аналога ИИИ не обязан повторять свойственный головному мозгу эволюционный путь или же приходить к определенному решению по схожему до степени смещения с реальным субъектом сценарию. Объективно более приоритетным является получение релевантных результатов, что содержат все признаки деяния, совершаемого при обычных

обстоятельствах человеком, а не воссоздание всех тонкостей интеллектуальных процессов организма;

3) предназначение – эффективное выполнение строго определенных задач.

Степень объективности выйдет равнозначной заложенным (и приобретенным) данным и качествам, исходя из которых ИИИ с опорой на внутренние резервы будет пытаться успешно справиться с возложенной задачей;

4) обладание умственным функционалом, категориально идентичным человеческому.

Здесь заявляется предрасположенность к самосовершенствованию, которая, как показывает практика, может иметь и обратный эффект в виде частичного регресса [9, с. 1]. Употребляемое слово «умственный» воспринимается в ограничительном толковании и не подтверждает наличие ума в классическом понимании. Основное предъявляемое требование – соответствие деятельности критериям умственной работы без углубления в мыслительные процессы и нейрофизиологию структур мозга. Заметим, что с течением времени умственные параметры могут претерпевать изменения, потому результативность системы при выполнении однотипных задач также может отличаться от прежних величин.

Выделяемый умственный функционал находится в абсолютной зависимости от нынешнего видения приложения систем к какой-либо сфере. Предположения о том, что необладание способностью строить прогнозы, понимать адресованную речь, формировать длинные цепи рассуждений или любой другой становится весомым основанием для исключения из группы технологий ИИИ, пока бездоказательны. Закладывание процедурных возможностей, которые ни в одном из сценариев деятельности не будут использованы, трансформируют уравнивающий стандарт в систематически опровергаемый действительностью регламент. Поэтому необходимо относиться беспристрастно к происходящим преобразованиям, чтобы продвижение неправовых инициатив не стало новым контрпродуктивным трендом;

5) наделение условной автономией.

Независимость реализованного типа ИИИ ограничена несколькими обязательными условиями, гарантирующими безопасность в

период эксплуатации, однако подготовка и (или) демонстрация решения проводятся без привлечения человеческой активности. Обучение и выполнение тестовых заданий (принято обозначать «интеллектуальным развитием»), последующее контактирование с человеческим существом осуществляется в основном на самостоятельных началах, при этом вектор прогрессирования и остальные значимые факторы начиная с этапа разработки могут задаваться извне.

Таким образом, норма-дефиниция ИИ должна выглядеть следующим образом: **«ИИ – комплексная технология, способная к автономному ведению человекоподобной деятельности, направленной на надлежащее выполнение конкретных задач, соразмерно присущей имитации умственных параметров. К понятию «комплексная технология» относятся целостная аппаратно-программная инфраструктура, регулируемая среда для работы с данными и для достижения определенных результатов, системы по наблюдению и контролю, единая информационно-коммуникационная платформа».**

Полагаем, ее следует расположить в отдельной статье, посвященной терминам и понятиям, разработанного в недалеком будущем тематического федерального закона «Об искусственном интеллекте». Который будет всецело распространяться на возникающие при содействии ИИ правоотношения. Так как для правовой среды создание единого системообразующего акта, затрагивающего все мыслимые аспекты использования ИИ, имеет несравненно больший импакт-фактор, чем бессистемное внесение точечных редакций в правовые источники.

Для нормативного регулирования более информативное определение будет излиш-

ним. В противном случае намеренное заимствование лексических единиц из словарей разных профессий приведет к отягощению и без того не легковесных словоформ, что определенно не встретит отклика со стороны общественности. Усложнение языковой формулы феномена нецелесообразно, поскольку добавление обширных разъяснений относительно каждой детали не содержит объективных причин и предпосылок.

Заинтересованность в профессиональном содействии ИИ ежегодно увеличивается. Возрастание научных представлений вынуждает должностных лиц и органы публичной власти реагировать на происходящее изменение спроса, но зачастую, несмотря на приложенные усилия и предполагаемую проработанность, внедряемый глоссарий не выдерживает испытания временем. Следовательно, подобные мероприятия не вправе восприниматься как упреждающий шаг в нормировании: они скорее напоминают предназначенную для отечественной системы права разновидность паллиативной помощи, от которой впоследствии придется отказаться.

Неукомплектованность понятийного сопровождения может привести к необратимым последствиям, поэтому своевременное доведение правового обеспечения до оптимального состояния станет неоспоримым преимуществом для исследуемой области. Мы убеждены, что лидирующие позиции всемирного рейтинга достигаются в первую очередь за счет грамотной правовой регламентации, когда все проводимые от имени ИИ действия легитимны и объяснены в достаточных правовых образах. Пока же легальная дефиниция несовершенна, присвоение стране статуса полноправного претендента на господствующее положение – утопия.

Список источников

1. Мусаева А.С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 166-173. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173>, <https://elibrary.ru/gkpovv>
2. Белов С.А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. Т. 13. № 2. С. 293-308. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>, <https://elibrary.ru/nykocp>
3. Peiris H., Hayat M., Chen Z. et al. Uncertainty-guided dual-views for semi-supervised volumetric medical image segmentation // Nature Machine Intelligence. 2023. № 5 (7). P. 724-738. <https://doi.org/10.1038/s42256-023-00682-w>

4. Щербакова М.М. Когнитивные нарушения и их реабилитация в неврологической клинике (психологический подход). М.: Изд-во В. Секачев, 2021. 228 с.
5. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109>, <https://elibrary.ru/yvxxkva>
6. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 44 с.
7. Минбалеев А.В. Понятие «Искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094-1099. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099>, <https://elibrary.ru/mptqye>
8. Арзамасов Ю.Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 242-262. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262>, <https://elibrary.ru/wdnzxxk>
9. Lingjiao Chen, Matei Zaharia, James Zou. How Is ChatGPT's Behavior Changing over Time? // Cornell University. 2023. P. 1-26. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.09009>

References

1. Musaeva A.S. (2022). Term formation in the field of artificial intelligence. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, no. 2 (29), pp. 166-173. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173>, <https://elibrary.ru/gkpovv>
2. Belov S.A. (2022). The role of language in providing intelligibility and certainty of normative legal acts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, vol. 13, no. 2, pp. 293-308. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>, <https://elibrary.ru/nykocp>
3. Peiris H., Hayat M., Chen Z. et al. (2023). Uncertainty-guided dual-views for semi-supervised volumetric medical image segmentation. *Nature Machine Intelligence*, no. 5 (7), pp. 724-738. <https://doi.org/10.1038/s42256-023-00682-w>
4. Shcherbakova M.M. (2021). *Kognitivnye narusheniya i ikh reabilitatsiya v nevrologicheskoi klinike (psikhologicheskii podkhod)* [Cognitive Disorders and Their Rehabilitation in a Neurological Clinic (Psychological Approach)]. Moscow, V. Sekachev Publ., 228 p. (In Russ.)
5. Ponkin I.V., Red'kina A.I. (2018). Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, vol. 22, no. 1, pp. 91-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109>, <https://elibrary.ru/yvxxkva>
6. Morkhat P.M. (2018). *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Legal Problems. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 44 p. (In Russ.)
7. Minbaleev A.V. (2022). The concept of "artificial intelligence" in law. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, vol. 32, no. 6, pp. 1094-1099. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099>, <https://elibrary.ru/mptqye>
8. Arzamasov Yu.G. (2022). An integrated approach to the definition of the concept artificial intelligence. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 3 (50), pp. 242-262. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262>, <https://elibrary.ru/wdnzxxk>
9. Lingjiao Chen, Matei Zaharia, James Zou. (2023). How Is ChatGPT's Behavior Changing over Time? *Cornell University*, pp. 1-26. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.09009>

Поступила в редакцию / Received 26.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 14.04.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-218-224>

Шифр научной специальности 5.1.1

К вопросу об участии Ф.Ф. Кокошкина в Выборгском воззвании 10 июля 1906 г.

© МИТРОФАНОВ Никита Владиславович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, преподаватель и ассистент кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Аннотация

Проанализировано одно из самых неоднозначных событий в истории российского парламентаризма. Выяснены мотивы Выборгского воззвания. Исследованы этапы, предшествующие подписанию и обнародованию текста документа. Целью является выяснение роли и значения участия в Выборгском воззвании Ф.Ф. Кокошкина, бывшего одним из значительных общественно-политических деятелей того времени. Отмечены последствия данного события, затрагивающие как самого правоведа, так и повлиявшие на историю развития отечественного конституционализма. Использованы следующие методы исследования: историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой подходы научного познания. В результате проведенного исследования выявлены основные причины, послужившие основанием для обращения группы бывших депутатов к народу. Отмечено, что требования были радикального характера и включали в себя призывы к бойкоту правительства в виде отказа от уплаты налогов, пополнения армии и признания займов. Процесс создания самого текста проходил многоступенчато, начиная с составления черновика обращения в Санкт-Петербурге и заканчивая полноценным обсуждением в Выборге. Итог воззвания не оправдал себя, народных волнений не было. Ф.Ф. Кокошкин сыграл заметную роль в составлении текста обращения к народу и впоследствии неоднократно отстаивал свою позицию. После судебного разбирательства правовед был приговорен к тюремному заключению на три месяца, лишен всех избирательных прав и исключен из состава московского дворянства. Выборгское воззвание стало прецедентом в пассивном сопротивлении власти.

Ключевые слова

Выборгское воззвание, Ф.Ф. Кокошкин, Государственная дума первого созыва, правовое государство

Для цитирования

Митрофанов Н.В. К вопросу об участии Ф.Ф. Кокошкина в Выборгском воззвании 10 июля 1906 г. // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 218-224. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-218-224>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-218-224>

On the issue of F.F. Kokoshkin's participation in the Vyborg Manifesto on July 10, 1906

© Nikita V. MITROFANOV,

Post-Graduate Student, Theory and History of State and Law Department, Lecturer and Assistant of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Abstract

One of the most controversial events in the history of Russian parliamentarism is analyzed. The motives for the Vyborg Manifesto are clarified. The stages preceding the signing and publication of the text of the document are studied. The aim is to clarify the role and significance of participation in the Vyborg Manifesto by F.F. Kokoshkin, who was one of the significant public and political figures of that time. The consequences of this event are noted, affecting both the jurist himself and those that influenced the history of the development of domestic constitutionalism. The following research methods are used: historical-legal, formal-legal and comparative-legal approaches of scientific cognition. As a result of the conducted research, the main reasons that served as the basis for the appeal of a group of former deputies to the people are identified. It is noted that the demands were of a radical nature and included calls for a boycott of the government in the form of refusal to pay taxes, replenishment of the army and recognition of loans. The process of creating the text itself took place in multi-stages, starting with the drafting of the appeal in St. Petersburg and ending with a full-fledged discussion in Vyborg. The result of the appeal did not justify itself, there was no popular unrest. F.F. Kokoshkin played a significant role in drafting the text of the appeal to the people and subsequently repeatedly defended his position. After the trial, the lawyer was sentenced to three months in prison, deprived of all voting rights and expelled from the Moscow nobility. The Vyborg Manifesto became a precedent in passive resistance to the authorities.

Keywords

Vyborg Manifesto, F.F. Kokoshkin, State Duma of the first convocation, constitutional state

For citation

Mitrofanov, N.V. (2024). On the issue of F.F. Kokoshkin's participation in the Vyborg Manifesto on July 10, 1906. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 218-224 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-218-224>

Введение

В научной литературе особое внимание уделяется вопросу о возникновении российского парламентаризма в связи с началом работы Государственной думы первого созыва 27 апреля 1906 г., которая просуществовала всего 72 дня. Однако далеко не все уделяют должное внимание событию, произошедшему сразу после размещения Манифеста о роспуске Государственной думы первого созыва, а именно, подписанию Выборгского воззвания, значительно повлиявшему на будущие изменения в политических силах и впоследствии послужившему причиной лишения определенных лиц избирательных прав. Федор Федорович Кокошкин, являясь одним из ведущих депутатов от партии народной свободы,

активно выступающих за верховенство закона и соблюдение прав граждан, не мог оставаться в стороне от насильственного отстранения представителей законодательной власти и роспуска парламента.

Результаты исследования

1. Причины и процесс создания обращения к народу

Ф.Ф. Кокошкин был одним из тех политиков, кто добивался учреждения законодательного органа в государстве и активно отстаивал права всех слоев населения. Позднее, высказываясь о периоде активной деятельности по разработке законодательных инициатив в Государственной думе первого созыва на заседании ЦК 29 октября 1906 г., он утверждал: «Иначе действовать мы психологиче-

ски не могли, так как вся страна требовала от нас штурма. Режим азартный, а не коммерческий. И все-таки нас распустили бы – через 1 год, может быть»¹. Основной причиной роспуска Первой Государственной думы выступили известные противоречия между парламентом и правительством. Связаны они были, в первую очередь, с аграрным вопросом [1, с. 188]. Учитывая данный конфликт и последующее за этим прекращение депутатских полномочий, Ф.Ф. Кокошкин полагал необходимым издать обращение к народу. «Во-первых, для того, чтобы не дать всем возлагать всю вину на депутатов»... Во-вторых, Ф.Ф. Кокошкин считал это прецедентом для будущего, считая пассивное сопротивление одним из способов конституционной борьбы народа в защиту своих погранных прав»² – вспоминала М.Ф. Кокошкина, супруга бывшего депутата.

Обращение к народу было спонтанным действием и являлось единственной возможной мерой сопротивления на тот момент. 9 июля 1906 г., после получения первых известий о роспуске Первой Думы, ведущие специалисты кадетской партии в лице Ф.Ф. Кокошкина, П.Н. Милюкова и И.И. Петрункевича на квартире последнего инициировали создание текста Выборгского воззвания. Основная идея была разработана в ходе беседы между П.Н. Милюковым и И.И. Петрункевичем, а Ф.Ф. Кокошкин, пришедший после, предложил аналогичный план. Позднее к беседе присоединились и другие представители кадетской партии, а также члены партии трудовиков. Затем Партия народной свободы для полноценного обсуждения всеми парламентскими фракциями и составления окончательного текста обращения приняла решение собраться в Выборге, поскольку проведение протеста на территории Санкт-Петербурга могло повлечь кровопролитие [2, с. 78].

Собрание по указанному вопросу происходило в выборгской гостинице «Бельведер». Началось заседание после девяти вечера и продлилось до самого утра. К обсуждению те-

зисов допускались только бывшие депутаты, «даже для П.Н. Милюкова не сделали исключения»³. В дальнейшем это позволило ему избежать наказания, несмотря на составление черновика первоначального обращения к народу: «Милюков, не будучи депутатом, не подписал Выборгского воззвания и поэтому не подвергся преследованию» [3, с. 298].

После долгих обсуждений при участии кадетов, трудовиков и прибывших социал-демократов были сформулированы окончательные тезисы документа. Основная суть обращения заключалась в отстаивании интересов народного представительства радикальным путем. В противовес семимесячному отсутствию законодательного органа, что было обусловлено столь поздней датой нового созыва, гражданам предлагалось буквально следующее: «когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег»⁴. Аналогично населению «рекомендовалось» не признавать займы, выданные Правительством. Также в содержании документа отражалось основное направление законодательной деятельности бывших депутатов по разрешению крестьянского земельного вопроса, итогом которого стало несогласие Правительства с разработанным законопроектом.

Ф.Ф. Кокошкин вошел в редакционную комиссию по составлению документа. Утром 10 июля 1906 г. Выборгское воззвание было подписано и обнародовано. Распространялось оно по всей стране стремительно: самими депутатами, разьяснявшими его суть народу, почтовыми отправлениями отдельным крестьянам и разбрасыванием в «присутственных местах» [4, с. 123]. Считается, что оно передавалось нелегальным образом [5, с. 5]. Ожидаемых результатов, на которые надеялись подписанты документа, не произошло. Возможно, в связи с этим, первоначально власть никаким образом не действовала, и моментальной реакции, которую ожидал и Ф.Ф. Кокошкин со своей супругой, не последовало: «Прожили 3 суток в ожидании развязки. Но день... другой, – ничего!»⁵. В результате только 16 июля 1906 г. в отношении

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 148.

² ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 21. Л. 56.

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 21. Л. 58.

бывших депутатов было начато уголовное преследование по статье 51 и пункту 3 части 1 статьи 129 Уголовного Уложения Российской империи.

2. Судебное разбирательство

Судебный процесс по данному инциденту проходил в течение целой недели: с 12 по 18 декабря 1906 г. Многие из обвиняемых представляли свои интересы самостоятельно, без дополнительной юридической помощи, поскольку являлись блестящими специалистами в сфере права, включая Ф.Ф. Кокошкина.

Учитывая очевидность назначения сурового наказания, правовед был убежден в правильности собственных действий на протяжении всей своей жизни. Так, Ф.Ф. Кокошкин, согласившись с тем, что он подписал Выборгское воззвание, не признавал свою вину. В своей оправдательной речи правовед рассуждал о важности представительства и большой ответственности перед всем российским народом. Отмечал пассивную роль правительства, не участвовавшего в активном обсуждении законопроектов и отрицательно высказавшегося в отношении самого острого вопроса, стоявшего на повестке дня, вопроса о предоставлении земель крестьянам. Ссылаясь на конфликт законодательной и исполнительной власти, Ф.Ф. Кокошкин именвал такое противоборство «великой борьбой между старым и новым порядком, между старой и новой Россией»⁶.

Зная о допустимой возможности досрочного освобождения законодательного органа от исполнения своих обязанностей, Манифест о роспуске Государственной думы первого созыва Ф.Ф. Кокошкин считал незаконным, посвятив этому отдельную статью, выпущенную 22 августа 1906 г. в Русских ведомостях. Роспуск Первой Думы Ф.Ф. Кокошкин называл «переворотом, проведенным с нарушением конституционной формы»⁷. Таким образом, все претензии по существу правовед предъявлял в связи с несоблюдением действовавшего на тот момент законодатель-

ства. Суть претензий сводилась к следующему. Несмотря на право монарха распустить парламент до истечения сроков полномочий, не была осуществлена полноценная процедура, связанная со скреплением акта императора советом министров и последующим обнародованием правительствующим сенатом, что означало нарушение контрасигнатуры. Претензии были и к самому содержанию изданного Манифеста о роспуске Государственной думы первого созыва, то есть связывались с юридическим оформлением документа, а именно с отсутствием даты для проведения выборов в новый состав законодательного органа. Еще одно из нарушений правовед видел в невозможности народным представительством реализовать свое право рассмотрения бюджета, что означало неспособность правительства собрать налоги с населения. Несвоевременно осуществленный бюджетный вопрос влек очевидные последствия в виде допустимости правительством нести расходы по своему усмотрению, что также нарушало права всех граждан. Однако нет уверенности в правильности довода Ф.Ф. Кокошкина: «Никто бюджетного права Думу не лишал. Просто в нее не успели внести смету доходов и расходов» [6, с. 226]. При этом и логика в словах Ф.Ф. Кокошкина имела, для него было важно само «общественное признание (или непризнание) права власти собирать налоги, помимо воли депутатов» [6, с. 226].

Ф.Ф. Кокошкин неоднократно высказывался о намерении введения в России основных принципов правового государства, где полноценно защищаются интересы всех граждан, каждый подчиняется закону, и отдельные слои рабочего населения могут развиваться. Правовед говорил: «Мы хотели сделать Россию страной сильной и могущественной единством внутренней организации, которое совместимо с разнообразием местных условий, с разными особенностями всех народностей, ее населяющих. В этом мы сходились все, независимо от общественного положения и национальности»⁸. Несмотря на определенное «разочарование во власти» среди представителей Первой Думы [7, с. 72], несомненно, у Ф.Ф. Кокошкина было беспокой-

⁶ Выборгский процесс: иллюстрированное издание. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1908. С. 43.

⁷ Кокошкин Ф.Ф. Роспуск Государственной думы с юридической точки зрения // Русские ведомости. 1906. № 208.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5839. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3.

ство за судьбу государства, что является отражением истинного патриотизма. Оправдывая свои действия на судебном процессе, правовед вновь ссылаясь на незаконность изданного Манифеста о роспуске Государственной думы первого созыва и говорил о цели защиты конституции, допустимости борьбы, указывая на ее «соответствие духу конституционного строя»⁹. Нельзя не отметить, что И.И. Петрункевич во время процесса обращал внимание на тот факт, что до Выборгского воззвания были и более радикальные обращения к народу [8, с. 134]. Однако его доводы суд не учел. При этом Ф.Ф. Кокошкин, отстаивая собственную позицию, готов был пойти на жертвы, лишь бы страна встала на путь мирного развития.

3. Последствия

Подписантов воззвания не просто привлекли к уголовной ответственности, но и осудили на трехмесячный тюремный срок¹⁰. На обвинительный приговор подавалась кассационная жалоба¹¹, однако, оснований для его отмены не нашлось. В результате кадетская партия лишилась своих политических лидеров и потенциальных народных представителей в парламенте.

29 января 1908 г. в Московском дворянском собрании обсуждалось исключение Ф.Ф. Кокошкина из состава московского дворянства. Отдельные дворяне защищали правоведа и отмечали, что обвинительный приговор не вступил в законную силу, пассивное сопротивление не является порочащим обстоятельством, и двойное наказание не должно применяться. В противовес звучали мнения о государственной измене и бесчестности действий. После проведения закрытого голосования «большинством 260 голосов против 92 решило исключить Ф.Ф. Кокошкина из Московского дворянского собрания»¹².

⁹ Выборгский процесс. С. 43.

¹⁰ Классон В.Н. Депутаты 1-й Думы под судом. Дело о Выборгском воззвании по обвинению потомственных дворян Сергея Муромцева, князя Петра Долгорукова, Николая Гредескула, князя Дмитрия Шаховского и др., обвиняемых в преступлении, предусмотренном 51 и 3 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож. / сост. В.Н. Классон. СПб., 1908. С. 140.

¹¹ ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 12.

¹² Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашиных, 1997. С. 279.

Относительно осуждения собственных действий по подписанию Выборгского воззвания Московским дворянским собранием еще до исключения из состава Ф.Ф. Кокошкин писал следующее: «Право политического суда надо мною я за дворянским собранием не признаю. Я был избран в Государственную думу не дворянством, а гражданами города Москвы, и в отношении политической оценки всех моих действий, связанных с этим избранием, преклоняюсь только перед судом моих избирателей и всего русского общественного мнения»¹³. Правовед имел собственное представление о чести и считал свой поступок правильным, поскольку отстаивал интересы всего населения России.

Приговор по делу о выборгском воззвании был приведен в исполнение 13 мая 1908 г. Отбывали депутаты наказание по месту жительства, Ф.Ф. Кокошкин был отправлен в Таганскую тюрьму. Учитывая слабое здоровье бывшего депутата и плохие тюремные условия, имелся риск ухудшения самочувствия и развития различных болезней, к которым он был склонен. Однако Ф.Ф. Кокошкин стойко перенес все тяготы и лишения, используя время для саморазвития. Правовед занимался гимнастикой, изучал и освоил английский и финский языки по учебникам.

Помимо тюремного заключения Ф.Ф. Кокошкин был пожизненно лишен права избираться и быть избранным в Государственную думу Российской империи, что закреплялось на законодательном уровне. В Положении о выборах в Государственную думу Российской империи перечислялись субъекты, не имеющие избирательных прав. Правовед стал подпадать под положения пункта а) статьи 7, согласно которым в случае назначения уголовного наказания в виде лишения свободы лицо не участвовало в выборах¹⁴. Вплоть до Февральской революции правовед продолжал присутствовать на собраниях ЦК Партии народной свободы, но не мог заниматься законотворчеством напрямую. Изменения произошли после Февральской революции, ко-

¹³ Кокошкин Ф.Ф. По поводу постановления Московского дворянского собрания // Новь. 1906. № 3.

¹⁴ Высочайше утвержденное 6 августа 1905 года положение о выборах в Государственную думу с дополнительными к нему узаконениями. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1906.

гда Ф.Ф. Кокошкина привлекли к деятельности в Юридическом совещании.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- причиной обращения к народу был не только имеющийся конфликт между парламентом и правительством, но и обязанности, существующие перед всеми гражданами;
- роспуск Государственной думы первого созыва спровоцировал Выборгское воззвание;
- протестов со стороны населения не произошло, и Выборгское воззвание по своей сути не привело к изначально ожидаемым результатам;
- Ф.Ф. Кокошкин был одним из главных инициаторов публичного обращения к народу;
- последствия Выборгского воззвания для Ф.Ф. Кокошкина были, преимущественно, негативными, среди которых следует отметить лишение всех избирательных прав.

Заключение

Выборгское воззвание для Ф.Ф. Кокошкина стало одним из самых ключевых событий в его общественно-политической жизни. Придерживаясь либеральных взглядов, правовед не мог поступить иначе. Несмотря на негативные последствия для Ф.Ф. Кокошкина, выразившиеся в отстранении от участия в открытой законодательной деятельности и в отсутствии ответной реакции от населения, а также в исключении из состава Московского дворянского собрания, значение Выборгского воззвания неоспоримо. Оно осталось в истории не только как выражение недовольства собственной отставкой отдельной группы депутатов, но имело и положительные результаты. Обращение к народу являлось фактически беспрецедентным опытом и заложило необходимую основу для проведения гражданских инициатив в будущем.

Список источников

1. Матюхин А.В. Российские либералы и думский парламентаризм начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 182-190. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.1.51758>, <https://elibrary.ru/pevzxx>
2. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 345 с. <https://elibrary.ru/xscubw>
3. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк / предисл. Н.А. Нарочницкой. М.: Центрполиграф, 2021. 719 с.
4. Колотова А.С. «Выборгское воззвание» и конституционно-демократическая партия // Наука в современном мире: материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск: Науч.-изд. центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2015. С. 121-125. <https://elibrary.ru/xsmihv>
5. Русс М.Д. Роль и место партии конституционных демократов в общественно-политической жизни Российской империи в 1905–1917 гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. Хабаровск, 2022. № 1. С. 3-8. <https://elibrary.ru/bihytm>
6. Соловьев К.А. Выборгское воззвание. Теория пассивного сопротивления // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2020. Ч. 1. С. 224-235. <https://elibrary.ru/otgcbg>
7. Селунская Н.Б. Образы «русского избирателя» и «народных избранников» в дискурсивных практиках начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 2. С. 57-74. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-57-74>, <https://elibrary.ru/tcnzmt>
8. Упоров И.В. Особенности российского уголовно-политического судопроизводства в начале XX века (на примере Выборгского дела) // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 9 (21). С. 128-137. <https://elibrary.ru/sbtlvr>

References

1. Matyukhin A.V. (2022). Russian Liberals and Duma Parliamentarism the beginning of the 20th century. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, no. 1, pp. 182-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.1.51758>, <https://elibrary.ru/pevzxz>
2. Solov'ev K.A. (2019). *Samoderzhavie i konstitutsiya. Politicheskaya povsednevnost' v 1906–1917 godakh* [Autocracy and the Constitution. Political Daily Life in 1906–1917]. Moscow, New Literary Observer Publ., 345 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xscubw>
3. Smirnov A.F. (2021). *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoi ocherk* [State Duma of the Russian Empire 1906–1917: Historical and Legal Essay]. Moscow, Centerpolygraph Publ., 719 p. (In Russ.)
4. Kolotova A.S. (2015). «Vyborgskoe vozzvanie» i konstitutsionno-demokraticeskaya partiya [“Vyborg Manifesto” and the Constitutional Democratic Party]. *Materialy Mezhdunarodnoi (zaочноi) nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauka v sovremennom mire»* [Proceedings of the International (Correspondence) Scientific and Practical Conference “Science in the Modern World”]. Neftekamsk, Scientific Publishing Center “World of Science” (SP Vostretsov Alexander Ilyich), pp. 121-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsmihv>
5. Russ M.D. (2022). Rol' i mesto partii konstitutsionnykh demokratov v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossiiskoi imperii v 1905–1917 gg. [The role and place of the Party of Constitutional Democrats in the socio-political life of the Russian Empire in 1905–1917]. *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'* [The Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity]. Khabarovsk, no 1, pp. 3-8. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bihytm>
6. Solov'ev K.A. (2020). Vyborgskoe vozzvanie. Teoriya passivnogo soprotivleniya. *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Tavricheskie chteniya 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'»: in 2 ch.* [Collection of Scientific Works of International Scientific Conference “Tauride Readings 2019. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity”: in 2 pts]. St. Petersburg, Scientific and Information Technologies Center “Asterion”, pt 1, pp. 224-235. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otgcbg>
7. Selunskaya N.B. (2023). The images of “Russian voter” and “People’s deputies” in the discursive practices of the early twentieth century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya = Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 2, pp. 57-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-57-74>, <https://elibrary.ru/tcnzmt>
8. Uporov I.V. (2022). Features of the Russian criminal and political legal proceedings in the beginning of the 20th century (by the example of the Vyborg case). *Teoriya prava i mezhgosudarstvennykh otnoshenii = Theory of Law and Interstate Relations*, vol. 2, no. 9 (21), pp. 128-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sbtlvr>

Поступила в редакцию / Received 03.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-225-332>

Шифр научной специальности 5.1.1

Конституционализм и бюджетирование государственных фондов: генезис и нормативная правовая корреляция

© РЕЗЮК Вадим Иванович,

исследователь в области юридических наук (Республика Беларусь), доцент кафедры гуманитарных наук международного факультета, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Российская Федерация, 117513, г. Москва, ул. Островитянова, 1, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7141>, rezyuk.vi@gmail.com

Аннотация

Рассмотрен конституционализм и бюджетирование государственных фондов, их генезис и нормативная правовая корреляция. Отмечена необходимость дополнительного осмысления ряда догм и выводов, выявления коррелят и оценки новых закономерностей, касающихся указанных механизмов и имеющих значение для теории государства и права, последующей практики. В контексте внимания к конституционализму и бюджетированию государственных фондов и их генезису констатированы: общие условия формирования конституционализма и бюджетирования; вариативность хронологической последовательности развития конституционализма и бюджетирования, соответствующих этому знаковых решений и достижений; наряду с предбюджетным и бюджетным периодами, обоснованность выделения предконституционного и конституционного периодов. В контексте внимания к конституционализму и бюджетированию государственных фондов и их нормативной правовой корреляции констатирована: взаимная связь норм конституционного и бюджетного законодательств; вариативность хронологической последовательности конституционно-правовых и бюджетно-правовых решений при соблюдении принципа верховенства норм конституции (конституционных актов); заметная релевантность понятия «бюджет» и его производных в конституционных нормативных правовых актах и ее повышение на современном этапе развития.

Ключевые слова

теория государства и права, государство, право, общество, человек, конституция, конституционализм, предконституционный период, конституционный период, бюджет, бюджетирование, предбюджетный период, бюджетный период, государственные фонды, бюджетные средства

Для цитирования

Резюк В.И. Конституционализм и бюджетирование государственных фондов: генезис и нормативная правовая корреляция // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 225-332. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-225-332>

Constitutionalism and budgeting of public funds: genesis and normative legal correlation

© Vadim I. REZYUK,

Researcher in the Sphere of Legal Sciences (Republic of Belarus), Associate Professor of Humanities Department of International Faculty, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 1 Ostrovityanova St., Moscow, 117513, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6188-7141>, rezyuk.vi@gmail.com

Abstract

Constitutionalism and budgeting of state funds, their genesis and normative legal correlation are considered. The need for additional understanding of a number of dogmas and conclusions, identification of correlates and assessment of new patterns relating to these mechanisms, and those that are important for the theory of state and law, and subsequent practice, is noted. In the context of attention to constitutionalism and budgeting of public funds and their genesis, the following are stated: general conditions for the formation of constitutionalism and budgeting; variability in the chronological sequence of development of constitutionalism and budgeting, corresponding significant decisions and achievements; along with the pre-budget and budget periods, the validity of distinguishing the pre-constitutional and constitutional periods. In the context of attention to constitutionalism and budgeting of public funds and their normative legal correlation, the following is stated: the mutual connection between the norms of constitutional and budget legislation; variability in the chronological sequence of constitutional-legal and budgetary-legal decisions while observing the principle of the supremacy of constitutional norms (constitutional acts); the noticeable relevance of the concept of “budget” and its derivatives in constitutional normative legal acts and its increase at the present stage of development.

Keywords

theory of state and law, state, law, society, human, constitution, constitutionalism, pre-constitutional period, constitutional period, budget, budgeting, pre-budget period, budget period, state funds, budget funds

For citation

Rezyuk, V.I. (2024). Constitutionalism and budgeting of public funds: genesis and normative legal correlation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 225-332 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-225-332>

Введение

Ряд актуальных проблем современного мира показывает необходимость дополнительного осмысления ряда догм и выводов, выявления коррелят и оценки новых закономерностей, касающихся отдельных механизмов и имеющих значение как для теории государства и права, так и для общей и отраслевой практики. Соответствующее может быть сформировано и как возможное находится в исторической ретроспективе, в настоящем, в том числе проявляя свой потенциал в перспективе.

Конституционализм и бюджетирование государственных фондов стали обязательными элементами развития современного государства в условиях вариативности формирования и путей внедрения и совершенствования отдельных решений. В условиях гло-

бальных и национальных, общих и локальных проблем и вызовов актуализировано внимание к их природе и истокам, а сопровождающее развитие конституционализма и бюджетирования государственных фондов юридическое обеспечение обозначило внимание к средствам нормативного правового регулирования. При этом выделенные факторы влияния и воздействия, тенденции могут иметь общий для обозначенных институтов характер. Указанное обуславливает интерес к конституционализму и бюджетированию государственных фондов, их генезису и нормативной правовой корреляции с точки зрения теории и истории государства и права, не отвергая соответствующие отраслевые пропозиции.

В теории права, несомненно, четко обозначена роль конституционного права, соответствующих институтов, его основопола-

гающее место в системе нормативного правового регулирования. При этом положение бюджетного права, в целом, не выделяется как уникальное (если не учитывать характерные отраслевые особенности). Независимо от критичности по отношению к такому выводу, если выделить развитие соответствующих процессов, связанных с основным нормативным правовым актом и управлением финансовыми ресурсами государства, можно увидеть особую связь, корреляцию конституционализма и бюджетирования.

В свою очередь, если обратить внимание на условия (геополитические и др.) появления конституций и бюджетов, то, наряду с иным, выделяется следующее.

1. Кризис социально-экономического развития.

В течение значительной части периода, охватывающего эпоху Античности, Средневековья и даже Нового времени, структура общества была достаточно стабильной, его благосостояние изменялись незначительно, разномысленно или не изменялись совсем. Это особенно четко проявляется, если оценить значение ВВП на душу населения, одного из основных в настоящее время показателей для оценки экономики, ее возможностей и благосостояния в обществе. Например, во Франции значение подушевого ВВП в начале II тысячелетия было ниже значения аналогичного показателя в начале I тысячелетия. Во многих странах с течением времени выделенный экономический показатель в течение столетий или одного из них даже нередко снижался¹. Фактически мир находился в состоянии перманентного «застоя» (своих экономических и иных возможностей) в условиях непрекращающегося накопления человеком опыта и знаний, усугубляемого войнами, конфликтами, иными потрясениями.

2. Формирование новой системы взаимоотношений между человеком, обществом и государством.

В период XIV–XIX веков, особенно до XVIII века, происходила централизация государств. Несмотря на разные темпы этого глобального процесса, статус государства как субъекта отношений повышался, при этом

происходило это на фоне стремительного отхода от монархической формы правления к республиканской и других системных изменений. В таких условиях не могли не появляться новые проблемы [1, с. 22–23; 2, с. 56] и не формироваться новые принципы взаимодействия между государством, обществом и человеком.

Указанные проблемы вылились в следующие события, происходившие в разных странах и не всегда очевидно и непосредственно связанные, в частности:

1) революция в Англии в 1640–1660 гг. [3, с. 437–443] (произошел переход от монархии к республике – важное событие, несмотря на последующее восстановление монархии);

2) революция во Франции в 1789–1794 г. [3, с. 456–466] (положено начало новой социальной и государственной формации, была основана Первая французская республика);

3) реформы в России (в конце XVI – начале XVII века предпринимались попытки вывести общество и государство из глубокого политического и экономического кризиса, а в начале XVIII века Петр I успешно осуществил ряд реформ, кардинально изменивших российское общество [4, с. 92–157]).

Представляется, что конституционализму и бюджетированию способствовали весьма близкие явления и процессы или, нередко и во многом, одни и те же.

Переход к конституционализму, как и переход к бюджетированию государственных фондов имел революционный характер, несмотря на достаточно длительное время формирования и накопления опыта, наличие ретроспективных предпосылок: трансформации за время перехода к конституционализму и бюджетированию заметно значительнее изменений в течение предшествующих этому многовековому и даже тысячелетнему накоплению опыта и соответствующих предпосылок и исторических преобразований.

Формально началом мирового конституционализма можно считать XVIII век. Выделяются революционные решения: Статьи Конфедерации и вечного Союза (1777 г., 1781 г.), Конституция Вирджинии (1777 г.), Конституция США (1787 г.), Конституция Речи Посполитой (1791 г.), Конституция Франции (1791 г.) и др.

¹ Essays in Macro-Economic History. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2007. P. 382.

Целями одного из указанных конституционных актов 1787 г. были закреплены:

- 1) обеспечение лучшей кооперации между субъектами федерации – штатами;
- 2) гарантия справедливости и общественного порядка;
- 3) обеспечение защиты от внешних врагов;
- 4) защита свобод как в настоящем, так и будущем;
- 5) обеспечение процветания всего населения².

Указанные цели (кооперация между штатами, обеспечение процветания населения и др.) обусловили финансовый характер взаимоотношений и консолидацию соответствующих усилений. Их достижение непосредственно касалось социально-экономических основ и обращения к эффективной методике управления финансовыми ресурсами государства.

На фоне обособления государства как субъекта, снижения или утраты связи монарха с государством формировался институт государственных фондов (вместо фондов правителя). Процесс формирования новых состояний касался и политических институтов общества, и затрагивающих материальные основы его функционирования.

Так, М. Де Бетюн, возглавлявший правительство при Короле Франции Генрихе IV Великом (1553–1610), реализовал реформы, с которыми был связан последующий экономический рост [5, с. 54]. Вводились принципы управления государственными фондами: планирование доходов и расходов, отчетность.

В 1710 г. был составлен первый бюджет России³. В дальнейшем институт государственного бюджета стремительно развивался: расширялись статьи расходов и доходов, проявлялся социальный характер бюджетирования [6, с. 102-105; 7, с. 44-47]. Развитие государства и развитие финансовых систем, бюджетов стали связанными и коррелирующими процессами. Сопровождалось это повышением субъектности государства, вплоть

до полного доминирования в предполагающих плюрализм плоскостях, а также роли бюджета в функционировании социально-экономической и иных систем государства.

Бюджетирование государственных фондов государства не следует ассоциировать исключительно с принятием закона о соответствующем бюджете на очередной год (или иной период). Бюджетирование государственных фондов (бюджетирование государственных доходов и расходов) – это особая форма взаимоотношений государства, общества и граждан, которая построена на перераспределении соответствующих финансовых ресурсов [8, с. 152-154].

Признаками бюджетирования государственных фондов являются:

1) связь с финансовыми ресурсами государства (бюджетирование касается формирования и распределения особых денежных фондов, принадлежащих государству (бюджетных средств));

2) связь с государством (бюджетирование осуществляется уполномоченными государством отдельными субъектами (государственными органами или иными уполномоченными) в интересах государства, общества и человека);

3) плановый характер (бюджетирование осуществляется на основании разработанного плана с целью удовлетворения нужд государства, а также общества и человека);

4) процессуальная/процедурная деятельность (бюджетирование предполагает упорядоченную деятельность отдельных субъектов) [8, с. 152-155].

В вопросе управления финансовыми ресурсами государства, в целом, логично выделяется предбюджетный и бюджетный периоды [9, с. 128-133]. Подобный подход позволяет констатировать наличие уникального состояния системы управления соответствующими ресурсами, оценить и усовершенствовать его методологию, выделить эталоны (например, «идеальный бюджет» [10, с. 15, 20-21]), решить отдельные вопросы теории, а также практики.

При этом соответствующие бюджетированию процессы и явления являются связанными с конституционализмом.

Учитывая перечисленные факторы, представляется обоснованным выделение следую-

² Конституция США. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnstUS.htm> (дата обращения: 29.12.2023).

³ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 123-142.

ших периодов в контексте развития конституционализма:

- 1) предконституционный период;
- 2) конституционный период.

Указанная классификация позволит, наряду с иным, более точно оценивать состояние конституционализма и связанного с ним (конституционных актов, реформ и др.), решать соответствующие актуальные проблемы и отвечать на новые вызовы.

Как показывает исторический опыт, хронологическая последовательность частичного или полного перехода к конституции и бюджету могла быть различной.

Так, в Англии революция XVII века стала началом существенных изменений в государстве и обществе, полного перехода к бюджетированию государственных фондов, однако, в течение последующих столетий непосредственно конституционный акт (конституция) принят не был.

Пример несколько иной последовательности: после Октябрьской революции 1917 г. 3 февраля 1919 г. была принята Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссия, а в 1921 г. был составлен первый бюджет республики [11, с. 51].

Нормативная правовая корреляция между конституционализмом и бюджетированием проявляется не только на стадии зарождения новых систем и институтов, но и в ходе важных для государства и общества реформ, при принятии соответствующих конституционно-правовых и бюджетно-правовых решений.

В 1809 г. М.М. Сперанским был разработан «План финансов», а в 1832 г. был составлен «Свод законов Российской империи» (включал «Свод основных государственных законов»), являвшийся прообразом конституции. Манифестом от 31 января 1833 г. Свод законов был объявлен действующим источником права с 1835 г. и в его структуру, наряду с иным, вошли положения, касающиеся государственных финансов:

- 1) Свод уставов о повинностях;
- 2) Свод уставов о пошлинах;
- 3) Свод уставов счетных⁴.

⁴ Свод законов Российской империи: в 17 т. М., 2023 // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru (дата обращения: 29.12.2023).

Соответствующие корреляты в действующих нормативных правовых актах проявляются особенно, став характерными для современного этапа развития.

В части 1 статьи 1 Конституции РФ установлено, что Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. В главе 3 раздела I закреплено и детализировано федеративное устройство государства, в главе 8 раздела I – местное самоуправление⁵. Аналогичную (государственному устройству с учетом местного самоуправления и функционирования муниципальных субъектов) систему имеет бюджетная система. В части 1 статьи 9 Бюджетного кодекса РФ установлены ее элементы: федеральный бюджет, бюджеты субъектов, местные бюджеты, в частности⁶.

В статье 1 и статье 9 Конституции Республика Беларусь закреплено, что республика является унитарным демократическим социальным правовым государством, определено административно-территориальное устройство (деление на области, районы, города и др.)⁷. Согласно статье 6 Бюджетного кодекса Республики Беларусь, в республике принимаются республиканский и местные бюджеты (областные и г. Минска, районные и городские и др.)⁸.

И в целом, определяемая в динамике своего развития устойчивая связь (не просто в силу иерархичного характера) между конституционным правом и важной частью финансового права, непосредственно конституцио-

⁵ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ: принят Гос. Думой 17.07.1998: одобр. Сов. Фед. 17.07.1998: в ред. Федерального закона от 25.12.2023. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁷ Конституция Республики Беларусь 15.03.1994 № 2875-ХП (с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме 24.11.1996, в ред. Решения Респ. референдума от 17.10.2004 № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 188. 1/6032.

⁸ Бюджетный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь 16.07.2008 № 412-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.12.2023 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2024.

нализмом и бюджетированием коррелирует с закрепившейся основой функционирования общества, реформированного индустриальной революцией и другими процессами и трендами Нового и Новейшего времени (проникновением марксистских идей [12, с. 3-4], теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [13] и др.).

С учетом этого, логично и ожидаемо, что реформирование конституционных основ и изменения соответствующих актов часто отражаются в актах бюджетного законодательства. И наоборот – развитие бюджетирования государственных фондов может обусловить изменения в нормативных правовых актах конституционного законодательства. После реформирования системы финансирования обязательств по социальному обеспечению и создания соответствующих внебюджетных фондов, последующего и четкого обозначения их государственного характера [14, с. 173-176] это отразилось в основных законах государства. В части 1 статьи 9 Бюджетного кодекса РФ были закреплены не только такие бюджеты бюджетной системы, как федеральный бюджет, бюджеты субъектов, местные бюджеты, но и бюджеты государственных и территориальных (субъектов) внебюджетных фондов⁹. Изменения бюджетного законодательства подобным образом могут изменять смысл и содержание конституционных норм.

В целом, в настоящее время нормативные правовые акты бюджетного законодательства опираются на конституцию как основу законодательства, в свою очередь, понятие «бюджет» и его производные стали релевантными понятиями в конституционных актах.

Например, в абзаце 1 пункта «з» статьи 71 Конституции РФ выделен «федеральный бюджет» (как предмет ведения федерации), в части 1 статьи 132 – «местный бюджет»¹⁰.

⁹ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ: принят Гос. Думой 17.07.1998: одобр. Сов. Фед. 17.07.1998: в ред. Федерального закона от 25.12.2023. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Показательно, что подобная форма нормативной правовой корреляции не характерна для начального этапа (формирования и развития) конституционализма и бюджетирования.

На фоне событий начала XXI века В.В. Гамукин рассмотрел феномен бюджетных рисков, сложившихся в системе государственного управления, и отметил не только зависимость от политической конъюнктуры среди них, но и реальное функционирование в таких условиях [10, с. 15-16]. Если учесть политическое значение конституционных актов и институтов, то, таким образом, можем быть дана еще одна оценка генезису и нормативной правовой корреляции конституционализма и бюджетирования государственных фондов.

Внимание к конституционализму и бюджетированию государственных фондов, интерес к их генезису и нормативной правовой корреляции с точки зрения истории и теории государства и права позволили проявить некоторые особенности, имеющие потенциал использования в теории и практике, создать основу для выводов, актуализирующих дискуссию.

Заключение

Таким образом, внимание к конституционализму и бюджетированию государственных фондов, их генезису и нормативной правовой корреляции позволяет дополнительно осмыслить ряд догм и выводов, выявить корреляты и оценить новые закономерности, касающиеся указанных механизмов и имеющие значение для теории государства и права, отраслевых областей знаний, практики.

Внимание к конституционализму и бюджетированию государственных фондов и их генезису позволяет констатировать следующее: во-первых, общие условия формирования конституционализма и бюджетирования; во-вторых, вариативность хронологической последовательности развития конституционализма и бюджетирования, соответствующих этому знаковых решений и достижений; в-третьих, наряду с предбюджетным и бюджетным периодами, обоснованность выделения предконституционного и конституционного периодов.

Внимание к конституционализму и бюджетированию государственных фондов и их

нормативной правовой корреляции позволяет констатировать следующее: во-первых, взаимную связь норм конституционного и бюджетного законодательства; во-вторых, вариативность хронологической последовательности конституционно-правовых и бюджетно-правовых решений при соблюдении принципа верховенства норм конституции (конституционных актов); в-третьих, заметную релевантность понятия «бюджет» и его производных в конституционных нормативных правовых актах и ее повышение на современном этапе развития.

Перечисленное имеет потенциал использования для укрепления основ решения глобальных и национальных, общих и локальных проблем и вызовов разнообразного характера (непосредственно связанных с государственным управлением и регулированием, целевым использованием и хищениями бюджетных средств и др.). Значимо и уточнение понятийного и методологического аппарата юридической науки, непосредственно теории государства и права в вопросах конституционализма, бюджетирования государственных фондов.

Список источников

1. Гилинский Я.И. Криминология в девиантология постмодерна. СПб.: Алетея, 2024. 242 с.
2. Шиенок В.П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. 238 с.
3. Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 811 с.
4. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 1997. 544 с.
5. Лушикова М.В., Лушиников А.М. Российская школа финансового права: портреты на фоне времени. Ярославль, 2013. 639 с. <https://elibrary.ru/rxzqqh>
6. Резюк В.И. Историко-правовой аспект исследования государственных расходов в России в период XVII – начало XX века // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако (к 175-летию Ф.Н. Плевако): материалы Междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. Т. 1. С. 102-106. <https://elibrary.ru/yjgqqc>
7. Резюк В.И. Историко-правовой аспект исследования государственных доходов России в период XVII – начало XX века // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. Т. 1. С. 44-48. <https://elibrary.ru/ozpmqy>
8. Резюк В.И. Бюджетирование государственных доходов и расходов как средство реализации конституционных норм в контексте взаимной обусловленности // Конституционные принципы нормотворческой деятельности и правоприменения в Беларуси: сб. материалов круглого стола / редкол.: Г.А. Василевич и др. Минск: БГУ, 2018. С. 151-157.
9. Резюк В.И. Бюджет: генезис понятийного аппарата и юридического содержания // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя № 2 Гісторыя. Эканоміка. Права. 2017. № 1. С. 127-135.
10. Гамукин В.В. Бюджетные риски и бюджетные ошибки // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 12 (246). С. 15-24. <https://elibrary.ru/tmivwh>
11. Гиоргидзе З.И., Зонтов Е.Г., Пчелин П.Я. и др. Очерки развития финансов и кредита в Белоруссии / под общ. ред. Л.А. Рубанова, З.И. Гиоргидзе. Минск: Вышэйшая школа, 1970. 208 с.
12. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4 (148). С. 3-9. <https://elibrary.ru/ldlrzh>
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
14. Резюк В.И. Предмет регулирования в теории бюджетного права и бюджетном законодательстве Республики Беларусь: унификация понятий // Вестнік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя № 2 Гісторыя. Эканоміка. Права. 2017. № 2. С. 171-178.

References

1. Gilinskii Ya.I. (2024). *Kriminologiya v deviantologiya postmoderna* [Criminology in Postmodern Devian-tology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 242 p. (In Russ.)
2. Shienok V.P. (2017). *Ocherki gumanisticheskoi metodologii natsional'noi yurisprudentsii* [Essays on the Huma-nistic Methodology of National Jurisprudence]. Minsk, International University "MITSO" Publ., 238 p. (In Russ.)

3. Prudnikov M.N. (2013). *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of State and Law of Foreign Countries]. Moscow, Urait Publ., 811 p. (In Russ.)
4. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. (1997). *Istoriya Rossii* [History of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 544 p. (In Russ.)
5. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. (2013). *Rossiiskaya shkola finansovogo prava: portrety na fone vremeni* [Russian School of Financial Law: Portraits Against the Background of Time]. Yaroslavl, 639 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rxzqqh>
6. Rezyuk V.I. (2017). Istoriko-pravovoi aspekt issledovaniya gosudarstvennykh raskhodov v Rossii v period XVII – nachalo XX veka [Historical and legal aspect of the study of public expenditures in Russia during the period of the 17th – early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako (k 175-letiyu F.N. Plevako)»: v 2 t.* [Proceedings of the International Scientific Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako (to the 175th Anniversary of F.N. Plevako)”]: in 2 vols.]. Tambov: Print-Servis Publ., vol. 1, pp. 102-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjgqqc>
7. Rezyuk V.I. (2020). Istoriko-pravovoi aspekt issledovaniya gosudarstvennykh dokhodov Rossii v period XVII – nachalo XX veka [Historical and legal aspect of the study of state revenues in Russia during the period of the 17th – early 20th centuries]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako»: v 2 t.* [Proceedings of the 4th International Scientific Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, vol. 1, pp. 44-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ozpmqy>
8. Rezyuk V.I. (2018). Byudzhetrovanie gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov kak sredstvo realizatsii konstitutsionnykh norm v kontekste vzaimnoi obuslovlennosti [Budgeting of state revenues and expenses as a means of implementing constitutional norms in the context of mutual conditionality]. *Konstitutsionnye printsipy normotvorcheskoi deyatel'nosti i pravoprimereniya v Belarusi: sbornik materialov kruglogo stola* [Constitutional Principles of Rule-Making and Law Enforcement in Belarus: A Collection of Materials from the Round Table]. Minsk, BSU Publ., pp. 151-157. (In Russ.)
9. Rezyuk V.I. (2017). Byudzhet: genezis ponyatiinogo apparata i yuridicheskogo soderzhaniya [Budget: genesis of the conceptual apparatus and legal content]. *Vestnik Brestskago universitehta. Seriya № 2 Gistoryya. Ekonomika. Prava*, no. 1, pp. 127-135. (In Russ.)
10. Gamukin V.V. (2015). Budgetary risks and budgetary errors. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, no. 12 (246), pp. 15-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmivwh>
11. Giorgidze Z.I., Zontov E.G., Pchelin P.Ya. et al. (1970). *Ocherki razvitiya finansov i kredita v Belorussii* [Essays on the Development of Finance and Credit in Belarus]. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 208 p. (In Russ.)
12. Tikhomirov Yu.A. (2009). Ehffektivnost' zakona: ot tseli k rezul'tatu [The effectiveness of the law: from goal to result]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 4 (148), pp. 3-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ldlrzh>
13. Berger P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 323 p. (In Russ.)
14. Rezyuk V.I. (2017). Predmet regulirovaniya v teorii byudzhetnogo prava i byudzhetnom zakonodatel'stve Respubliki Belarus': unifikatsiya ponyatii [Subject of regulation in the theory of budget law and budget legislation of the Republic of Belarus: unification of concepts]. *Vestnik Brestskago universitehta. Seriya № 2 Gistoryya. Ekonomika. Prava*, no. 2, pp. 171-178. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 05.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 10.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.153

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-233-239>

Шифр научной специальности 5.1.1

Значение компаративистских исследований средневекового государства и права славянских народов в трудах В.И. Ермоловича для юридической славистики

© СЕРЕГИН Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36; доцент кафедры частного права, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский просп., 99, andrei-seregin@rambler.ru

Аннотация

Рассмотрены компаративистские исследования древнеславянского права, проведенные белорусским ученым, специалистом в области истории государства и законодательства средневекового периода – В.И. Ермоловичем. Обоснована важность анализа малоазийской теории возникновения юридической, этнической и государственной праистории сербского народа, актуализированной данным исследователем. Подтверждена роль рецепции римского права в развитии гражданских правоотношений архаических державы Неманичей, Рюриковичей, королевств Чехи и Польши, Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского и других средневековых славянских государств. Доказана важность научных открытий В.И. Ермоловича об использовании конструкции юридического лица и договора банковского вклада в древнеславянских законодательствах. Сформирована точка зрения на градацию видов феодальной собственности в славянских землях: так, наряду с государственной, общинной и частной феодальной собственностью проанализирована *задружная* собственность. Специально изучены *коллеганцы* – торговые союзы купцов далматинского побережья как прообразы будущих акционерных компаний. Сделан вывод, что В.И. Ермолович внес не только значительный вклад в изучение историко-правовых проблем юридической славистики и медиевистики, но и обозначил вектор будущих исследований генезиса государственности и правовой системы славянских народов.

Ключевые слова

юридическая компаративистика, древнеславянские государства, древнеславянское право, средневековое право Сербии, юридическая славистика, феодализм, задруга, гражданское право, юридическое лицо, рецепция права, римское право

Для цитирования

Серегин А.В. Значение компаративистских исследований средневекового государства и права славянских народов в трудах В.И. Ермоловича для юридической славистики // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 233-239. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-233-239>

The significance of comparative studies of the medieval state and law of Slavic peoples in V.I. Ermolovich's works for legal Slavic studies

© Andrei V. SEREGIN,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Streymyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; Associate Professor of Private Law Department, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation, andrei-seregin@rambler.ru

Abstract

Comparative studies of ancient Slavic law conducted by a Belarusian scientist, a specialist in the field of state history and legislation of the Middle Ages, V.I. Ermolovich, are considered. The importance of analyzing the Asia Minor theory of the emergence of the legal, ethnic and state prehistory of the Serbian people, updated by this researcher, is substantiated. The role of the reception of Roman law in the development of civil relations between the archaic powers of the Nemanichs, Rurikovich, the kingdoms of the Czech Republic and Poland, the Grand Duchy of Lithuania, Russian and Zhmud and other medieval Slavic states is confirmed. The importance of V.I. Ermolovich's scientific discoveries on the use of the construction of a legal entity and a bank deposit agreement in Ancient Slavic legislation is proved. A point of view is formed on the gradation of types of feudal property in the Slavic lands: thus, along with state, communal and private feudal property, the foreign property is analyzed. The collegians – trade unions of merchants of the Dalmatian coast as prototypes of future joint-stock companies are specially studied. It is concluded that V.I. Ermolovich made not only a significant contribution to the study of historical and legal problems of legal Slavistics and Medieval studies, but also outlined the vector of future research on the genesis of statehood and the legal system of the Slavic peoples.

Keywords

legal comparative studies, Ancient Slavic states, Ancient Slavic law, medieval Serbian law, legal Slavistics, feudalism, zadruga, civil law, legal entity, reception of law, Roman law

For citation

Seregin, A.V. (2024). The significance of comparative studies of the medieval state and law of Slavic peoples in V.I. Ermolovich's works for legal Slavic studies. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 233-239 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-233-239>

Введение

В рамках историко-правовых исследований особое место занимает проблема средневековой государственности и правовой системы многочисленных славянских народов (венетов, склавин, антов, словен, сорбов, лютичей, лужичан, сербов, хорватов, полян, дреговичей, древлян и др.), расселившихся на огромных пространствах: от р. Эльбы на Западе до р. Волги на Востоке; от Балтийского моря и Карельских лесов на Севере до Балканского полуострова на Юге [1].

Юридическая наука по-прежнему оперирует гипотезами, а не доказуемыми концепциями, способными дать непротиворечивые ответы на следующие вопросы:

1) где расположена прародина славянского супер-этноса?

2) насколько древнеславянское право отличается от римского (латино-языческого), византийского (греко-христианского) и германского (варварско-романского)?

3) возможно ли вести речь о единых принципах древнеславянской правовой жизни, или логично изучать каждое славянское племя с позиции уникальности его традиций и обычаев?

4) какие особенности древнеславянской государственности отличают ее от иных политико-территориальных образований европейской «ойкумены» в VII–XVI века н. э.?

Полагаем, что разрешение вышеуказанных проблем юридической славистики невозможно без изучения трудов современного белорусского ученого В.И. Ермоловича, сумевшего комплексно применить методы юри-

дической компаративистики [2], диалектического материализма и историзма для раскрытия тайн древнеславянской государственности и системы права [3–7].

Анализируя его работы, мы использовали методы юридической герменевтики, правовой антропологии и феноменологии, юридической аналогии, допускающей насколько это возможно применять дефиниции, выработанные теоретико-правовой наукой XX – начала XXI столетий для квалификации архаических юридических институтов средневековой эпохи.

Результаты исследования

1. Происхождение древнеславянского и сербского государства и права

В поисках истоков праславянской и сербской государственности В.И. Ермолович стал сторонником малоазийской гипотезы о прародине дунайских славян. Данную позицию он аргументировал, ссылаясь на открытие в конце XX столетия Святослава Билби древних Ликийских законов, записанных на каменном столбе докирилической сербицей примерно в VIII–VI веках до н. э. [3]. Эта северо-восточная средиземноморская концепция античных корней сербской державы и правовой системы вызвала острую дискуссию в научном мире юридической славистики. Так, историк О.В. Шахин выступил непримиримым критиком вышеназванных идей В.И. Ермоловича, утверждая, что ему не удалось найти в Интернете доступ к работе С. Билби [8]. Полагаем, что полемика, опирающаяся на тезис о том, что наука есть только та реальность, которая доступна конкретному автору, весьма далека от критерия объективной истины.

Кроме того, стоит сказать, что В.И. Ермолович непосредственно изучал первоисточники сербского права в Республике Сербия, которые по-прежнему не оцифрованы и отсутствуют на просторах «Всемирной паутины». Югославские ученые в пригородах Белграда раскопали артефакты древнего сербского письма (сербице), относящиеся к V тысячелетию до н. э. [9, с. 50]. Это позволило Божида-ру Митровичу обосновать теорию сербской прародины всех славянских народов [10].

Современные историки права незаслуженно игнорируют тот факт, что, исследуя исторические труды Геродота, о родстве мидий-

ского народа и славянского племени говорил еще «отец русской науки» М.В. Ломоносов [11, с. 179]. Первый отечественный историк В.Н. Татищев, имевший доступ к сгоревшим летописям в московском пожаре 1812 г., прародину славян помещал между территориями древних Пафлагонии и Сирии [12, с. 6]. Об античной древности славян вообще и сербов в особенности на закате средневековья писал Мавро Орбини (1550–1614) [13, с. 36, 56].

Исходя из вышесказанного, можно согласиться с В.И. Ермоловичем о том, что сербская племенная идентичность стала формироваться как минимум в начале V столетия н. э. [3, с. 128], то есть на два века раньше, чем предполагалось до этого.

2. Особенности гражданского права древнеславянских государств

По мнению, В.И. Ермоловича, во всех средневековых славянских государствах происходила рецепция римского частного права, например, при использовании Кормчих книг в различных редакциях [7], что вовсе не означает отсутствия самобытных правовых институтов обычного права у сербов, хорватов, болгар, руссов, ляхов, чехов и т. д. Процессу правовой романизации благоприятствовали европейские университеты, обязательно имевшие в своем составе юридические факультеты. Первыми университетами, основанными в славянских державах, были Пражский или Карлов университет в Чехии, функционирующий с 1348 г. [14], и Краковский, или Ягеллонский университет в Польше, учрежденный в 1364 г. [15]. Примечательно, что студентами знаменитого и первого в мире Болонского университета, изучавшими юриспруденцию, были подданные Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского Альбрехт Гаштольд (1470–1539) и Ян Радзивил (1612–1655). Занимая должность канцлера в литовском государстве, А. Гаштольд непосредственно участвовал в составлении Статута ВКЛ 1529 г.¹ [5, с. 66]. Значительное влияние древнеримского права на регулирование реальных и консенсуальных договоров установлено в правовых системах всех древнеславянских наро-

¹ Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского 1529 г. // История средневекового русско-литовского права: хрестоматия: в 2 ч. М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2023. Ч. 1. С. 18–104.

дов, сумевших создать свою государственность [5, с. 262-263].

С точки зрения цивилистического анализа В.И. Ермоловича, основными формами собственности в эпоху средневековья являлись общинная форма собственности (собственность церкви, села, *верьви*, *ополья* или *вичиния*, *катуни* – общины пастухов влахов), задружная форма собственности и феодальная частная собственность [5, с. 70, 71, 101].

Общинная форма собственности, с одной стороны, была объектом налогообложения, за выполнение которого ответственность несла славянская община, пользующаяся правами внутреннего самоуправления. Так, польские *ополья* могли принимать местные постановления “*willekoery*”, а сербские поселения в Священной Римской Империи Германской нации в соответствии с «Сербским уставом 1630 г.», принятым кайзером Фердинандом II, судились собственным судом по сербским обычаям [5, с. 91, 94].

Задружная собственность южных славян, связанная с коллективным владением общим имуществом большой семьей, фактически являющейся союзом малых семей (от 10 до 19), живущих единым хозяйством, сохранялась в Сербии с древнейших времен вплоть до начала XX века [5, с. 101]. Задруга существовала не только у оседлых *меропхов (сорбов)*, но и у пастушеских сообществ под названием *влашских усадеб* [5, с. 102]. Задруга выполняла и социальную функцию по содержанию стариков, не способных трудиться, выполняя квази-пенсионные функции [16].

Относительно управления древнерусской государственной собственностью в эпоху средневековья В.И. Ермолович поддерживает мнение Б.Д. Грекова о том, что в X–XII веках княжескими землями в районе Онежского озера управлял специальный чиновник – «*домажирич*», название которого иногда ошибочно считают именем собственным [5, с. 116].

Полагаем, что восточнославянского *домажирича* можно отождествлять с франкским *майордомом*.

Феодальная частная собственность делилась на *баиштину (вотчину)*, передаваемую по наследству и освобождаемую от большинства налогов и *купленину*, приобретенную на основании договора купли-продажи. *Пронию*

(аналог древнерусских поместий) в отличие от *баиштин* выдавались за службу без права наследования [5, с. 123-128]. Анализируя различные формы древнесербского землевладения, В.И. Ермолович установил, что в XIII веке сербское общество делилось на 3 класса: *властелей* (крупных феодалов), *воинников* (средних и мелких феодалов) и *убогих* (зависимое население) [5, с. 128].

Пронию, в отличие от *баиштины*, также как псковскую *кормлю* или древнерусское *поместье* нельзя было продать [5, с. 134], то есть все эти виды владения ограничивались в гражданском обороте, так как государство было заинтересовано в том, чтобы служивое сословие не разорялось и могло по первому зову являться на государеву службу.

Новизной в исследованиях В.И. Ермоловича является то, что ему удалось доказать наличие конструкции юридического лица в древнеславянском праве [5, с. 154-175] задолго до появления капиталистических акционерных обществ во второй половине XIX века. Например, в средневековой Чехии существовал институт *недила (nedila)* [5, с. 164], по своей юридической природе близкий к обществу с ограниченной ответственностью или товариществу, а в торговых городах Далмации (Дубровнике, Задаре и Трогире) как минимум с XIII века функционировали «*коллеганцы*» [5, с. 170] – прообразы акционерных компаний Нового времени. В сравнении с итальянскими коммерческими объединениями купцов и кредиторов, распределявших прибыль следующим образом: 25 % – купцу и 75% – кредиторам; в далматинских *коллеганцах* 33 % прибыли получали кредиторы и 67 % – купец [5, с. 170]. Товарищество предпринимателей могло именоваться *роганицей* [5, с. 198].

В качестве квази-юридических лиц В.И. Ермолович называет сербские *рударские дружины (братства рудокопов)*, цеховые сотни Гродно, староства Могилева, ремесленные братства Полотска и златокузнечное цеховое объединение Новогрудка (первой столицы русско-литовского княжества) [5, с. 172].

Для обеспечения обязательств, например, возникающих из договора займа, древнеславянское право использовало институт залога, представленный двумя видами:

– *утерянным залогом*, по которому заложенное имущество переходило в собственность кредитору;

– *продающимся залогом*, состоящим в обеспечении требований кредитора из средств, полученных при продаже заложенного имущества [5, с. 213].

Наряду с вышеназванными видами залогов, В.И. Ермолович доказывает использование *ипотеки* в XIII–XIV веках в праве Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского [5, с. 214].

В Дубровнике, одном из центров адриатической и средиземноморской торговли в XV веке, широкое распространение получил *договор банковского вклада*, оформлявшийся по формуле «*на вечные времена*» под 5 % годового дохода с суммы вклада [5, с. 222].

В отношении наследственного права В.И. Ермолович подтверждает ранее распространенный вывод в исторической науке о том, что для феодалов расширялось право наследования по закону и по завещанию для дочерей, при отсутствии сыновей, а в отношении зависимого населения (древнерусских смердов или сербских отроков) применялись запреты на наследование земельных наделов женщинами и дочерьми, причем сербские государи могли волевым решением исключать сыновей отроков из числа законных наследников [5, с. 265].

Говоря о полной дееспособности физических лиц в древнесербском обществе, она, по мысли В.И. Ермоловича, постепенно снижалась: от 17 лет в XI–XII веках до 14 лет в XIV–XV веках [5, с. 261].

Заключение

Подводя итоги сказанному, следует сделать ряд выводов.

Во-первых, В.И. Ермолович внес существенный вклад в исследование древнеславянского права вообще и древнесербского права в особенности.

Во-вторых, используя сравнительно-правовой метод, он доказал общность не только древнеславянских обычаев, но и единую базу восприятия римского частного права, которое в будущем явилась основой для становления романо-германской правовой семьи, включающей в себя все современные славянские государства (Польшу, Чехию, Словакию, Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Сербию, Северную Македонию, Болгарию, Украину, Белоруссию, Приднестровскую Молдавскую Республику и Российскую Федерацию).

В-третьих, В.И. Ермоловичу удалось доказать существование конструкций юридического лица в славянских державах в эпоху средневековья.

В-четвертых, наличие договоров банковского вклада и торговых компаний («*коллеганс*») в торговых городах славянской Далмации в XIV веке свидетельствует о прогрессивном развитии гражданско-правовых отношений на территории средневековой Хорватии.

В-пятых, постановка вопроса об античных корнях древнесербской государственности и правовой системы стимулирует научный интерес к исследованию проблем современной юридической славистики.

Список источников

1. Сегин А.В., Джорджиевич А. Проблемы древнеславянского правопонимания // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 1 (49). С. 17–29. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.02>, <https://elibrary.ru/oylscq>
2. Пашенцев Д.А. Методология сравнительного правоведения: от классических традиций к постнеклассическим новациям // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 2. С. 5–13. <https://doi.org/10.61205/jzsp.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/qmrghh>
3. Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования / отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск: БГЭУ, 2007. Вып. 2. С. 127–134. <https://elibrary.ru/demorb>
4. Ермолович В.И. Государство и право Чехии IX–XVI вв. Минск: Белорус. гос. экон. ун-т, 2005. 267 с. <https://elibrary.ru/jmgheh>
5. Ермолович В.И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.). Минск: Белорус. гос. ун-т, 2021. 301 с. <https://elibrary.ru/qdnyje>

6. Ермолович В.И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.). Минск: Белорус. гос. экон. ун-т, 2003. 118 с. <https://elibrary.ru/zyfxuu>
7. Ермолович В.И. Рецепция норм восточно-римского права в правовую систему средневековой Сербии и славянских стран // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 1. С. 65–76. <https://elibrary.ru/vybflld>
8. Шахин Ю.В. «Обелиск из Ксантоса» – несостоявшийся памятник древнеславянского права // Научный Вестник Крыма. 2019. № 5 (23). С. 1–6. <https://elibrary.ru/rcbsxw>
9. Пешић Р. Винчанское письмо. Београд; Милано: Pesic I sinovi, 1995. 155 с.
10. Митровић Б. КолоВени (СлоВени) и континуитет културе и права. Београд: КолоВенија, 2008. 751 с. <https://elibrary.ru/qpozvn>
11. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 6. Москва; Ленинград: Из-во Академии наук СССР, 1952. С. 163–287.
12. Татищев В.Н. Русь Домосковская: История Российская во всей ее полноте. М.: Алгоритм, 2013. 736 с.
13. Орбини М. Книга историография початия имене славы и разширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствами, королевствами и Провинциями. М.: Белые Альвы, 2010. 365 с.
14. Рандин А.В. Организация и содержание научно-педагогического процесса в Пражском университете (XIV–XV вв.) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 13–48. <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2018-13-48>, <https://elibrary.ru/yoobjj>
15. Серегин А.В. Сравнительно-правовой анализ юридического образования в Византийской империи и средневековых государствах Европы // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 3. С. 40–42. <https://elibrary.ru/nxcdwy>
16. Александрова А.В. Теоретические истоки пенсионного законодательства: политико-правовые учения Средневековья // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 185–198. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-185-198>, <https://elibrary.ru/gcruxb>

References

1. Seregin A.V., Dzhordzhievich A. (2023). Problems of old Slavic legal understanding. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 1 (49), pp. 17–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.02>, <https://elibrary.ru/oyslscq>
2. Pashentsev D.A. (2024). Methodology of comparative law: from classical traditions to postnonclassical innovations. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 20, no. 2, pp. 5–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jzsp.2024.2.1>, <https://elibrary.ru/qmrghh>
3. Ermolovich V.I. (2007). *Istochniki i istoriografiya gosudarstva i prava Serbii VI–XIV vv. (sovremennyyi vzglyad na drevnyuyu i srednevekovuyu serbskuyu istoriyu)* [Sources and historiography of the state and law of Serbia 6th–14th centuries (a modern view of ancient and medieval Serbian history)]. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Minsk, Belarusian State University Publ., issue 2, pp. 127–134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/demorb>
4. Ermolovich V.I. (2005). *Gosudarstvo i pravo Chekhii IX–XVI vv.* [The State and Law of the Czech Republic 9th–16th Centuries]. Minsk, Belarus State Economic University Publ., 267 p. (In Russ.)
5. Ermolovich V.I. (2021). *Osnovnye instituty grazhdanskogo prava srednevekovoi Serbii i stran kontinental'noi Evropy (X–XV vv.)* [The Main Institutions of Civil Law in Medieval Serbia and the Countries of Continental Europe (10th–15th Centuries)]. Minsk, Belarus State Economic University Publ., 301 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qdneye>
6. Ermolovich V.I. (2003). *Pravo srednevekovoi Serbii (XII–XV vv.)* [Law of Medieval Serbia (12th–15th Centuries)]. Minsk, Belarus State Economic University Publ., 118 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zyfxuu>
7. Ermolovich V.I. (2019). Reception of the norms of eastern roman law into the legal system of medieval Serbia and Slavic countries. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, vol. 6, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vybflld>
8. Shakhin Yu.V. (2019). “Obelisk from Xanthos” – a baseless monument of ancient Slavic law. *Nauchnyi Vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*, no. 5 (23), pp. 1–6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rcbsxw>
9. Peshih R. (1995). *Vinchanskoe pis'mo*. Beograd, Milano, Pesic I sinovi Publ., 155 p. (In Serb.)
10. Mitrovih B. (2008). *KoloVveni (SloVeni) i kontinuitet kulture i prava*. Beograd, KoloVenija Publ., 751 p. (In Serb.) <https://elibrary.ru/qpozvn>

11. Lomonosov M.V. (1952). Drevnyaya Rossiiskaya istoriya ot nachala rossiiskogo naroda do konchi-ny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Duke Yaroslav the First or until 1054]. In: Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t. T. 6* [Complete Works: in 11 vols. Vol. 6]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., pp. 163-287. (In Russ.)
12. Tatishchev V.N. (2013). *Rus' Domoskovskaya: Istoriya Rossiiskaya vo vsei ee polnote* [Domoskovskaya Rus': Russian History in its Entirety]. Moscow, Algoritm Publ., 736 p. (In Russ.)
13. Orbini M. (2010). *Kniga istoriografiya pochatiya imene slavy i razshireniya naroda slavyanskogo i ikh tsa-rei i vladetelei pod mnogimi imenami i so mnogimi Tsarstviyami, korolevstvami i Provintsiyami* [The Book is a Historiography of the Beginning of the Name of Glory and Expansion of the Slavic People and Their Kings and Rulers under Many Names and with Many Kingdoms, Kingdoms and Provinces]. Moscow, Belye Al'vy Publ., 365 p. (In Russ.)
14. Randin A.V. (2018). Organization and content of scientific and pedagogical process at Prague University (XIV–XV). *Zapad – Vostok = West – East*, no. 11, pp. 13-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2018-13-48>, <https://elibrary.ru/yuobjj>
15. Seregin A.V. (2021). Comparative legal analysis of legal education in the byzantine empire and medieval European states. *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve = Black Holes in Russian Legislation*, no. 3, pp. 40-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxcdwy>
16. Aleksandrova A.V. (2021). Theoretical origins of pension legislation: political and legal doctrines of the middle. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 18, pp. 185-198. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-185-198>, <https://elibrary.ru/geruxb>

Поступила в редакцию / Received 12.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 32.019

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>

Шифр научной специальности 5.1.4

Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика

© **ВОРОБЬЕВА Светлана Викторовна,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0003-1059-2065>, vorob-sveta@yandex.ru

© **КОЛЬЦОВ Михаил Иванович,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-2360-0936>, koltsovmi@yandex.ru

© **АБРАМОВА Василиса Игоревна,**

преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-4482-1498>, cilvectr90@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены теоретико-методологические аспекты профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних с позиции специалистов в сфере юриспруденции. Обоснован комплексный подход к решению обозначенной проблемы с учетом познаний социологии и психологии, выявлен институциональный аспект в профилактике и противодействии деструктивного поведения в подростковой среде. В качестве базовой методологии использованы общенаучные методы: анализ специальной литературы и нормативных правовых актов по проблеме исследования; метод историзма, метод моделирования и системного структурирования. Обозначено, что в современных условиях распространения экстремисткой идеологии на территории России можно выделить несколько устойчивых тенденций: создание и развитие стабильных, функционирующих социальных объединений, которые не только разделяют экстремистские ценности, но и стремятся их распространить; направленность на популяризацию идей и убеждений экстремизма, в том числе и в контексте допустимости и возможности экстремисткой деятельности; увеличение количества национальных и религиозных объединений, деятельность которых сопряжена с преступными деяниями против личности и общества; эволюция структур и уровня организации экстремистских объединений: появление практик наследия, подготовки новых кадров и т. д. Подчеркнуто, что в современных реалиях молодежный групповой экстремизм выступает результатом современной коммуникации молодого че-

ловека и неблагоприятными окружающими условиями. В заключении сформулированы выводы о важности дальнейшей систематизации исследований по выявлению и коррекции деструктивного поведения в среде несовершеннолетних, предложены современные методики по предупреждению данных проявлений.

Ключевые слова

несовершеннолетние, деструктивное поведение, девиация, противодействие, экстремистская идеология, профилактика, субкультура

Для цитирования

Воробьева С.В., Кольцов М.И., Абрамова В.И. Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 240-256. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>

Theoretical and methodological foundations of destructive behavior of minors: dynamics analysis and prevention

© Svetlana V. VOROBYOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1059-2065>, vorob-sveta@yandex.ru

© Mikhail I. KOLTISOV,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2360-0936>, koltsovmi@yandex.ru

© Vasilisa I. ABRAMOVA,

Lecturer of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4482-1498>, cilvectr90@mail.ru

Abstract

Theoretical and methodological aspects of the prevention of destructive behavior of minors from the position of specialists in the field of jurisprudence are considered. An integrated approach to solving this problem is substantiated, taking into account the knowledge of sociology and psychology, and the institutional aspect in the prevention and counteraction of destructive behavior in adolescents is identified. General scientific methods are used as the basic methodology: analysis of specialized literature and regulatory legal acts on the research problem; historicism method, modeling and system structuring method. It is indicated that in modern conditions of the spread of extremist ideology in Russia, several stable trends can be identified: the creation and development of stable, functioning social associations that not only share extremist values, but also seek to spread them; focus on popularizing the ideas and beliefs of extremism, including in the context of the admissibility and possibility of extremist activity; an increase in the number of national and religious associations whose activities involve criminal acts against individuals and society; evolution of the structures and level of organization of extremist associations: the emergence of heritage practices, training of new personnel, etc. It is emphasized that in modern realities, youth group extremism is the result of modern communication of a young person and unfavorable environmental conditions. It is concluded that formulated about the importance of further systematization of research on identifying and correcting destructive behavior among minors, and modern methods for preventing these manifestations are proposed.

Keywords

minors, destructive behavior, deviation, opposition, extremist ideology, prevention, subculture

For citation

Vorobyova, S.V., Koltsov, M.I., & Abramova, V.I. (2024). Theoretical and methodological foundations of destructive behavior of minors: dynamics analysis and prevention. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 240-256 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-240-256>

Введение. Постановка проблемы

В настоящее время теории и практики озабочены ростом активности деструктивной направленности в среде несовершеннолетних. Исследуя причины противоправного поведения несовершеннолетних, прежде всего, следует выявлять мотивацию данных деструктивных проявлений, перечень общих закономерностей, мировоззренческие основы, а также комплекс социально-экономических и нравственно-психологических факторов.

Преступному поведению предшествует деструктивное, которое характеризуется отрицательными действиями и поступками, в том числе и в нравственном аспекте, ставшие систематическими, привычными для подростка.

Следует сразу оговориться, что лица, отнесенные в силу возраста к несовершеннолетним, далеко не всегда способны в полной мере осознавать и руководить своими действиями, что делает их одной из самых уязвимых в правовом и социальном отношении категорией граждан государства. В этой связи подросткам уделяется особо пристальное внимание со стороны правоохранительных структур в случаях, когда они попадают в рамки действия уголовного законодательства.

Поведение значительной части несовершеннолетних не соответствует тому образу жизни, общепринятым социальным нормам и поступкам, которые хотелось бы видеть взрослому населению. Специалисты различных отраслей науки, изучающие отклоняющееся от намеченной обществом линии поведение таких подростков, обозначили свои изыскания различными терминами. Чаще всего в работах различных авторов встречаются такие термины, как: «деструктивное поведение», «отклоняющееся поведение», «девиантное поведение», «девиантность», «девиации», «асоциальное поведение», «социальные отклонения» и др. [1, с. 64]. Любой из названных терминов означает не только нежелательность, но и непринятие обществом такой формы поведения.

Результаты исследования

При рассмотрении любой проблемы, касающейся рассматриваемого института, прежде всего, необходимо определиться с понятием «деструктивное поведение». Это необходимо потому, что нельзя углубляться в ту или иную проблему, не обозначив, что

представляет собой ключевое слово предложенной темы.

«Этимологически слово «деструкция» с латинского *destructio* означает «нарушение» или «разрушение». В «Большом энциклопедическом словаре» деструкция понимается как нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо. В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» данное понятие трактуется как разрушение, нарушение правильного, нормального строения чего-либо, а деструктивность – это разрушительность; стремление к порче; непродуктивность», – пишет один из исследователей данной темы [2, с. 340]. Тем не менее, в русском языке, по нашей субъективной оценке, данный термин появился из английского языка, где слово “Destructive” переводится на русский как разрушительный, пагубный, губительный. Это явление характерно для последних десятилетий жизни российской общности.

Деструктивное поведение подрастающего поколения во все времена тревожило общественность, требовало соответствующих превентивных мер, а иногда и пресечения. К подобным видам деструктивного поведения можно отнести, например, стремление к отмщению, экзальтированность, садизм, некрофилию и некоторые другие формы поведения, чаще всего встречающиеся у несовершеннолетних.

Некоторые представители науки рассматривают понятие «девиантное поведение» не только в отрицательном аспекте. Социологи и психологи видят в таком поведении и положительную сторону, например, в виде чрезмерно развитых способностей, альтруизма, аскетизма и т. д.

Деструктивное поведение, отнесенное также к отклоняющейся форме, обладает признаками, которые определяют сущность именно этого вида отклоняющегося поведения. В научной литературе под такими признаками понимают:

«– отклонение от норм общественного развития (расхождение между индивидуальной линией развития индивида или группы и доминирующими ценностями/тенденциями общественной жизни);

– дестабилизацию и деструктивность (наличие объективного ущерба, страдания от

данного поведения или его последствий на нескольких уровнях: организма, личности, ближайшего окружения и на макросоциальном уровне);

- негативную социальную оценку и наказуемость (негативная общественная оценка данного расхождения как социально нежелательного и стремление социума контролировать, устранять нежелательные проявления в поведении индивидов);

- компенсаторность (компенсация деструктивными поведенческими актами имеющегося личностного неблагополучия и социальной дезадаптации);

- специфичность (выраженность в деструктивном поведении индивидуального и половозрастного своеобразия)¹.

К указанным признакам необходимо привести несколько других, приведенных различными авторами и существенно дополняющих характеристику деструктивного поведения. Так, Ю.А. Черкашина к таковым относит разрушение психики самого участника этих движений и общества в целом, а также готовность любым способом, в том числе и уголовно наказуемым, донести свою идеологию до общества и государства [3, с. 293].

Учитывая вышеприведенные признаки деструктивного поведения, авторы методических рекомендаций сформулировали определение данного социального явления, с которым мы склонны в целом согласиться: «деструктивное поведение – это устойчивое поведение психически здоровой личности или группы лиц, отклоняющееся от наиболее значимых в конкретном обществе социальных норм, причиняющее реальный ущерб самой личности, ближайшему окружению, обществу в целом»². Полагаем, приведенное понятие деструктивного поведения учитывает основ-

ные его признаки и наиболее полно характеризует исследуемую нами форму отношений между людьми.

В авторских работах на данную тему встречаются не совсем удачные определения деструктивного поведения, которые мы одобрить не можем, так как они не передают отличительные особенности данного вида отклоняющегося поведения от иных. Так, например, К.С. Харитонов в своей статье под деструктивным поведением предлагает понимать «дезадаптивно-направленный процесс взаимодействия личности со средой, опосредованный индивидуальными особенностями субъекта, имеющий форму поступков или реакций» [4, с. 125]. Для проведения более полного сравнительного анализа вышеприведенных определений деструктивного поведения приведем некоторые другие, не менее распространенные в научной доктрине.

Например, с точки зрения Ц.П. Короленко и Т.А. Донских, «деструктивное поведение – это отклоняющееся поведение, наносящее ущерб как человеку, так и обществу в целом» [5, с. 75].

Ю.А. Клейберг считает, что «деструктивное поведение – это поведение, нарушающее, разрушающее или приводящее к распаду любой социальной связи» [6, с. 130].

Характеризуя деструктивное поведение, В.Б. Куликов и К.В. Злоказов определяют данное явление как «вид активности, в процессе которой человек изменяет социальные объекты при помощи нарушения или разрушения» [7, с. 91]. Как можно заметить, термин разрушение является ключевым словом для определения сущности рассматриваемого нами явления. Как правило, он обращен к самому нарушителю в первую очередь, а также и к иным объектам.

Понятие и признаки деструктивного поведения подрастающего поколения редко дают повод отнести их к сфере действия уголовно-правовых норм, тем не менее, такие социальные явления детерминированы с молодежной преступностью наглядной корреляционной связью. Негативная оценка государства рассматриваемых социальных явлений довольно часто проявляется в виде установления ответственности за совершение правонарушений, носящих административный характер. Очевидно, что не будет ошиб-

¹ Методические рекомендации по внедрению в практику образовательных организаций современных разработок в сфере профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи (на основе разработок российских ученых) // Федеральный институт оценки качества образования. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Аналитический%20центр%20по%20мониторингу%20и%20профилактике%20деструктивного%20поведения%20подростков%20и%20молодежи%20ФИОКО/Методические%20рекомендации%20по%20профилактике%20деструктивного%20поведения-1.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

² Там же.

кой назвать данный вид поведения одной из форм девиантного поведения, как часто характеризуют такие деяния юристы. Полагая, это можно объяснить тем, что деструктивное поведение является регрессивной, негативной формой проявления девиантности.

Тем не менее, девиантное поведение в сфере действия уголовно-правовых норм специалисты чаще всего относят к совершению гражданами каких-либо правонарушений, объектами которых являются общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности, тогда как особенность деструктивного поведения молодого поколения в большей степени характеризуется тем, что поступки несовершеннолетних направлены на открытое проявление агрессии к самому себе или ближайшему окружению.

Некоторые исследователи данной темы предлагают условно разделить деструктивное поведение на «две основные категории: делинквентное поведение (противоправное-насильственные и корыстное: мелкое воровство, грабежи, мошенничество, вымогательство, подлоги, вандализм, сексуальное насилие, драки, угон автомобилей, проституция, наркомания, антиобщественное поведение) и отклоняющееся поведение, не попадающее в категорию противоправного» [1, с. 65]. Полагая, с такой постановкой вопроса можно согласиться.

Как правило, в сферу деятельности правоохранительных органов попадают такие виды деструктивного поведения подростков, как алкоголизм, наркомания, проституция, самоубийства. Противоправное поведение в виде совершения преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, чужую собственность (убийства, причинения вреда здоровью, изнасилования, кражи, грабежи и другие), нарушающее нормы морали и права, чаще всего юристы характеризуют как девиантное, отклоняющееся от приемлемого в обществе. Подавляющее количество случаев криминального деструктивного поведения несовершеннолетних связано с различного рода хищениями, правда, в последние годы лидирующую роль краж оспаривают преступления, связанные с распространением наркотических веществ.

Это обстоятельство подчеркивает наши выводы о том, что виды деструктивного поведения менялись в разные исторические эпохи

в зависимости от социальных и экономических условий жизни общества. Все перечисленные нами и другие отклонения от общепринятых норм в поведении молодых людей являлись своеобразными индикаторами состояния общества в определенный исторический период его развития. Периоды расцвета и упадка в любом государстве порождают новые, а иногда возрождают прежде имевшие место виды отклоняющегося поведения личности. Отдельные виды деструктивного поведения несовершеннолетних существуют с давних времен: хищения, пьянство, проституция, беспризорность, бродяжничество. Другие виды отклонений в поведении подростков характерны лишь для определенных временных периодов. Так, например, беспризорность и бродяжничество в значительной степени были распространены в России времен гражданской войны и в несколько меньших объемах имели место в девяностые годы прошлого века. Соответственно кражи, грабежи, другие виды хищений и фоновые явления этих преступлений в указанные периоды также присутствовали в значительно больших объемах.

Научное осмысление анализируемого нами института начинается в конце XIX века. Первооткрывателем данного направления науки можно назвать Э. Дюркгейма, который в 1897 г. в своих трудах затронул тему деструктивного поведения. Таким образом, научное исследование отклоняющегося поведения личности примерно совпало по времени с появлением криминологических исследований личности преступника, причин преступности и в целом преступности как социального явления. Представители различных наук, юристы, психологи, философы, педагоги и другие представляют общественности свои работы. Появляются различные теории деструктивного поведения. Некоторые из них представляют интерес и для исследователей нашего времени.

Так, например, итальянский врач Цезаре Ломброзо выдвигал теорию о прирожденном преступнике, согласно которой по внешним признакам человека можно определить принадлежность его к преступному миру (низкий лоб, большая выступающая челюсть, чрезмерный волосяной покров и др.). В конце жизни он отказался от своей теории, но она пережила своего автора.

Наркомания как негативное социальное явление также было впервые изучено в конце XIX века. Первыми исследователями данного социального явления и одновременно проблемы для государства, по мнению Я.И. Гилинского, были Г. Гребенкин в Самаркандской области и С. Моравицкий в Ферганской области [8, с. 56]. Оценив вред для здоровья от наркотика и возможный материальный ущерб для страны, они предложили свои варианты противодействия этому бедствию. Изучение личности наркомана и социальных условий, в которых они находились, продолжилось в трудах И.П. Люблинского, М.Н. Гернета, Н.К. Топоркова, А.М. Раппорта и др. [9, с. 34].

Собственным изучение преступности и послужило толчком исследования отклоняющегося поведения личности в более широком аспекте. Однако научное исследование преступности, предпринятое в конце XIX века, не означает, что государственные структуры России не принимали мер по искоренению имевших место преступных проявлений. Например, меры по борьбе с наркоманией были известны еще в Древней Руси. Так, Устав князя Владимира Мономаха 1116 г. «О десятинах, судах и людях церковных» (XI–XII век) гласил, что «лица, нарушающие правила приготовления и потребления «зелья», подвергались жестокому наказанию, вплоть до лишения жизни» [9, с. 35]. Пьянство, также как и потребление наркотических средств, издревле существовали в российском обществе, однако употребление таких напитков, как медовуха, брага или пиво, было под контролем церкви и государства и разрешалось лишь по определенным праздникам. Поэтому существенной проблемой в нашем понимании для населения Московского государства и Российской империи назвать эти виды деструктивного поведения нельзя.

Безусловно, многие виды деструктивного поведения людей тысячелетней давности характерны для нашего времени, однако, мы повторим вывод о том, что каждый временной период порождает новые. Так, например, в XXI веке появились новые виды деструктивного поведения, к которым следует причислить противоправное поведение в виде совершения преступлений в интернет-пространстве:

«– киберагрессия, в том числе кибербуллинг;

– деятельность экстремистских сообществ;

– популяризация и распространение способов деструктивного поведения (криминализация, алкогольная и наркотическая зависимость);

– пропаганда самоповреждающего (анорексия, селфхарм) и суицидального поведения;

– целенаправленное распространение негативного поведения онлайн и призыв к асоциальному поведению офлайн.

К деструктивному поведению в интернет-пространстве можно также отнести интернет-зависимость, онлайн-груминг, мошенничество, создание фейковых страниц, негативный и противоправный контент» [10, с. 372].

Следует заметить, что указанные выше-названными авторами виды деструктивного поведения, в первую очередь, присущи подросткам, особенно тем, кто реально интернет-зависимы в результате незнания или безответственного отношения к данному явлению со стороны родителей. Причем несовершеннолетние довольно часто выступают не только в роли жертв, но в качестве авторов негативного контента, стараясь получить определенную известность в интернет-пространстве. Ради достижения таких целей субъекты негативного контента не брезгают видеороликами, с помощью которых распространяют интимную, оскорбляющую либо личную и фейковую информацию, нередко содержащую сцены насилия.

По данному вопросу полезным будет привести информацию А.В. Енина, которая дается в его статье о неадекватной молодежи: «вспомните ролик о подростках, которые издеваются над родным дедом, пытающимся спорить с ними о политике... или ролик о расправе над пожилым бомжом, или плевки, оскорбления, кидание фаеров в омоновцев, издевательства над другими подростками или учителями и т. п.» [1, с. 67].

Молодежный экстремизм, свойственный подрастающему поколению и характеризующийся как подростковая субкультура, также имеет в своей основе агрессивное поведение, непримиримость к инакомыслящим, убежденность в своей правоте и решимость доби-

ваться своих целей любыми способами. Приверженцы к данной субкультуре убеждены, что только такими способами можно добиться успеха в жизни. Одному из направлений молодежного экстремизма «скулшутерам» присущи именно такие черты.

Среди множества видов деструктивного поведения следует также назвать такие, которые направлены на самого субъекта, а точнее, характеризуют стремление подростка получить удовольствие путем изменения своего психического состояния. К таковым следует отнести порочные пристрастия, которые нельзя назвать криминальными, а именно: курение, токсикоманию, азартные игры, анорексию, стремление к распространению лживых слухов, нездоровое стремление к доминирующему положению, в том числе в учебе и др.

Характерная форма деструктивного поведения для подростков – буллинг, также имеет несколько направлений.

«Буллинг, – считает А.В. Енин, – разделяется в своих проявлениях:

- на физический буллинг (умышленные толчки, удары, побои, действия сексуального характера и др.);
- психологический буллинг (словесные оскорбления, угрозы, запугивание, обзывание, распространение обидных слухов, обидные жесты, изоляция, вымогательство (денег, еды, иных вещей, принуждение что-либо украсть);
- кибербуллинг (постоянное унижение, травля в виртуальном пространстве: перепалки («флейминг»); постоянные нападки (harassment);
- клевета (denigration); самозванство, перевоплощение в определенное лицо (impersonation);
- надувательство, выманивание конфиденциальной информации и ее распространение (outing & trickery);
- изоляция личности (ostracism, отчуждение); хейтинг (hate) – ненависть в высказываниях;
- секстинг (sexting) – пересылка личных фотографий, сообщений интимного характера» [1, с. 68].

Приведенные выше и другие виды деструктивного поведения, по нашему твердому убеждению, являются начальным этапом на пути к совершению преступлений. Однако

российское общество почти не уделяет внимания подобным инцидентам, довольствуясь лишь редкими замечаниями в адрес несовершеннолетних, отличающихся указанными поступками. Равнодушие взрослых, особенно тех, кто по долгу службы обязан предупреждать или пресекать эти виды девиантного поведения, оказывает «образовательные услуги» не воспитывая, а также уверенность многих лиц в том, что с возрастом эти подростки «поумнеют» и «превратятся в адекватных» молодых людей с теми интересами, которые мы хотим в них видеть, приводит последних не только на скамью подсудимых, но также к появлению уже взрослых граждан, предающих свой народ и страну.

Принцип гуманного отношения к подрастающему поколению, а также убежденность высокопоставленных чиновников и законодателей в том, что демократическое общество не может позволить себе строгого отношения к подросткам, нарушающим закон, порождает у значительной их части веру в свою безнаказанность. Этот вывод наглядно подтверждается некоторыми якобы, на взгляд законодателя, гуманными нормами уголовного закона, введенными в 2003 г. и действующими до настоящего времени. Так, например, согласно части 2 статьи 88 УК РФ³ минимальный штраф для несовершеннолетних за совершение преступления составляет одну тысячу рублей (за административное правонарушение, указанное в статье 20.22 КоАП РФ «нахождение несовершеннолетнего в состоянии опьянения», штраф для родителей от одной до двух тысяч рублей). Кроме того, за преступление, совершенное подростком, штраф могут заплатить родители. Последним положением законодатель даже нарушил установленный в УК РФ принцип личной ответственности за совершение преступления (статья 5 УК РФ). Часть 6⁴ статьи

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [принят Гос. Думой 24.05.1996; одобрен Советом Федерации 5.06.1996] (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ [принят Гос. Думой 20.12.2001; одобрен Советом Федерации 26.12.2001] (ред. от 05.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

88 УК РФ предусматривает возможность назначения повторного условного осуждения для несовершеннолетних преступников, совершивших новое преступление в течение назначенного им испытательного срока и установление нового испытательного срока.

Мы убеждены в том, что корень анализируемых нами проблем кроется в формально организованной предупредительной деятельности с несовершеннолетними. Но если существующие превентивные меры не смогли уберечь подростка от совершения преступления, то уголовный закон должен исполнять свое предназначение в виде назначения наказания, а не продолжать применение к молодым преступникам своеобразных воспитательных мер. Если уголовный закон не использует старый и проверенный принцип “*dura lex sed lex*” и подминает свои же положения ради одной из категорий преступников, сразу возникает вопрос «чем хуже другие?». При этом в основном принцип гуманности в уголовном законе выдерживается, что проявляется в санкциях за совершенные преступления, обстоятельствах, смягчающих наказание, и т. д.

Однако причин деструктивного поведения несовершеннолетних гораздо больше. Авторы многих работ на данную тему перечисляют таковых десятки и более. С нашей точки зрения они все обозначены представителями различных наук, поэтому считаем необходимым обратить внимание лишь на основные.

В первую очередь отметим биологические черты личности молодого человека, которые провоцируют его к совершению деструктивных поступков. Отдельные биологические факторы организма несовершеннолетнего позволяют выделить его среди сверстников. К таковым можно отнести нарушения нервной системы; болезненное состояние психики; а иногда психические расстройства, не исключаяющие вменяемости и позволяющие общаться с другими подростками; ограниченные физические возможности, порождающие стремление к самоутверждению любыми способами; повышенную возбудимость, импульсивность, зависть, высокую самооценку, оппозиционную направленность мышления и др. Указанные и другие биологические, а также наследственные черты личности, которые ребенок получил от родителей, оказывают оп-

ределяющее влияние на его будущее поведение. В совокупности с другими факторами общество получает деструктивное поведение своих молодых представителей.

Большинство наук, изучающих личность, а именно психология, педагогика, философия, социология, криминология и другие, совершенно верно утверждают, что не меньшее деструктивное влияние на поведение несовершеннолетнего, чем его психофизиологические качества, оказывает среда, в которой он родился и живет.

В основании данного утверждения приводятся такие дисфункции института брака, как семейное насилие, пьянство и иные подобные факторы неблагополучной семьи, неумение и нежелание общаться с подростком, ущербный стиль воспитания, подразумевающий желание родителей вырастить выдающуюся личность и соответствующую чрезмерную нагрузку с детских лет. К этому добавляются проблемы образования и воспитания в школе, искажающие нормальное получение знаний и порождающие дискомфорт в общении со сверстниками. В некоторых случаях можем дополнить в качестве причины слабую или даже ущербную подготовку воспитателей и педагогов, в действиях которых прослеживается стремление к личному обогащению. Все эти проблемы видны несовершеннолетним и вкупе с информационной средой, рекламирующей агрессию во всех сферах жизнедеятельности, порождают различные виды деструктивного поведения.

Занимаясь воспитанием молодого поколения, невольно сталкиваешься с определенными проблемами, которые возникают в подростковом возрасте каждого человека. Неуверенность в себе, неопределенность и размытость будущего – все это может спровоцировать у ребенка деструктивное поведение, которое начинается в виде невинных шалостей, а заканчивается совершением преступлений.

В то время как ученые-юристы ведут дискуссии о снижении возраста уголовной ответственности, психологи, напротив, уверены, что нынешнее поколение более инфантильно и медленнее взрослеет.

По законодательству Российской Федерации, ребенок – это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, при этом уголовная ответственность по общим правилам начина-

ется с шестнадцати лет, с четырнадцати – при специальных условиях. Подростки, по заверению психологов, – это люди от десяти до девятнадцати лет. В связи с этим мы видим небольшую возрастную градацию: ребенок до 18 лет, подросток – до 19. Почему же так происходит? На самом деле, лицо, которому недавно исполнилось восемнадцать – совсем не тот взрослый и самостоятельный человек, каким его представляет государство. Еще буквально «вчера» ему было многое под запретом, а «сегодня» от него требуют взвешенных и мудрых решений, к которым он фактически не готов. В восемнадцать лет у человека еще нет осознанного осознания того, что он уже не ребенок, так как в этом возрасте оканчивают школу или учатся в университете, тем самым формируя свое будущее.

Взросление ребенка первыми замечают педагоги и родители, которые стараются за небольшой промежуток времени поместить в неокрепшую ячейку общества знания, правила, мораль, подготавливают его к взрослой жизни, порой оказывая давление и нагоняя излишней ответственности, пугая несданными экзаменами, работой дворником и прочими вещами. При этом очень часто подросток сталкивается с противоречием: к примеру, родители предлагают начинать самостоятельно зарабатывать на жизнь, в то время как в институте преподаватели говорят о важности образования и невозможности совмещения работы и учебы. Отсюда вытекает желание заработать денег любым способом, в том числе незаконным.

Педагоги-кураторы среднего профессионального образования впервые знакомятся со своими подопечными, когда те поступают на первый курс в возрасте 15–16 лет. Они первые замечают (при условии активного вовлечения и участия в группе), как меняются ребята из года в год, как формируется их личное мнение и взгляды. При грамотном взаимоотношении куратор группы знает, чем увлекается ребенок, вовлечен ли он в какие-нибудь сомнительные компании. Для того чтобы не допустить возможных проблем с законом и обществом, педагог осуществляет диагностику и профилактику девиантного поведения, которое может разладить коллектив, а также нанести вред не только ребенку, как ор-

ганизатору такого поведения, но и всей группе, которая может взять с него пример.

К позитивному направлению можно отнести коллекционирование, талант к рисованию, а также сверхинтеллект и высокий уровень мотивации для достижения цели. К негативному отклоняющему поведению – совершение проступков и преступлений, выраженное желание находиться в одиночестве, агрессия, увлечение алкоголем, наркотиками и другими психотропными веществами, аморальное поведение.

Почему такая проблема остро стоит именно среди подростков? Неокрепшая психика, невыработанный характер, нет четкого представления о мире и о том, чем заниматься в жизни, выбор не того человека в качестве примера для подражания, бунтарский способ показать себя – все это приводит к тому, что подросток в конечном итоге выбирает ту или иную сторону, зачастую негативную. Травля в школах и учебных заведениях, которая до сих пор остается актуальной проблемой, только подталкивает несовершеннолетнего к неправильным действиям, что и будет считаться проявлением деструктивного поведения.

Деструктивное поведение – это устойчивое поведение психически здоровой личности или группы лиц, отклоняющееся от наиболее значимых в конкретном обществе социальных норм, причиняющее реальный ущерб самой личности, ближайшему окружению, обществу в целом [11, с. 31].

Как же проходит диагностика деструктивного поведения среди обучающихся? Во-первых, проводится первичное знакомство с личностью каждого ребенка – индивидуальные и групповые беседы, обсуждение увлечений и интересов. Немаловажным считается и анализ социальных сетей – насколько она активна, открыта, какой контент размещается, в каких группах состоит ребенок. В ходе первичной диагностики формируется список студентов, потенциально подпадающих под категорию «девиантного поведения». Затем проводится работа с данными ребятами путем прохождения психологического тестирования, а также участия в различных тренингах, которые позволяют выявить, есть ли у обучающего проблемы с коммуникацией, алкогольной или наркотической зависимостью. С остальными студентами, которые не попа-

ли в список, также беседуют и осуществляют профилактику деструктивного поведения путем проведения круглых столов, посещения экскурсий, диалога с приглашенными экспертами.

В Интернете подростки наиболее подвержены негативному влиянию в силу неокрепшей психики. Основные опасности в Сети для детей и подростков – это различные риски, которые можно подразделить на коммуникационные (интернет-травля, вовлечение в совершение преступлений, в том числе и сексуальные, преследование), контентные (то, что размещается непосредственно в Интернете, в основе своей запрещенное), технические (сбор и распространение персональных данных) и потребительские (мошенничество и кража личных данных).

Для борьбы с деструктивным поведением, а также в профилактических целях необходимо выявить, кто и каким образом сможет помочь бороться с этим негативным явлением.

Способы могут быть достаточно разными, но должны по своей структуре иметь общие цели и результат:

- формирование негативного отношения к проступкам и преступлениям;
- разработка системы комплексных мер по профилактике наркомании, токсикомании и алкоголизма с привлечением специалистов заинтересованных ведомств;
- выявление и последующая коррекция негативных условий и факторов, вызывающих девиантное поведение;
- решение узкоспециальных задач на предупреждение рецидивов, а также вредных последствий уже сформированного девиантного поведения.

Кто должен быть ответственен за реализацию данных способов профилактики? Единого ответа, на самом деле, нет – ведь, по сути, каждый должен быть причастен к этому: родители, школа, колледжи, друзья и одноклассники подростка, государство и местное самоуправление. Только совместными решениями и действиями можно добиться снижения негативного проявления в поведении несовершеннолетнего.

Например, можно отдать ребенка к психологу и специалисту по социальной работе в больницах и поликлиниках, проводить про-

филактические беседы в школах и институтах, подключать к работе специалистов, которые будут прорабатывать проблемные места с неблагополучными семьями. Далеко не последнюю роль играют СМИ, ведь при просмотре социальной рекламы ребенок невольно задумается, как стоит поступить в той или иной ситуации, к тому же для нынешнего поколения своеобразным СМИ выступают блоггеры, а значит, можно работать с ними, чтобы те создавали необходимый контент.

В беседах с подростками и юношами, отличающимися жадой любой деятельностью, следует помнить, что они чаще всего являются лидерами и организаторами группы. Направляя их на социально одобряемые формы проявления активности (а именно эта потребность наиболее типична для таких подростков, юношей), необходимо показать, что только отказ от противоправного поведения может обеспечить разумную реализацию их энергии [12, с. 234].

Учитывая чрезмерный эгоцентризм и жажду признания демонстративных подростков, юношей, им следует разъяснить, что удовлетворение этих желаний возможно, например, при занятиях творчеством. Важно показать, что окружающие понимают внутренние причины отклоняющегося поведения (желание быть неординарным, необычным). В беседе целесообразно не оказывать «группового» давления, а использовать живые, яркие примеры, образные сравнения. А в некоторых случаях можно и несколько преувеличивать тяжесть последующего наказания, учитывая трусливость субъектов.

Необходимо прививать уважение к членам коллектива, помочь обрести социальный статус, выполнять определенную роль в группе единомышленников, пробудить и прививать интерес и способности к творчеству, его прикладным видам, научить организации творческих контактов.

Государство также реализует большое количество направлений для социализации подростков, профилактики девиации и экстремистских проявлений, создавая различные программы.

Так, в рамках реализации проекта «Подростки России» с 17 сентября 2022 г. стартовал цикл информационных вебинаров для

подростков и их родителей, размещенный на сайте <https://rospodros.ru/teenagers>.

Данный проект направлен на системную работу с подростками, осуществляется и координируется специалистами различных общественных сфер. Ведущим направлением данной программы является не только осуществление поддержки детских общественных объединений, но и активное взаимодействие с родителями, оказание помощи в развитии необходимых компетенций, правил общения.

Хочется отметить, что на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина функционирует Центр исследования социальных девиаций, в котором реализуется работа по многочисленным направлениям в плане профилактики экстремистских проявлений. Например, систематически осуществляется мониторинг интернет-пространства с целью выявления деструктивных проявлений, организуются дискуссионные и информационные площадки для общения с подростками по профилактике экстремизма и терроризма и многие другие мероприятия.

Также в Державинском университете создано огромное количество студенческих отрядов, в которые могут вступить все желающие: волонтерские движения, объединенный студенческий научный совет, студенческий отряд охраны правопорядка «Держава» и многие другие. Кроме того, на базе каждого структурного подразделения проходят различного рода поэтические вечера, тематические встречи, деловые игры, челленджи. Студенты с удовольствием участвуют в ежегодных акциях «Державинская лыжня», «Державинская мила», «Державинская регата», «Студенческая весна», где не только воспитывается патриотизм, командный дух, но и там молодые люди могут поделиться своими проблемами со сверстниками и специалистами, рассчитывая на конструктивную помощь. Немаловажное значение отводится и повышению уровня правовой культуры среди молодежи, правовому просвещению. Данное направление реализуется посредством различных форм: встречи с практикующими сотрудниками правоохранительных органов, лекции-беседы, круглые столы и т. п. [13, с. 242].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на активное и агрессивное проявление девиантного поведения подростков, можно добиться снижения количества первичных правонарушений, а тем самым предотвратить появление новых преступлений среди лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, при должном участии всех слоев населения, а также при вовлечении несовершеннолетнего в различного рода мероприятия.

Проблема девиантного, агрессивного, в том числе поведения экстремистского характера молодежи становится все более актуальной в условиях российской действительности, что требует отдельного рассмотрения.

Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий социальный статус. Также современная тенденция экстремистской деятельности связана с омоложением: в большинстве случаев подобного рода преступные деяния совершают молодые люди в возрасте от 14 до 26 лет.

Особое внимание в данном формате статьи следует уделить исследованию таких вопросов, как реализация предупреждения и пресечения экстремистской деятельности в молодежной среде. Это является важным направлением деятельности образовательной сферы, общества и государства в целом. Распространение экстремизма в молодежной среде – это актуальная проблема не только для России, но и для всего мирового сообщества.

На специализированном учете в Министерстве внутренних дел Российской Федерации в настоящее время находится более 450 организаций и объединений, которые распространяют ценности, идеи и цели экстремистского характера. В данных организациях, по информации МВД РФ, состоит более 20 тысяч молодых людей. Согласно отчету ведомства о стоянии преступности на

2022 г., за данный временной отрезок была зафиксировано более 1500 преступлений экстремистского характера. Этот показатель выступает одним из наиболее высоких за всю историю статистических наблюдений правоохранительными органами.

Теоретики практики также обращают внимание на проблемные вопросы, касающиеся квалификации и формированию доказательственной базы по факту организации экстремистского сообщества [14, с. 4].

В 2023 г. генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов отметил, что преступность экстремистского характера в последнее время приобрела новый масштаб (особенно обострилось это положение на фоне проведения специальной военной операции). Большую популярность для распространения идей экстремистского толка в настоящее время приобрело виртуальное пространство.

Чтобы установить правильный ход профилактики по борьбе с экстремизмом, необходимо прояснить, что влияет на формирование экономических групп и их регулярное пополнение.

Причиной возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде могут являться следующие факторы:

- обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов и т. д.);
- криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса и т. п.);
- использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности);
- наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т. п.);

– использование сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях).

В современных условиях распространения экстремистской идеологии на территории России можно выделить несколько устойчивых тенденций:

- 1) создание и развитие стабильных, функционирующих социальных объединений, которые не только разделяют экстремистские ценности, но и стремятся их распространить;
- 2) направленность на популяризацию идей и убеждений экстремизма, в том числе и в контексте допустимости и возможности экстремистской деятельности;
- 3) увеличение количества национальных и религиозных объединений, деятельность которых сопряжена с преступными деяниями против личности и общества;
- 4) эволюция структур и уровня организации экстремистских объединений: появление практик наследия, подготовки новых кадров и т. д.;
- 5) выход деятельности экстремистских организаций и объединений на международный уровень;
- 6) использование законных прав и свобод, которые гарантированы Конституцией РФ (например, право на свободу слова), для обличения в законную форму деятельности по ретрансляции экстремистских идей;
- 7) активное использование религии в качестве плацдарма развития экстремистской идеологии.

Стоит подчеркнуть, что в современных реалиях молодежный групповой экстремизм выступает результатом современной коммуникации молодого человека и неблагоприятными окружающими условиями. И в данных условиях социально-психологические отклонения личности (такие как маргинальность, нигилизм, агрессивность и жестокость, а также другие качества) выступают не как недостатки личности, а наоборот, его «достоинствами» для приобщения его к экстремистской культуре и ценностям.

Оценивая современное состояние молодежного экстремизма в России, можно представить его в виде трехуровневой горизонтальной системы:

- первый уровень представлен организациями, в которых официально или негласно состоят и функционируют молодые люди, при условии, что данные организации поддерживают, разделяют и распространяют экстремистскую культуру и ценности (в качестве примера подобных организаций можно привести организации футбольных болельщиков, организацию скинхедов и т. д.);

- второй уровень представлен менталитетом, который «пропитан» идеями, ценностями и культурой экстремистского толка, а также деструктивной информационной повесткой;

- третий уровень представлен поведенческими моделями молодых людей, которые направлены на практические действия экстремистского характера, в том числе и совершение преступных деяний.

В современных условиях наибольшую опасность представляют именно националистические организации и объединения, деятельность которых направлена на борьбу с мигрантами и иными иностранными лицами. Представителям данных организаций внушается, что их деятельность направлена на развитие и поддержание безопасности государства, защиту суверенитета нации и т. д. Однако, фактически, их деятельность подрывает основы национальной безопасности России, способствует развитию национальному недовольству и национальным розням, распространению преступности, а для России, как для многонационального государства, данный показатель выступает фатальным [15, с. 334].

Более того деятельность подобных организаций подрывает обеспеченность трудовых потребностей, так как мигранты в основном приезжают в Россию с целью заработать средства для обеспечения потребностей семьи.

С учетом современных угроз первостепенной задачей в рамках политики противодействия экстремизму выступает профилактика экстремистской идеологии в молодежной среде, особенно работа с потенциально уязвимыми группами. Для повышения эффективности борьбы с экстремизмом в молодежной среде необходимо уяснить меха-

низм зарождения, распространения и симпатии у молодежи идей и ценностей экстремистского характера. Также особое внимание стоит уделить следующим моментам социализации и воспитания молодежи:

- влияние родителей и родственников, которые «поражены» экстремистскими идеями;

- воздействие сверстников, которые приобщились к экстремизму;

- поиск и влияние авторитетов для молодежи, которые также потенциально могут быть подвержены экстремистскими идеями и ценностями;

- формирование собственно убеждений, морали, представлений о добре и зле, о допустимом и запрещенном и т. д.;

- стрессовые ситуации, в которые может попадать подросток (например, давление со стороны родителей, травля в школе и т. д.), и многие другие факторы.

Весьма важной угрозой в настоящее время выступает тенденция вербовки молодых людей в экстремистские и террористические организации.

Заключение

Учитывая вышеизложенное, отметим, что проблема агрессивного, противоправного поведения несовершеннолетних остается одной из самых изучаемых в научной сфере и в эмпирической области.

Просчеты в контроле за правомерным поведением молодежи и подростков приводят к крайне деструктивным результатам и социально-опасным последствиям.

На наш взгляд, первоочередное внимание стоит уделять превентивным мерам по противодействию экстремистской идеологии в среде молодежи.

Профилактика экстремизма в молодежной среде должна проводиться по следующим направлениям:

- проведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде;

- уменьшение социальных конфликтов;

- противодействие экстремизму через общественные организации, ученическое, студенческое самоуправление;

- воспитание у молодежи установок признания, соблюдения и защиты прав и

свобод человека, и гражданина, соблюдения законов;

- формирование норм социального поведения, характерного для гражданского общества;

- повышение значения и роли семьи (семейных ценностей) в рамках социализации, воспитания и формирования нетерпимости к экстремистской деятельности у молодежи;

- внедрение в образовательную среду практики норм толерантного поведения;

- воспитание законопослушных граждан, уверенных в неотвратимости наказания за такого рода преступления⁵.

Внимательнее нужно относиться к подросткам, которые уже находятся в одном шаге от вступления или контакта с экстремистской группировкой. В данном случае деятельность по профилактике экстремистской деятельности среди молодежи должна быть направлена на тех молодых людей, жизненная ситуация которых позволяет вызвать подозрения или предположения о возможном их участии в экстремистской деятельности. Например, дети из неблагополучных семей, недееспособные или же с психическими отклонениями.

Конечная цель этой работы – изменить правовую психологию людей, добиться отторжения абсолютным большинством населения самой мысли о возможности применения экстремистских методов для разрешения социальных, конфессиональных, культурных и любых других проблем, предприняв такие меры, которые способствуют пониманию молодыми людьми того, что государство и общество открыты к сотрудничеству, заботятся о них, и нет необходимости совершать противозаконные действия.

Помимо этого, государственная правовая политика должна быть направлена на:

- создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму;

- совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменитель-

ной практики в сфере противодействия экстремизму;

- консолидацию усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в целях противодействия проявлениям экстремизма;

- организацию в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, информационного сопровождения деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также реализацию эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма;

- разработку и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявлению и пресечению правонарушений и преступлений экстремистской направленности;

- совершенствование нормативно-правовых основ противодействия экстремизма (несмотря на наличие довольно обширной правовой базы в данной области, практическую ситуацию отражает тот факт, что не все аспекты борьбы имеют законодательное закрепление);

- совершенствование эффективности мер оперативно-розыскного характера;

- повышение оперативности межведомственного взаимодействия по вопросам противодействия экстремизму, в первую очередь, по вопросам обмена информации, статистики и т. д.

С целью повышения уровня противодействия экстремизму в молодежной среде имеет место повышение профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел и иных правоохранительных ведомств распространять организационные и методические материалы, где популяризируются современные формы и способы осуществления данной деятельности.

Особое внимание необходимо уделять миграционной политике в стране, так как ми-

⁵ Противодействие экстремизму в условиях цифровизации и информатизации общества и государства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М.: Моск. академия Следств. комитета Рос. Фед., 2023. С. 118.

гранты могут быть не только объектом деятельности националистических организаций, но и сами быть «эпицентром» развития экстремистских идей, убеждений, ценностей и культуры. Попад в страну, данные лица постепенно и системно занимаются распространением экстремистских ценностей, активно приобщают молодежь к данной деятельности. В связи с этим за подозрительными приезжими необходим постоянный контроль, в том числе и в рамках периодических выездных проверок.

В рамках повышения эффективности противодействия экстремизму в молодежной среде был принят Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», где предусмотрен широкий перечень мер по выявлению угроз безопасности несовершеннолетних и механизм по их нейтрализации.

Как было отмечено, для подросткового возраста характерны поведенческие отклоне-

ния, связанные с многочисленными рисками, задачей российского общества является построение эффективного механизма, который может стать необходимой опорой при взрослении и становлении молодого поколения.

Для российского государства в современных геополитических условиях следует ответственно подходить к решению социальных и политических проблем. Следует развивать у молодежи понятие об адекватном представлении о мире, обществе и о себе, формировать в их сознании уверенность в собственных силах, позитивный образ будущего и направлять энергию в конструктивное русло.

Необходимо с учетом современных угроз разрабатывать методические рекомендации для органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, содержащие эффективные технологии и формы работы с подростками по профилактике и противодействию деструктивного поведения.

Список источников

1. Енин А.В. Особенности деструктивного поведения детей в условиях современных вызовов // Защита прав ребенка в условиях современных вызовов. Социальные, педагогические и правовые аспекты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / редкол. С.А. Маскалянова, О.А. Данковцев, Г.В. Головин. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 64-72. <https://elibrary.ru/anwbrq>
2. Кузнецова М.Н. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 2 (156). С. 340-343. <https://elibrary.ru/yrustj>
3. Черкашина Ю.А. Понятие «молодежное деструктивное движение» и иные вопросы совершенствования уголовного законодательства в области противодействия экстремисткой деятельности // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: сб. материалов ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. / под ред Т.А. Огарь, Д.М. Кокина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД РФ, 2022. С. 293-296. <https://elibrary.ru/adqpdq>
4. Харитонова К.С. Деструктивное поведение подростков: понятие, причины и виды // Всероссийский педагогический форум. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая наука», 2022. С. 125-131. <https://elibrary.ru/vjgpgb>
5. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. 222 с. <https://elibrary.ru/qfaacq>
6. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 130-135. <https://elibrary.ru/rcwaxz>
7. Куликов В.Б., Злоказов К.В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 89-92. <https://elibrary.ru/kltwyn>
8. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000. 213 с.
9. Мальхина Т.А., Репецкая А.Л. Историко-криминологический анализ некоторых фоновых явлений преступности в России // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 1 (83). С. 33-40. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(1\).33-40](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(1).33-40), <https://elibrary.ru/xsxlqc>
10. Богуцкая Д.И., Погодина Е.К. Особенности деструктивного поведения подростков в интернет-пространстве // Социально-психологические проблемы современного общества: пути решения. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2022. С. 372-377. <https://elibrary.ru/jqrcid>

11. Игнатенко Е.А., Челноков Н.Е. Криминологические аспекты профилактики преступлений, совершенных лицами с негативными изменениями психической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 30-37. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-8-30-37>, <https://elibrary.ru/yqniyp>
12. Ерофеева М.А., Харламова Д.А., Жоков Д.В. Деструктивное поведение несовершеннолетних как причинно-следственная связь их криминализации // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 233-240. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.02.27>, <https://elibrary.ru/mdgcui>
13. Воробьева С.В., Кокорев В.Г. Обзор круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права и процесса» // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2 (22). С. 242-252. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252>, <https://elibrary.ru/ydimoe>
14. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / под ред. В.В. Меркурьева. М.: Проспект, 2019. 200 с. <https://elibrary.ru/tfumgr>
15. Инаева Д.Д. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 334-336. <https://elibrary.ru/uzpfac>

References

1. Enin A.V. (2021). Peculiarities of destructive behavior of children under conditions of challenges to modern society. *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zashchita prav rebenka v usloviyakh sovremennykh vyzovov. Sotsial'nye, pedagogicheskie i pravovye aspekty»* [Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Protecting Children's Rights in the Context of Modern Challenges. Social, Pedagogical and Legal Aspects"]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Publ., pp. 64-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/anwbrq>
2. Kuznetsova M.N. (2018). Review of theoretical aspects of destructive human behavior. *Uchenye Zapiski Universiteta im. P.F. Lesgafta*, no. 2 (156), pp. 340-343. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrustj>
3. Cherkashina Yu.A. (2022). Ponyatie «molodezhnoe destruktivnoe dvizhenie» i inye voprosy sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva v oblasti protivodeistviya ehkstremskoi deyatel'nosti [The concept of "youth destructive movement" and other issues of improving criminal legislation in the field of countering extremist activities]. *Sbornik materialov ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra»* [Collection of Materials of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference "Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow"]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., pp. 293-296. (In Russ.) <https://elibrary.ru/adqpdq>
4. Kharitonova K.S. (2022). Destructive behavior of adolescents: concept, causes and types. *Vserossiiskii pedagogicheskii forum* [All-Russian Pedagogical Forum]. Petrozavodsk, International Center for Scientific Partnership "New Science" Publ., pp. 125-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjgpgb>
5. Korolenko Ts.P., Donskikh T.A. (1990). *Sem' putei k katastrofe: Destruktivnoe povedenie v sovremennom mire* [Seven Paths to Disaster: Destructive Behavior in the Modern World]. Novosibirsk, Nauka: Novosibirsk Branch of the Publisher, 222 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qfaacq>
6. Kleiberg Yu.A. (2008). Tipologiya destruktivnogo povedeniya [Typology of destructive behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, no. 1, pp. 130-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rcwaxz>
7. Kulikov V.B., Zlokazov K.V. (2006). Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Destructive behavior: theoretical and methodological aspect]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*, no. 3 (27), pp. 89-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kltwyn>
8. Gilinskii Ya.I. (executive ed.). (2000). *Deviantnost' i sotsial'nyi kontrol' v Rossii (XIX-XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie* [Deviance and Social Control in Russia (19th-20th Centuries): Trends and Sociological Understanding]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 213 p. (In Russ.)
9. Malykhina T.A., Repetskaya A.L. (2021). Historical and criminological analysis of some background phenomena of criminality in Russia. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, vol. 22, no. 1 (83), pp. 33-40. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(1\).33-40](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(1).33-40), <https://elibrary.ru/xsxlqc>
10. Bogutskaya D.I., Pogodina E.K. (2022). Features of destructive behavior of teenagers in the Internet space. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennogo obshchestva: puti resheniya* [Social and Psychological Problems of Modern Society: Solutions]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherov Publ., pp. 372-377. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jqrcid>
11. Ignatenko E.A., Chelnokov N.E. (2018). Criminological aspects of the prevention of crimes committed by persons with negative changes in mental activity. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Is-*

- sues of the State and Law*, vol. 2, no. 8, pp. 30-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-8-30-37>, <https://elibrary.ru/yqniyp>
12. Erofeeva M.A., Kharlamova D.A., Zhokov D.V. (2023). Destructive behavior of minors as cause and effect relationship of their criminalization. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, no. 2 (170), pp. 233-240. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2023.02.27>, <https://elibrary.ru/mdgcui>
 13. Vorob'eva S.V., Kokorev V.G. (2022). Overview of the round table "Current problems of criminal law and procedure". *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 2 (22), pp. 242-252. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252>, <https://elibrary.ru/ydimoe>
 14. Merkur'eva V.V. (ed.). (2019). *Organizatsiya ehkstremistskogo soobshchestva: problemy kvalifikatsii i dokazyvaniya* [Organization of an Extremist Community: Problems of Qualification and Proof]. Moscow, Prospekt Publ., 200 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tfumgr>
 15. Inaeva D.D. (2017). Profilaktika terrorizma i ehkstremizma v molodezhnoi srede [Prevention of terrorism and extremism among youth]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], no. 1 (135), pp. 334-336. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzpfac>

Поступила в редакцию / Received 28.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.05.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-257-269>

Шифр научной специальности 5.1.4

Корреляция уголовно-правовой политики в контексте эффективной реализации уголовной ответственности

© ДВОРЕЦКИЙ Михаил Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин, Тамбовский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 392028, г. Тамбов, ул. Бастионная, 16, <https://orcid.org/0000-0002-6435-1526>, dvoretskiy-68@mail.ru

Аннотация

Цель – установление системообразующих критериев, предпринятых отечественным законодателем изменений и дополнений главы 33 УК РФ на современном этапе развития национальной правовой системы и оптимальных корреляций в дальнейшем для наиболее эффективного предупреждения данного вида преступности и рассматриваемых составов преступлений. Актуальностью выступает необходимость определения наиболее перспективных направлений реформирования отечественного уголовного законодательства, целенаправленных на эффективную охрану общественных отношений, взаимосвязанных военной службой, и оптимального предупреждения преступности военнослужащих. Научной новизной и практической значимостью выступает обоснование необходимости продолжения изменения и дополнения системы составов преступлений, предусмотренных главой 33 УК РФ, их дальнейшей корреляции отечественным законодателем для правильной квалификации содеянного виновного и назначения справедливого наказания осужденному, а также эффективного предупреждения данного вида преступности. В настоящее время остаются открытыми, спорными вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, проходящих военную службу в различных государственных структурах. Анализ проведен на основе современной судебной практики Российской Федерации. Проанализированы официальные статистические данные о современном состоянии преступности в России, положения нормативных актов, внесших изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, связанные с проведением специальной военной операции. Сделаны обоснованные выводы и внесены аргументированные предложения отечественному законодателю по дальнейшему совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации и рекомендации правоприменителям по правильной квалификации содеянного виновным, назначении справедливого наказания и эффективному предупреждению преступности в контексте эффективной реализации уголовной ответственности за рассматриваемые составы преступлений.

Ключевые слова

корреляция уголовно-правовой политики, эффективная реализация, уголовная ответственность, преступление, наказание

Для цитирования

Дворецкий М.Ю. Корреляция уголовно-правовой политики в контексте эффективной реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 257-269. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-257-269>

Correlation of criminal legal policy in the context of effective implementation of criminal liability

© Mikhail Yu. DVORETSKY,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Law Department, Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 16 Bastionnaya St., Tambov, 392028, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6435-1526>, dvoretskiy-68@mail.ru

Abstract

The purpose is to establish the system-forming criteria for the amendments and additions of Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation undertaken by the domestic legislator at the present stage of the development of the national legal system and optimal correlations in the future for the most effective prevention of this type of crime and the crimes under consideration. The urgency is the need to identify the most promising areas for reforming domestic criminal legislation aimed at effective protection of public relations interconnected by military service and optimal crime prevention of military personnel. The scientific novelty and practical significance is the justification for the need to continue changing and supplementing the system of elements of crimes provided for in Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation, their further correlation by the domestic legislator for the correct qualification of the perpetrator and the appointment of a fair punishment to the convicted person, as well as effective prevention of this type of crime. Currently, the issues of bringing to criminal responsibility persons serving in military service in various government agencies remain open and controversial. The analysis is based on the modern judicial practice of the Russian Federation. The official statistical data on the current state of crime in Russia, the provisions of normative acts that have made changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation related to the conduct of a special military operation are analyzed. Substantiated conclusions were drawn and reasoned proposals were made to the domestic legislator on further improvement of the Criminal Code of the Russian Federation and recommendations to law enforcement officers on the correct qualification of the guilty, the imposition of fair punishment and effective crime prevention in the context of the effective implementation of criminal responsibility for the crimes under consideration.

Keywords

correlation of criminal legal policy, effective implementation, criminal liability, crime, punishment

For citation

Dvoretsky, M.Yu. (2024). Correlation of criminal legal policy in the context of effective implementation of criminal liability. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 257-269 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-257-269>

Введение

Согласно изменившейся социально-экономической ситуации и современным политическим процессам целесообразно, прежде всего, исследовать предпринятые отечественным законодателем корреляции уголовно-правовой политики Российской Федерации в СВО посредством декриминализации ранее действовавших составов, криминализации прежних административных деликт, или изначальных новелл отраслевого законодательства, статистических данных об увеличении и сокращении числа разных категорий приговоренных, оптимального назначения и исполнения штрафа в контексте эффективной реализации уголовной ответст-

венности именно на данном этапе борьбы с преступностью. Так, российские военнослужащие за период 1992–2000 гг. каждый отчетный год в среднем совершили более двадцати восьми тысяч преступлений¹. Военнослужащими всех ведомств за этот период тем самым превышены показатели 80-х гг. XX века с аналогичными составами, несмотря на кратно сократившуюся их численность и регулярное возрастание числа наиболее общественно опасных посягательств, соста-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-сентябре 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 14.11.2023)

вивших свыше трети в общей структуре преступности. Из 22 статей главы 33 УК РФ они представлены дезертирством, самовольным оставлением места службы, прежде всего, не соответствующими уставу отношениями без подчиненности, логично отражая адекватную реакцию законодателя на негативные тенденции данного вида преступность, угрожающей обороноспособности и безопасности².

Теоретической основой публикации также стали произведения П.В. Агапова, Н.В. Агарковой, А.А. Агешина, В.П. Бодаевского, В.М. Борисенко, Ф.С. Бражника, А.Ю. Винокуров, В.В. Власенко, О.В. Гутник, Я.Н. Ермоловича, Р.В. Закомолдина, О.К. Зателепина, О.А. Землянко, А.В. Кудашкин, М.Ю. Лопатина, Д.С. Маликова, И.М. Мацкевича, В.В. Меркурьева, С.В. Михеенко, Е.А. Моргуленко, М.А. Мялицыной, Ю.П. Оноколова, А. Панина, А.М. Плешакова, М.Г. Решняк, З.А. Теуважева, А.В. Титова, М.А. Торкунова, С.Н. Шарапова, Н.А. Шулёпова, К.В. Фатеева и других отечественных авторов [1–33]. Поскольку целый ряд теоретических вопросов правового положения данных лиц в настоящее время не полностью и последовательно исследован, то этим обусловлена целенаправленная тематика представленной работы, не претендующей на комплексное разрешение всех ныне имеющихся научно-практических проблем. Актуальность заключается в специфических особенностях в виде юридических и медицинских начал преступлений³, реализуемых в отношении лиц, которые официально не признаны в качестве субъектов им содеянных общественно-опасных деяний, так как ныне действующий Уголовный кодекс, скорректировав перечень лиц, в отношении которых они назначаются, за счет совершивших содеянное, имея расстройство психики, не исключавшее их вменяемость.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-сентябре 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 14.11.2023).

³ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»: Федеральный закон от 04.08.2023 № 465-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49664> (дата обращения: 12.02.2024)

Методологической основой публикации является комплексное использование общенаучных и научно-методов в изучении генезиса системы общественно-опасных деяний, предусмотренных главой 33 УК РФ, прежде всего, анализ критериев ее дальнейшего усовершенствования для эффективной реализации уголовной ответственности за содеянное виновным. Использовались общенаучные приемы. При проведении исследования был проведен анализ официальной статистики, отражающей показатели преступности военнослужащих, материалов полемики в научной общественности о проблемах вменяемости, ответственности и наказании военнослужащего как субъекта преступления.

Результаты исследования

Вследствие критической важности высокой боеготовности и текущей обороноспособности, несмотря на доминирующие в структуре систем мер предупреждения преступности военнослужащих уголовно-правовых средств, современная их реализуемость никак не соответствует предполагаемым результатам, когда их неэффективность требует в настоящее время научно-обоснованно осмыслить причины и условия непреодолимых негативных тенденций, приводящих к воспроизводству именно данных категорий преступников и дискредитации органов государственной власти.

Вследствие комплексности разрешения проблем посредством соблюдения законности, правопорядка и воинской дисциплины предполагает, в первую очередь, эффективность правоприменительной практики, целенаправленной на неотвратимость наказания виновных содеянного, исключая какую-либо безнаказанность преступников, нацелена укрепить воинскую дисциплину военнослужащих, так как сохранение имеющейся ситуации и продолжение ее снижения не обеспечивают военную безопасность страны. Законодательно были определены концепция национальной безопасности⁴, военно-политические принципы и военная док-

⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. в редакции Указа Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.15

трина⁵, ее правовое урегулирование⁶ и исполнение⁷, проводится реформа национальной базы правонарушений и преступлений, прежде всего, связанной с эффективной реализацией уголовной ответственности военно-

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21.04.2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 17. Ст. 1852.

⁶ О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 4.02.2002 № 5. Ст. 375; Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 3 июня. № 23. Ст. 2750; О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26528> (дата обращения: 12.04.2024); О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/10602>. (дата обращения: 12.04.2024).

⁷ Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Утвержден Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26528> (дата обращения: 12.03.2024); Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации. Утвержден Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26528> (дата обращения: 12.03.2024); Корабельный устав Военно-Морского Флота. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 31.07.2022 № 511 «Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48223> (дата обращения: 12.03.2024); Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39549> (дата обращения: 12.03.2024).

служащих и предупреждением воинской преступности.

Период 2006–2017 гг. характеризуется положительной общей тенденцией, связанной с кратным сокращением более чем в два с половиной раза количества всех правонарушений (с 25 до 11 тысяч) в войсках (силах) и формированиях, а число воинских преступлений уменьшилось в четыре раза, реструктуризацией данного вида преступности из-за освобождения военнослужащих от несвойственных хозяйственных функций ввиду создания коммерческих фирм, вследствие чего в восьми из десяти зарегистрированных деяний виновных с доминированием корыстной мотивации являлись общеуголовным содеянным. В дальнейшем также продолжил снижаться уровень травматизма и «неуставного» насилия в отношении призванных военнослужащих, в общем отражая позитивную динамику сокращения данного вида преступности⁸.

В 2022 г. регистрировалось 3047 посягательств, 2835 квалифицировались преступлениями, а годом ранее – 1514 (1089). В свою очередь, 444 нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии подчиненности, годом ранее – 442, с наказанием по статье 335 Уголовного кодекса лишением свободы виновного содеянного на десять лет. Наряду с этим, в 2022 отчетном году было зарегистрировано 81 общественно-опасное деяние, предусматривающее ответственность по статье 336 «Оскорбление военнослужащего», а в 2021 отчетном году – 49, максимально наказываемое содержанием виновного содеянного в дисциплинарной воинской части до одного года.росло число совершенных виновными составов общественно-опасных деяний, предусматривающих несение ответственности по статье 332 за неисполнение приказа и статье 337 при самовольном оставлении части, тем самым фактически отражая негативную тенденцию⁹.

⁸ Раскин А. В Российской армии стали меньше бить, но продолжают воровать // LIFE.RU. 2018. 09 окт. URL: <https://life.ru/1159053> (дата обращения: 12.11.2023).

⁹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-сентябре 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 14.11.2023).

Несмотря на малый удельный вес в общей структуре (0,6–0,8 %), для данного вида отечественной преступности характерны существенные трансформации с военной службой, опосредованные возрастанием по экспоненте корыстной мотивации должностных лиц и неосторожных преступлений вследствие неэффективной военной системы во время проведения специальной военной операции. В свою очередь, в настоящее время состояние данной преступности отличается крайне негативной динамикой, интенсивностью, устойчивостью и латентностью [2]. Высокая ее латентность, прежде всего, фактически вариативно проявляется непосредственно в нежелании потерпевшего наказать виновного, большом разрыве во времени по раскрытию содеянного, низкой эффективности военной юстиции. Современными специфическими причинами и условиями данного вида преступности выступают как возрастающие криминогенные (социально-экономические недостатки военной системы), так и антикриминогенные (постоянная необходимость для военнослужащих соблюдать требования воинских уставов) детерминанты, также способные негативно влиять на криминогенную ситуацию вследствие их нарушения командным составом.

Одновременно объективно исходя из сложившейся социально-политической ситуации, из-за СВО возросло число уклонистов, предусматривающее уголовную ответственность по 328 УК с 624 до 1121, обеспечив прирост 80 % к предшествующим более оптимистичным официальными статистическими показателям¹⁰. В свою очередь, по широко обсуждавшейся научной общественностью и правоприменителями новелле Уголовного кодекса статьи 280³ в 2022 г. были осуждены 14 обвинявшихся человек, из которых два осужденных были в действительности приговорены к лишению свободы¹¹.

Констатируем отсутствие за 2022 отчетный год постановленных судами приговоров по тем уголовно-правовым новеллам, кото-

рые были введены отечественным законодателем в действующее уголовное законодательство уже после того, как началась специальная военная операция. Прежде всего, статья 275¹ «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», в редакции Федерального закона от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ, статья 280⁴ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства», в редакции Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, статей 281¹ и 352¹, в редакции Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, статья 356¹ «Мародерство», в редакции Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, тем самым подтверждая наличие проблем, в том числе вызванных несовершенством юридической техники¹².

Поскольку количество проведенных уголовных процессов последовательно и неуклонно сокращалось, а численность обвинявшихся в содеянном и осужденных в действительности возрастала, то если в 2021 отчетном году суды приняли к рассмотрению 782 тысячи уголовных дел, при 565,5 тысячи осужденных, в следующем году поступило 776,3 тысячи уголовных дел, что стало минимальным показателем за пятилетний период, хотя число осужденных увеличилось до 578,8 тысячи приговоренных к определенному виду наказания, тем самым прирост составил 2,3 %. Констатируем, что в каждом пятом уголовном процессе, составляющем 20,3 %, российскими судами постановлялось закончить производство прекращением рассмотрения дела, статистически значимо свидетельствуя о некачественном проведении предварительного расследования правоохранительными органами, в том числе правильной квалификации содеянного виновным. Исходя из того, что традиционно лидерами, доминирующими в общей структуре преступности среди содеянного виновными, непосредственно выступают разные формы хищения, прежде всего, тайная форма – кража, несоблюдение правил безопасности

¹⁰ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-сентябре 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 14.11.2023).

¹¹ Там же.

¹² О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.05.2023 № 11. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

дорожного движения, соответственно, первые пять по наибольшей распространенности составов в действительности составляют криминогенно значимые 56 % из всего объема принятых к рассмотрению дел судами Российской Федерации¹³.

Констатируем увеличение в последний пятилетний период рассмотрения деяний террористической направленности, в том числе публичные призывы к террористической деятельности, а также содеянное, связанное с коррупционной направленностью в широком смысле данного повышено общественно-опасного явления. Произошло уменьшение количества разбоев, грабежей и причинения разной степени вреда здоровью потерпевших. Прежде доминировавший в статистических данных состав в виде нарушения дорожных правил в течение именно этого периода на четверть в действительности сократился по частоте вменения виновным со 100 тысяч возбужденных уголовных дел в 2018 отчетном году до 75 тысяч в 2022 отчетном году. Поскольку произошло сокращение числа лиц, которые были осуждены судами с 2018 отчетного года на 12 % в отношении всех видов общественно-опасных деяний, незначительно увеличилось количество преступлений в экономической сфере с 39,1 до 41,1 %, а также минимально уменьшилась доля преступлений против общественного порядка с 28,9 до 27,3 % содеянного виновными. Рост экстремистских деяний против основ конституционного строя и безопасности государства – склонение, вербовка, иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (часть 1.1 статьи 282¹) вырос с 1 до 27 приговоренных. В свою очередь, число приговоров судов о возбуждении ненависти либо вражды и унижении человеческого достоинства многократно уменьшилось, сократившись на 94 %, тем самым подтверждая наличие определенных проблем материального и процессуального отечественного права, в том числе для эффективного предупреждения данного состава преступления именно на

данном современном этапе борьбы с преступностью¹⁴.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ научно обоснована и вполне логично дополнена структура и конкретизированы положения статьи 332 Уголовного кодекса, предусматривавшей уголовную ответственность виновного, не исполнившего приказ, поскольку она скоррелирована, прежде всего, новеллой в виде части 2.1, априори предполагая для правильной квалификации содеянного исследование содержания приказа, который должен по форме быть целенаправленным на совершение содеянного. Как отдача, так и исполнение приказа в статьях 39, 41–45 Устава внутренней службы ВС России не допускает возможности подчиненному обсуждать и (или) критиковать его в действительности. В свою очередь, согласно статье 40 Устава содержание приказа необходимо разграничивать от приказания, выступающего формой, посредством которой командир (начальник) доводит определенные задачи конкретным подчиненным, направленные на разрешение частных вопросов военной службы¹⁵.

Поскольку неисполненный приказ должен быть квалифицированным согласно части 1 статьи 332 Уголовного кодекса, фактически причинив существенный вред непосредственно интересам военной службы, будучи логично сконструирован законодателем материальным составом. Соответственно новелла, а часть 2.1 оцениваемая, как военная или вооруженная конфликтная ситуация, тем самым презюмируя наличие, прежде всего, боевого приказа, предполагающего боевые действия, чье неисполнение военнослужащим повышает опасность по экспоненте. Таким образом, содержательно диспозиция данной

¹⁴ Там же.

¹⁵ Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Утвержден Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26528> (дата обращения: 12.03.2024).

¹³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в январе-сентябре 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения: 14.11.2023).

новеллы предполагает несение виновным военнослужащим ответственности при фактическом отказе участвовать в самых разнообразных проводящихся мероприятиях, тем самым непосредственно превентивно обеспечивая возможность в действительности отечественным правоприменителям максимально расширительно квалифицировать неисполнение приказа. Содеянное виновным предполагает наказание от двух до трехлетнего срока лишения свободы. Следующая новелла части 2.2 в отношении одного либо группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группой, приводя к тяжким последствиям, предполагает санкцию от трех- до десятилетнего лишения свободы осужденного военнослужащего. По нашему мнению, тяжкие последствия, алогично не конкретизированные законодателем в новелле посредством примечания, требуют Постановления Пленума Верховного суда РФ, в первую очередь, представлены гибелью военнослужащих, других граждан, уничтожением зданий, умышленного причинения легкого, средней тяжести вреда, неосторожным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего¹⁶.

Квалификация согласно статьи 333 в отношении группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, применения оружия, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий, возможна только лишь в военное время, в том числе в мобилизацию, военное положение, вооруженный конфликт, боевые действия, вполне логично и достаточно научно-обосновано наказываясь лишением свободы от пяти до пятнадцати лет. Корреляции, целенаправленные усилить воинскую дисциплину рядовых, младших командиров, наиболее многочисленной категории военнослужащих. В свою очередь, принуждать нарушать официальные обязанности предполагает отказ применить определенное дисциплинарное наказание, отказ докладывать о неуставном поведении виновного вышестоящему командиру (начальнику) или неисполнения на-

правления подчиненного на боевое задание в современной действительности, тем самым дискредитируя как отдельное должностное лицо, так и военное руководство Российской Федерации в целом. Согласно новелле, введенной уголовной ответственностью виновному, нанешему побои или применившему иное насилие в отношении командира (начальника) во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей, наказываясь лишением свободы от пяти до пятнадцати лет.

Самовольное оставление части или места службы, неявившемуся в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, исходя из части 2.1 статьи 337, наказывается пятилетним сроком лишения свободы. Частью 3.1 предусмотрена уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы от 10 суток до 1 месяца, наказываемое лишением свободы до семи лет, а частью 5 – от пяти до десяти лет. Вследствие освобождения от уголовной ответственности, самовольно оставившего часть из-за тяжелого стечения определенных обстоятельств, соответственно к такому можно отнести как тяжелую болезнь виновного и (или) в действительности заболевший близкий родственник. Согласно новелле, сформулированной законодателем в пункте 2 статьи 337, наступает ответственность военнослужащего, проходящего военный сбор, аналогично с военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, тем самым обеспечив наибольшую, чем в предыдущей редакции данной статьи, дифференцированность ответственности злостным нарушителем с ситуативно-оступившимся лицом.

Законодатель также предпринял корреляции в отношении содержательно близкой к предыдущему составу статье 338 Уголовного кодекса, отличающейся целенаправленностью виновного на бессрочность своего уклонения, дезертирующего. Поскольку изменения и дополнения вполне логично вызвали проблемы с квалификацией, Пленум Верховного суда РФ «О практике рас-

¹⁶ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.05.2023 № 11. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

смотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» максимально обоснованно растолковал данные обстоятельства, тем самым позволив судам как оптимально разграничивать составы, учитывая именно их специфические особенности, так и предупреждать данные скоррелированные законодателем преступления. Так, прежде всего, ограничение статей 337 и 338 происходит в соответствии мотивацией, поскольку первоначально временно уклоняющийся и не исполняющий свои военно-служебные обязанности впоследствии через определенный срок возвращается к дальнейшему прохождению именно этой же деятельности, а дезертир злонамеренно уклоняется совсем, вариативно также предполагая данное последствие дезертирства при изначальной самоволке. В свою очередь, злой умысел подтверждает обстоятельство в виде непосредственного приобретения и (или) изготовления виновным подложного документа, который предъявляется злоумышленником, как своего имеющегося правового статуса военно-служащего. Наличие примечания статьи 338, предусматривающего освобождение от ответственности, впервые дезертировавшего без оружия, из-за тяжелых для него обстоятельств. Вполне логичной представляется новелла посредством логичного введения законодателем дополнительного особо квалифицирующего признака в виде части 3, помимо уже существовавших частей 1, 2, концептуально учитывая современную обстановку, прежде всего, период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий¹⁷.

Коррелировалась также и статья 339 УК РФ посредством новеллы в виде части 3, воспроизводящей особо квалифицирующий признак, предусматривающий ответственность осужденному за деяние, совершенное в вышеперечисленных обстоятельствах. Вследствие принятых законодателем изменений и дополнений вполне логично вопросы квалификации деяния и его наказания

¹⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.05.2023 № 11. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Пленум Верховного суда РФ в пункте 51 постановления № 11 максимально обоснованно растолковал, тем самым позволив судам как оптимально разграничивать составы, учитывая именно их специфические особенности, так и предупреждать данные скоррелированные законодателем составы¹⁸.

Коррелировалась также и статья 340 УК РФ посредством новеллы в виде части 4, воспроизводящей особо квалифицирующий признак об уголовной ответственности виновного, совершившего деяние в вышеперечисленных обстоятельствах, наказываемое от пятилетнего до десятилетнего лишения свободы осужденному. Вследствие принятых законодателем изменений и дополнений посредством коррелированной части 4 и 5 статьи 340 УК РФ вполне логичны вопросы квалификации деяния, которое привело к тяжким последствиям и его наказания до пятилетнего срока лишения свободы осужденного для правильной квалификации и эффективной дифференциации ответственности. Изменялась и дополнялась также и статья 341 УК РФ посредством новеллы в виде части 4, воспроизводящей особо квалифицирующий признак об уголовной ответственности виновного посредством его наказания лишением свободы от пяти до десяти, а для ее эффективной дифференциации законодатель предусмотрел лишение свободы на пять лет за общественно опасное деяние в аналогичной ситуации.

Логично коррелировалась законодателем также и статья 344 УК РФ отредактированной части 3, воспроизводящей нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне посредством альтернативных наказаний от пяти до семи лет лишения свободы и дополнительным наказанием – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на три года или без такового. Вследствие принятых законодателем изменений и дополнений посредством новеллы в виде части 3 статьи 346 УК РФ вполне логичны вопросы квалификации, наказываемые от пятилетнего до десятилетнего срока лишения свободы осужденному.

¹⁸ Там же.

Коррелировалась также часть 2 статьи 347 УК РФ об уничтожении или повреждении военного имущества по неосторожности, а именно содеянное в вышеперечисленных составах обстоятельствах. Вследствие предпринятых законодателем изменений и дополнений посредством новеллы в виде части 2 статьи 348 УК РФ об утрате военного имущества, совершенного в вышеперечисленных обстоятельствах, наказываемого до семилетнего лишения свободы осужденному военному служащему из-за ненамеренной утраты и (или) уничтожения военного имущества, тем самым отражая наличие у виновного неосторожной формы вины в содеянном.

Заключение

В современных сложных геополитических и социально-экономических условиях имеющееся состояние данной преступности отличается крайне негативной динамикой, интенсивностью, устойчивостью и латентностью. Высокая ее латентность вариативно проявляется в нежелании потерпевшего наказать виновного, отсутствии инициативы расследовать, раскрывать содеянное у вышестоящего командира и эффективности ведомств, военной юстиции по раскрытию и расследованию преступлений военнослужащих и назначению справедливого наказания, а также их предупреждению. Логично предприняты отечественным законодателем столь существенные корреляции уголовного законодательства в сложившейся обстановке СВО, хотя и ожидавшиеся, также криминологически обоснованные исходя из сложной ее решаемости. Полученные в результате проведенного исследования научные и практические результаты позволяют сделать следующие выводы.

Данный вид преступности до настоящего времени отличался существенной минимизацией традиционных специализированных уголовно-правовых норм и новелл, непосредственно предусмотренных в главе 33 УК РФ, за счет все большего распространения общеуголовных норм, возлагающих уголовную ответственность на военнослужащих, тем самым в действительности затрудняя правоприменителям правильную квалификацию содеянного и назначение справедливого наказания виновным. Поэтому для ре-

шения проблем, вызванных усилением характера и степени общественной опасности воинского преступления, во время проведения специальной военной операции законодательно необходимо выделять данные обстоятельства в качестве квалифицированных и особо квалифицированных признаков, увеличивая санкции соответствующих уголовно-правовых норм, обеспечивая максимальную дифференциацию уголовной ответственности. Также законодателю целесообразно при внесении необходимых корреляций использовать более единообразный понятийно-терминологический аппарат при воспроизведении новелл, тем самым унифицируя правоприменительный процесс уголовно-правовых норм.

Поэтому предлагаем законодателю включить в структуру статьи 332 УК РФ новеллу в виде примечаний 1 и 2, чтобы правильно квалифицировать содеянное виновным и назначать справедливое наказание. Так, существенный вред – это нарушение конституционных прав и свобод, имущественный ущерб, тяжкие последствия, предусмотренные частями 2 и 3, заключаются в гибели сослуживца и (или) иного гражданина, уничтожении зданий, сооружений.

Отечественное уголовное законодательство советского периода вполне логично и достаточно научно обосновано признавало согласно статье 264 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. самым тяжким воинским преступлением добровольную сдачу военнослужащего в плен, наиболее сурово наказываемое исключительной мерой в виде смертной казни либо максимально строгим альтернативным наказанием в виде пятнадцатилетнего срока лишения свободы. Соответственно новелла (статья 352¹ УК РФ) требует законодательного усовершенствования во время проведения специальной военной операции. Поэтому законодателю следует изменить структуру статьи 352¹ посредством частей 2, 3 и 4, включив применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; организованной группой, соединенное с угрозой убийства или причинением тяжкого вреда здоровью. Представляется, что

предпринятые корреляции обеспечат дифференциацию уголовной ответственности за данное деяние и ее эффективную реализацию на современном этапе борьбы с преступностью военнослужащих.

Поскольку предшествующее отечественное уголовное законодательство рассматривало мародерство именно в качестве содеянного военнослужащим, поэтому предлагается статью «Мародерство» переместить из структуры ныне действующей главы в главу

33 УК, пронумеровав, продолжив нумерацию предшествующей статьи.

Представляется, что предлагаемые изменения и дополнения позволят эффективно реализовывать уголовную ответственность, правильно квалифицировать содеянное и назначать справедливое наказание виновным, а рекомендуемые новеллы уменьшат количество преступников, что в итоге снизит уровень данной преступности в Российской Федерации.

Список источников

1. Агапов П.В., Закомолдин Р.В., Меркурьев В.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 5-8. <https://doi.org/10.18572/2070-2108-2023-1-5-8>, <https://elibrary.ru/aleebi>
2. Агаркова Н.В. Обстоятельства, генерирующие преступность военнослужащих // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 113-116. <https://elibrary.ru/sznpsz>
3. Агешин А.А. О некоторых особенностях криминалистической характеристики добровольной сдачи в плен военнослужащих // Вестник военного права. 2022. № 3. С. 43-47. <https://elibrary.ru/lpgyqj>
4. Бодаевский В.П., Гутник О.В. Специальные субъекты преступлений против военной службы в уголовном законе Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 2. С. 115-119. <https://elibrary.ru/tmgfwf>
5. Борисенко В.М. и др. Преступления против военной службы. СПб.: Юр. центр Пресс, 2002. 399 с.
6. Бражник Ф.С. Актуальные проблемы совершенствования и применения к военнослужащим норм Общей части уголовного законодательства Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научн. доклада, выполняющего также функции автореф. М.: Воен. ун-т, 1995. 38 с.
7. Ахметшин Х.М., Бражник Ф.С., Зателепин О.К., Петухов Н.А. и др. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. М.: За права военнослужащих, 2004. 304 с.
8. Винокуров А.Ю. О необходимости дальнейшего совершенствования военно-уголовного законодательства Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 12-16. <https://elibrary.ru/ctvjsj>
9. Власенко В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 38-45. https://doi.org/10.52390/20715870_2023_3_38, <https://elibrary.ru/elllyb>
10. Ермолович Я.Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. 288 с.
11. Зателепин О.К. Понятие преступления против военной службы (комментарий к ст. 331 УК РФ). (Вкладка «Военно-уголовное право») // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2002. № 4. С. 1-6.
12. Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики). М.: За права военнослужащих, 2013. 192 с.
13. Землянко О.А., Мельникова Ю.И. Проблемные аспекты квалификации деяний по статье о добровольной сдаче в плен // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 457-464. <https://elibrary.ru/lguix>
14. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих» (постатейный научно-практический комментарий). (Продолжение) // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 1998. № 2. С. 4-9. <https://elibrary.ru/biicxw>
15. Лопатин М.Ю. Неосторожная преступность военнослужащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с. <https://elibrary.ru/qigzsl>
16. Маликов Д.С. Использование понятийного аппарата и норм международного гуманитарного права при квалификации военных преступлений // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 5. С. 5-9. <https://elibrary.ru/rcdxxl>
17. Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих: криминологические и социально-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 40 с. <https://elibrary.ru/ogfncz>

18. Михеев С.В. Уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с. <https://elibrary.ru/nladgv>
19. Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 195-198. <https://elibrary.ru/esrlhw>
20. Мяслицына М.А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 482-488. <https://elibrary.ru/qwogaf>
21. Оноколов Ю.П. О преступности военнослужащих в военное время и в боевой обстановке // Военно-юридический журнал. 2011. № 9. С. 2-5. <https://elibrary.ru/oipuod>
22. Оноколов Ю.П. Возникновение и развитие военно-уголовного законодательства в России до образования российской империи // Военно-юридический журнал. 2015. № 10. С. 18-21. <https://elibrary.ru/uizfwj>
23. Панин А. Юридическая ответственность военнослужащих за невыполнение общих и специальных обязанностей // Военно-юридический журнал. 2009. № 5. С. 2-14. <https://elibrary.ru/kdnrd>
24. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Классификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39-44. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A073>, <https://elibrary.ru/mignyu>
25. Решняк М.Г. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за преступления против военной службы // Современное право. 2023. № 2. С. 78-82. <https://doi.org/10.25799/NI.2023.39.57.015>, <https://elibrary.ru/oljofh>
26. Теуважнев З.А., Корженко В.С. Проблемные аспекты правоприменительной практики по статье 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Добровольная сдача в плен» // Право и управление. 2023. № 2. С. 255-257. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-2-255-257>, <https://elibrary.ru/sguwgq>
27. Титов А.В. Юридическая ответственность за неисполнение общих обязанностей военнослужащих Вооруженных Сил РФ: Проблемы юридической ответственности военнослужащих и военных организаций // Российский военно-правовой сборник № 12: Проблемы юридической ответственности военнослужащих и военных организаций. М.: За права военнослужащих, 2009. Вып. 97. С. 166-170.
28. Торкунов М.А. Закрытость сведений о преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации не способствует укреплению дисциплины и правопорядка в войсках // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2006. № 11 (113). С. 57-60.
29. Шарапов С.Н. Военно-уголовное право в системе отечественного права // Военно-уголовное право. 2007. № 3. С. 113-121.
30. Шарапов С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. 2009. № 1. С. 51-57. <https://elibrary.ru/jyanbr>
31. Шулепов Н.А. Правовые основания и формы реализации уголовной ответственности военнослужащих в Российской Федерации. М., 2001. 198 с. <https://elibrary.ru/rdooit>
32. Шулепов Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с. <https://elibrary.ru/nlxzcz>
33. Фатеев К.В. Об особенностях юридического поведения должностных лиц органов военного управления, связанного с пребыванием на военной службе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в отношении которых возбуждены уголовные дела // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2009. № 12 (150). С. 20-24.

References

1. Agapov P.V., Zakomoldin R.V., Merkur'ev V.V. (2023). On criminal liability for evasion of a call-up for military service by way of mobilization. *Voennno-yuridicheskii zhurnal* [Military Law Journal], no. 1, pp. 5-8. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2070-2108-2023-1-5-8>, <https://elibrary.ru/aleebi>
2. Agarkova N.V. (2014). Circumstances generating crimes committed by military men. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, no. 2 (3), pp. 113-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sznpsz>
3. Ageshin A.A. (2022). On some features of criminalistic characteristics of voluntary surrender military personnel. *Vestnik voennogo prava* [Bulletin of Military Law], no. 3, pp. 43-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lpgyqj>
4. Bodaevskii V.P., Gutnik O.V. (2015). Special subjects of crimes against military service in the criminal law of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 2, pp. 115-119. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmgfwf>

5. Borisenko V.M. et al. (2002). *Prestupleniya protiv voennoi sluzhby* [Crimes against military service]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press, 399 p. (In Russ.)
6. Brazhnik F.S. (1995). *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya i primeneniya k voennosluzhashchim norm Obshchei chasti ugovnogo zakonodatel'tva Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk v forme nauchn. doklada, vypolnyayushchego takzhe funktsii avtoref* [Actual Problems of Improving and Applying to Military Personnel the Norms of the General Part of the Criminal Legislation of the Russian Federation: Dr. habil. (Law) diss. abstr. in the Form of Scientific a Report that also Performs the Functions]. Moscow, Military University Publ., 38 p. (In Russ.)
7. Akhmetshin Kh.M., Brazhnik F.S., Zatepin O.K., Petukhov N.A. et al. (2004). *Voенно-ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [Military Criminal Legislation of the Russian Federation. Scientific and Practical Commentary]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 304 p. (In Russ.)
8. Vinokurov A.Yu. (2023). On the need for further improvement of the military criminal legislation of the Russian Federation in the conditions of the special military operation. *Vestnik voennogo prava* [Bulletin of Military Law], no. 1, pp. 12-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ctvjsj>
9. Vlasenko V.V. (2023). Voluntary surrender (article 352 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of criminal liability and exemption from it. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. no. 3 (151), pp. 38-45. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2023_3_38, <https://elibrary.ru/elllyb>
10. Ermolovich Ya.N. (2014). *Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh* [Differentiation of Criminal Liability of Military Personnel]. Moscow, Yurлитinform Publ., 288 s. (In Russ.)
11. Zatepin O.K. (2002). *Ponyatie prestupleniya protiv voennoi sluzhby (kommentarii k st. 331 UK RF). (Vkladka «Voенно-ugolovnoe pravo»)* [The Concept of a Crime against Military Service (Commentary to Article 331 of the Criminal Code of Russian Federation). (Tab "Military Criminal Law")]. *Pravo v vooruzhennykh silakh – voенно-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, no. 4, pp. 1-6. (In Russ.)
12. Zatepin O.K. (2013). *Ugolovno-pravovoe obespechenie voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii (voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki)* [Criminal Law Provision of Military Security of the Russian Federation (Issues of Theory, Legislation and Practice)]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., Moscow, 192 p. (In Russ.)
13. Zemlyanko O.A., Mel'nikova Yu.I. (2022). Problematic aspects of the qualification of acts under the article on voluntary surrender. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, no. 21, pp. 457-464. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lguix>
14. Kudashkin A.V., Fateev K.V. (1998). *Zakon Rossiiskoi Federatsii «O statuse voennosluzhashchikh» (postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii). (Prodolzhenie)* [The Law of the Russian Federation "On the Status of military personnel" (article-by-article scientific and practical commentary). (Continued)]. *Pravo v vooruzhennykh silakh – voенно-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, no. 2, pp. 4-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/biicxw>
15. Lopatin M.Yu. (2012). *Neostorozhnaya prestupnost' voennosluzhashchikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Reckless Criminality of Military Personnel: PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 32 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qigzsl>
16. Malikov D.S. (2013). Usage of notions and rules of international humanitarian law in qualification of war crimes. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International Criminal Law and International Justice], no. 5, pp. 5-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rcdxxl>
17. Matskevich I.M. (2000). *Prestupnost' voennosluzhashchikh: kriminologicheskie i sotsial'no-pravovye problemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminality of Military Personnel: Criminological and Socio-Legal Problems: PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 40 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogfncz>
18. Mikheenko S.V. (2009). *Ugolovnaya otvetstvennost' za samovol'noe ostavlenie chasti ili mesta sluzhby: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for Unauthorized Abandonment of a Unit or Place of Service: PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 23 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nladgv>
19. Morgulenko E.A. (2023). The issue of criminal liability of persons participating in a special military operation on a voluntary basis. *Voенное pravo = Military Law*, no. 3 (79), pp. 195-198. (In Russ.) <https://elibrary.ru/esrlhw>
20. Myalitsyna M.A. (2022). Evasion of conscription for military service on mobilization: there is responsibility, but there is no norm. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, no. 21, pp. 482-488. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwogaf>
21. Onokolov Yu.P. (2011). *O prestupnosti voennosluzhashchikh v voенное vremya i v boevoi obstanovke* [On the criminality of military personnel in wartime and in a combat situation]. *Voенно-yuridicheskii zhurnal* [Military Law Journal], no. 9, pp. 2-5. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oipuod>

22. Onokolov Yu.P. (2015). Creation and development of the military criminal legislation in Russia before the Russian Empire formation. *Voенno-yuridicheskii zhurnal* [Military Law Journal], no. 10, pp. 18-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uizfwj>
23. Panin A. (2009). Yuridicheskaya otvetstvennost' voennosluzhashchikh za nevypolnenie obshchikh i spetsial'nykh obyazannostei [Legal liability of military personnel for non-fulfillment of general and special duties]. *Voенno-yuridicheskii zhurnal* [Military Law Journal], no. 5, pp. 2-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kdmnrd>
24. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. (2023). Qualification of looting and its' delimitation from other crimes. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the ministry of the Interior of Russia*, no. 1 (64), pp. 39-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A073>, <https://elibrary.ru/mignyu>
25. Reshnyak M.G. (2023). On the issue of improving the criminal legislation on the responsibility of crimes against military service. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], no. 2, pp. 78-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.25799/NI.2023.39.57.015>, <https://elibrary.ru/oljofh>
26. Teuvazhev Z.A., Korzhenko V.S. (2023). Problematic aspects of law enforcement practice under article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "voluntary surrender". *Pravo i upravlenie = Law and Management*, no. 2, pp. 255-257. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-2-255-257>, <https://elibrary.ru/sguwgq>
27. Titov A.V. (2009). Yuridicheskaya otvetstvennost' za neispolnenie obshchikh obyazannostei voennosluzhashchikh Vooruzhennykh Sil RF: Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh i voennykh organizatsii [Legal liability for failure to fulfill general duties of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation: Problems of legal liability of military personnel and military organizations]. *Rossiiskii voенno-pravovoi sbornik № 12: Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh i voennykh organizatsii* [Russian Military Legal Collection No. 12: Problems of Legal Liability of Military Personnel and Military Organizations]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., issue 97, pp. 166-170.
28. Torkunov M.A. (2006). Zakrytost' svedenii o prestupnosti v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii ne sposobstvuet ukrepleniyu distsipliny i pravoporyadka v voiskakh [The secrecy of information about crime in the Armed Forces of the Russian Federation does not contribute to strengthening discipline and law and order in the troops]. *Pravo v vooruzhennykh silakh – voенno-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, no. 11 (113), pp. 57-60. (In Russ.)
29. Sharapov S.N. (2007). Voенno-ugolovnoe pravo v sisteme otechestvennogo prava [Military criminal law in the system of domestic law]. *Voенno-ugolovnoe pravo* [Military Criminal Law], no. 3, pp. 113-121. (In Russ.)
30. Sharapov S.N. (2009). Voенno-ugolovnoe zakonodatel'stvo: novaya definitsiya starogo termina [Military criminal law: a new definition of the old term]. *Voенnoe pravo = Military Law*, no. 1, pp. 51-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jyanbr>
31. Shulepov N.A. (2001). *Pravovye osnovaniya i formy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Basics and Forms of Implementation of Criminal Liability of Military Personnel in the Russian Federation]. Moscow, 198 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rdooit>
32. Shulepov N.A. (2001). Teoreticheskie osnovy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh: dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical Foundations of the Implementation of Criminal Liability of Military Personnel: Dr. habil. (Law)]. Moscow, 365 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nlxczz>
33. Fateev K.V. (2009). Ob osobennostyakh yuridicheskogo povedeniya dolzhnostnykh lits organov voенного upravleniya, svyazannogo s prebyvaniem na voенnoi sluzhbe voennosluzhashchikh, prokhodyashchikh voennuyu sluzhbu po kontraktu, v otnoshenii kotorykh возбужdeny ugolovnye dela [About the peculiarities of the legal behavior of officials of military administration bodies related to the military service of military personnel undergoing military service under a contract, against whom criminal cases have been initiated]. *Pravo v vooruzhennykh silakh – voенno-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, no. 12 (150), pp. 20-24. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 12.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.61/.64+347.44

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>

Шифр научной специальности 5.1.3

Роль правовых стимулов в обеспечении баланса правового регулирования семейных отношений

© ЗАВГОРОДНЯЯ Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены правовые стимулы и их роль в обеспечении баланса на примере правового регулирования семейных отношений. Так, в отношениях важную роль играет оптимизация не только способов правового регулирования данных отношений, но и способов воздействия на поведение его участников, среди которых необходимо выделить правовые стимулы как способы, которые будут являться наиболее лояльными и соответствующими природе и характеру соответствующих отношений. Предметом работы является анализ правового регулирования по волевому взаимодействию субъектов, который предполагает согласование воли юридически равных субъектов праворегулятивной деятельности (договорном, автономном), сущностью которых определяются методы правового регулирования, также предметом будут выступать непосредственно способы воздействия на поведение его участников, среди которых выделяются правовые стимулы (как способы). Приоритет правовых стимулов имеет определяющее значение, поскольку позволяет максимально учитывать интересы субъектов частных отношений. Цель исследования – рассмотреть приоритет правовых стимулов и выявление их, как способов позитивного правового воздействия при балансировании, в частности, правового регулирования семейных отношений. Методологической основой проведенного исследования стали: общие и частнонаучные методы, а именно логический, функциональный, формально-юридический; использованы такие приемы, как описание, анализ, обобщение, абстрагирование. Отмечено, что выбор дополнительного индивидуального договорного способа правового регулирования семейных отношений является определяющим при формировании социально-активного правомерного поведения различных субъектов права, поскольку предоставлена разумная свобода и равенство в выборе правовых средств, возможность установления «индивидуального» правового режима. Регулирование отношений частным способом присуще там, где интерес субъекта тесно связан с личностью, индивидуализирован. Так, стимулом для использования договорного способа регулирования семейных отношений является желание (воля) субъекта «подкрепить» свои правовые гарантии осуществления личных неимущественных прав, что позволяет говорить о сбалансированности правового регулирования данной группы правоотношений в соответствии с интересами супругов, супругов как родителей. Несмотря на несвойственность договорного регулирования личных неимущественных правоотношений супругов в отечественной правовой системе, отмечается, что это не противоречит сути самих правоотношений и принципам права, может играть важную охранительную роль в механизме правового регулирования. Поэтому договорному регулированию свойственна согласованность интересов, которая выступает главным фактором формирования правомерного поведения субъектов права.

Ключевые слова

правовой стимул, воля, интерес, согласованность интересов, баланс интересов, личные неимущественные отношения, семейные отношения

Для цитирования

Завгородняя А.А. Роль правовых стимулов в обеспечении баланса правового регулирования семейных отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 270-278. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>

The role of legal incentives in ensuring the balance of legal regulation of family relations

© Anastacija A. ZAVGORODNIAIA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Abstract

The work is devoted to the consideration of legal incentives and their role in ensuring balance on the example of legal regulation of family relations. Thus, in relationships, an important role is played by optimizing not only the ways of legal regulation of these relationships, but also the ways of influencing the behavior of its participants, among which it is necessary to identify legal incentives as ways that will be the most loyal and appropriate to the nature and nature of the relevant relationship. The subject of the work is the analysis of legal regulation on the volitional interaction of subjects, which involves the coordination of the will of legally equal subjects of legal regulatory activity (contractual, autonomous), the essence of which determines the methods of legal regulation, also the subject will be directly ways to influence the behavior of its participants, among which legal incentives (as methods) are distinguished. The priority of legal incentives is of decisive importance, since it allows taking into account the interests of subjects of private relations as much as possible. The purpose of the work is to consider the priority of legal incentives and identify them as ways of positive legal impact when balancing, in particular, the legal regulation of family relations. The methodological basis of the research was: general and private scientific methods, namely logical, functional, formal and legal; techniques such as description, analysis, generalization, abstraction are used. The work notes that the choice of an additional individual contractual method of legal regulation of family relations is decisive in the formation of socially active lawful behavior of various subjects of law, since reasonable freedom and equality in the choice of legal means, the possibility of establishing an "individual" legal regime are provided. Regulation of relations in a private way is inherent where the interest of the subject is closely related to the personality, individualized. Thus, the incentive for using the contractual method of regulating family relations is the desire (will) of the subject to "reinforce" their legal guarantees of the exercise of personal non-property rights, which allows us to talk about the balance of legal regulation of this group of legal relations in accordance with the interests of spouses, spouses as parents. Despite the inconsistency of contractual regulation of personal non-property legal relations of spouses in the domestic legal system, it is noted that this does not contradict the essence of the legal relations themselves and the principles of law, can play an important protective role in the mechanism of legal regulation. Therefore, contractual regulation is characterized by consistency of interests, which is the main factor in the formation of lawful behavior of legal entities.

Keywords

legal incentive, will, interest, consistency of interests, balance of interests, personal non-property relations, family relations

For citation

Zavgorodniaia, A.A. (2024). The role of legal incentives in ensuring the balance of legal regulation of family relations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 270-278 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-270-278>

Введение. Постановка проблемы

Правовое регулирование по волевому взаимодействию субъектов осуществляется на одностороннем властном уровне и уровне, который предполагает согласование воли юридически равных субъектов праворегулятивной деятельности (договорном, автономном), сущностью которых определяются методы правового регулирования. Тем не менее, конституционный дискурс о балансе частных и публичных интересов предполагает наличие согласования интересов в правообразующей воле государства. Связь между «императивным» и договорным правовым регулированием имеет характер субординации. Прямая связь между односторонне-властным и договорным правовым регулированием проявляется в том, что стороны договора при установлении взаимных прав и обязанностей действуют с учетом предписаний нормативных правовых актов, в которых регламентированы определенные общественные отношения [1, с. 123].

В частном праве в силу специфики регулируемых общественных отношений, которые предполагают согласования интересов сторон, объем договорного регулирования значительно больше, чем в сфере публичного права [1, с. 128]. Регулирующее действие права является одной из форм его воздействия на общественные отношения. Иными формами такого воздействия являются информационно-психологическая, воспитательная, социальная (С.С. Алексеев, В.П. Казимирчук, В.В. Лазарев, Н.И. Матузов и другие ученые).

Одними из общих принципов договорно-регулятивной деятельности признают: партнерство, социальную ответственность, добросовестность, сбалансированность публичных и частных интересов, свободу договора. К специальным принципам реализации договорно-регулятивной деятельности относят: сбалансированность обязательств сторон в договоре; оптимальное сочетание личных (частных) и общественных (публичных) интересов; соответствие договорных правоотношений требованиям нравственности, публичному порядку и т. д. [1, с. 177].

Так, особую специфику в сфере частных отношений, регулируемых правом, имеют семейные отношения. Их односто-

ронне-властное правовое регулирование имеет больше цель охранительно-правовую, воспитательную, в то время как договорные средства обладают всеми теми характеристиками, которые могут воздействовать на семейные отношения наиболее оптимальными способами, определяя социальную ценность и эффективность права.

Результаты исследования

Право на семью как право человека предусмотрено в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни (статья 8 Конвенции). Правовое регулирование семейных отношений осуществляется с целью необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав. Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (части 2, 3 статьи 1 СК РФ). Соответствующие положения отражают роль именно *личных неимущественных благ* в семейных отношениях, которые и составляют их основу и без которых крайне сложна их реализация в соответствии с потребностями участников правоотношений.

Удовлетворение духовных, морально-нравственных потребностей, потребностей физического развития, партнерства, психоэмоциональной безопасности определяют законные интересы участников семейных отношений, реализация которых тесно взаимосвязана с имущественными правами супругов и встречает препятствия, обусловленные индивидуальными психологическими особенностями супругов. В указанных отношениях важную роль играет оптимальное определение не только способов правового регулирования этих отношений, а способов воздействия на поведение его участников, среди которых необходимо выделить правовые стимулы как способы, наиболее лояльные и соответствующие природе и характеру этих от-

ношений. Приоритет правовых стимулов имеет определяющее значение, поскольку позволяет максимально учитывать интересы субъектов частных отношений.

Под влиянием современных мировых тенденций институты семьи и брака претерпели существенные изменения, однако остаются центральными в обществе. Социально-экономические трансформации в России повлияли на духовную, моральную сторону жизни, что отразилось на прочности брака, постоянстве семейных отношений, способах воспитания детей, отношении к материальным благам и их роли в семейных отношениях. Соответственно реализация личных неимущественных прав, которые составляют основу семейных отношений, является актуальной. При установлении правового режима, который бы способствовал активному правомерному поведению, следует обратиться к средствам побуждения к социально-активному правомерному поведению: правовому стимулированию.

Правовые стимулы в теории права являлись предметом исследований А.В. Малько, О.В. Левина, О.А. Шабаева, В.В. Бородинова, С.В. Мирошник, Д.И. Павлинского, а также многих других исследователей с позиции сущности правовых стимулов, влияния на механизм правового регулирования, эффективности стимулирования правовой активности личности. Роль правовых стимулов в семейном праве исследовали И.Ю. Семенова, Ю.Н. Стражевич и др.

Итак, стоит отметить, что *правовым стимулом* признается правовое побуждение к правомерному поведению, создающее удовлетворение потребностей и обеспечивающее интересы субъекта. Наличие правовых стимулов определяет режим содействия. Общими признаками реализации правовых стимулов являются: связь с благоприятными условиями для реализации интересов лица, выражающиеся в обещании предоставления благ, отмене или снижении меры их лишения; информирование лица о расширении объема его возможностей, свободы, поскольку формой правовых стимулов выступают субъективные права, охраняемые законом интересы, льготы, поощрения; формирование положительной правовой мотивации; направленность на повышение положительной активности; на-

правленность на упорядоченное изменение общественных отношений, выполняющих функцию развития социальных связей. Данные признаки характеризуют ценность правовых стимулов [2, с. 94].

Правовые стимулы классифицируются по разным основаниям. Так, в зависимости от элемента нормы права выделяют юридический факт-стимул (закрепляется в гипотезе нормы), субъективное право, охраняемый законом интерес, льготу (содержится в диспозиции). Санкцией нормы права (положительной или отрицательной) могут быть предусмотрены правовые поощрения либо правовые наказания. Поощрение имеет своей целью подкрепление положительного, правомерного поведения, которое характеризует положительную мотивацию субъекта. *Мотивационное влияние права* имеет цель вызывать положительные импульсы к определенному поведению (положительную правовую мотивацию) и устранять или предупреждать появление *негативных импульсов* (отрицательную правовую мотивацию). Различные виды мотивации в праве комбинируются [3, с. 644]. Связь с благом, определяющим потребность личности, в поощрениях и наказаниях имеет различное проявление: при действии правового поощрения субъекту предоставляется определенное благо, а при действии наказания лицо лишается определенного блага. Санкции норм права также могут предусматривать восстановительные и компенсационные меры защиты, определяющие негативную правовую мотивацию.

Правовой стимул имеет преимущественно нормативно-закрепленный характер, действует на сознание человека путем побуждения к социально-полезному, положительному и активному поведению, в результате которого достигается основная его цель: удовлетворение потребностей субъектов социально-полезным способом. В то же время для частного права характерно то, что правовые стимулы в его нормах обычно не санкционируются, а имеют в основном информативный и охранительный характер. Большинство личных неимущественных и имущественных прав не «дарованы» государством, а подверглись правовому регулированию с охранно-правовой и информационно-мотивационной целью. Соответственно правовой стимул оп-

ределяет социально-активное поведение личности и его дополнительную социальную ответственность. В частности, достаточно характерным примером правовых стимулов правоохранного характера в частном праве является право сторон использовать альтернативные способы разрешения споров, которые имеют договорную правовую природу.

В частном праве важным для сбалансированного обеспечения интересов его субъектов является определение сущности и роли правовых стимулов к вступлению в договорные правоотношения или к изменению существующих, а не только к выполнению юридических обязанностей. Личностная потребность, являющаяся материально-правовой (общей) предпосылкой к вступлению в правоотношение, корреспондируется с охраняемым законом интересом или субъективным правом, которое может быть осуществлено благодаря саморегулированию. Идет речь о стимулировании к вступлению или к изменению договорным способом правоотношений, в которых лицо станет носителем субъективного права, которое бы не имело при установленном законом режиме, или оно бы имело другое содержание и границы, не четко определенные способы реализации. Примером может быть соглашение супругов, в котором определяются способы и порядок участия в воспитании ребенка каждого родителя или одного из них, независимо от совместного проживания.

Что касается определения понятия *интереса как правового стимула*, то им является не собственно социальный интерес, а стимул к действию, находящемуся в плоскости воздействия права на общественные отношения. Законный интерес, как и субъективное право, направлен на удовлетворение социальных интересов человека, имеет регулятивную нагрузку, способствует развитию общественных отношений [2, с. 45]. Законные интересы являются средствами правового воздействия, которые воплощают стремление к правомерному способу удовлетворения уже сложившейся потребности лица. При правовом регулировании они приобретают свойства юридического разрешения, что определяет его роль как важного правового стимула. Содержание интереса определяется, прежде всего, стремлением поль-

зоваться благом и обратиться в компетентные органы за его защитой [4, с. 219]. Законные интересы являются важным инструментом удовлетворения личных потребностей каждого лица [5, с. 34]. Так, *законный интерес, как первичный юридический стимул, состоит в неразрывной связи с субъективным правом, определенным как стремление к пользованию материальным и (или) нематериальным благом, которое и опосредуется соответствующим субъективным правом.*

Возможность стать носителем субъективного права определенного содержания является важным стимулом для договорного правового регулирования соответствующих правоотношений. Для личных неимущественных прав характерным является то, что его содержание в законе относительно определено через индивидуальные особенности его носителя или его потребности.

Договоры с личными неимущественными благами часто имеют двойственную правовую природу, а правоотношения могут быть смешанными. В зависимости от того, какие свойства блага удовлетворяют интересы их участников данного правоотношения, они могут приобретать характер имущественных или неимущественных, быть взаимными, однако в силу охранительной функции подобного правового регулирования – безвозмездными. Данные положения характерны и для договорно-правового регулирования правоотношений супругов, а также регулирования родительских отношений.

При установлении ценности и анализе возможностей правового регулирования договором личных неимущественных отношений субъектов семейного права необходимо исходить из системного и бихевиористического подхода, учитывать мотивационное правовое влияние на поведение его субъектов. Учитывая природу отношений между супругами, следует определить способы позитивного правового воздействия на их поведение. В частности, для имущественных прав личные неимущественные права играют роль правовых стимулов и наоборот. Но определяющим выступает то положение, что правомерным является положительное правовое влияние, а также недопустимость ограничения личных имущественных прав. *Правовые ограничения осуществления субъективных*

имущественных прав могут играть роль правовых стимулов для соблюдения прав личного неимущественного характера, но их не ограничивать. Именно этот концепт отражает ценность баланса частных интересов и публичных интересов в наличии нормативных правовых гарантий недопущения ограничений личных неимущественных прав договорными способами правового регулирования.

Семейные договоры не являются, как правило, самостоятельными юридическими фактами, порождающими семейные неимущественные правоотношения [6, с. 3], а направлены на изменение либо на прекращение существующих отношений, осуществление прав и обязанностей [7, с. 49]. Брачно-семейные отношения возникают в связи с потребностями неимущественного характера, поэтому, прежде всего, являются личными неимущественными, а имущественные отношения имеют по отношению к ним обеспечительный характер и могут иметь дополнительное мотивационное правовое влияние.

Положениями статьи 4 СК РФ предусмотрено, что к семейным отношениям, в том числе личным неимущественным и имущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство, если это не противоречит существу семейных отношений.

Определение содержания личных неимущественных отношений супругов и супругов как родителей договорным способом не противоречит их сущности. Поскольку личные неимущественные права супругов и родителей являются относительными по своей сущности, при договорном регулировании определяются способы реализации соответствующих прав и исполнения обязанностей. В частности, в соответствии со статьей 31 СК РФ вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов. На супругов также возлагается обязанность строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. Видение каждым из супругов содержания таких личных неимущест-

венных обязанностей является индивидуальным, корреспондируется с правом другого супруга притязать на соответствующее поведение. Именно для таких случаев регулирования правоотношений договорные способы представляют исключительную ценность. Непривычность подобных способов для национального правосознания, сопряженная с ограничениями, установленными на уровне семейного законодательства, не позволяют реализовать их в правовой реальности, что не соответствует действительным потребностям субъектов брачно-семейных отношений.

Семейным законодательством допускается регулирование договором отдельных правоотношений супругов, родительские правоотношения, однако устанавливаются ограничения, которые, по нашему мнению, необоснованно ограничивают свободу договора. Например, в соответствии с частью 3 статьи 42 СК РФ брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей. Закрепление правового ограничения, в частности, относительно условий брачного договора, которыми определяется целый комплекс брачно-семейных правоотношений, не позволяет использовать возможности правового стимулирования в автономном регулировании таких правоотношений.

Несколько иной подход имеют положения семейного законодательства, определяющие содержание регулирования брачно-семейных отношений, которые возникают между лицами с разным гражданством или местом жительства. В части 2 статьи 161 СК РФ установлено, что при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов друг другу супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате алиментов. Указанное положение является важным в обеспечении баланса частных интересов в связи с распространением межнациональных браков. Законодательство многих государств разрешает договорно-правовое регулирование личных неимущественных отношений [8, с. 363], где обстоятельства лич-

ного неимущественного характера являются юридическими фактами, с которыми стороны договора связывают возникновение, изменение либо прекращение имущественных прав и обязанностей, либо напрямую регулируют личные неимущественные отношения.

Положения, связанные с возможностью регулирования личных неимущественных отношений, справедливы и необходимы для соглашения супругов по поводу определения места жительства ребенка, осуществления права ребенка на свободу передвижения как отдельного соглашения, независимо от совместности проживания супругов, так и отдельных условий брачного договора. Урегулирование подобных вопросов позволит субъектам семейных отношений определить правовые средства, позволяющие реализовать их интересы сбалансированно, в соответствии с их потребностями личного, духовного, культурного характера, а также расставить личные приоритеты, отведя им роль юридических фактов.

Кроме регулирования личных неимущественных прав брачный договор является важным правовым средством, позволяющим подойти к определению имущественных прав супругов в соответствии с их интересами, установить «индивидуальный» имущественный режим супругов. Соответствующий баланс интересов обуславливает, что супругам может быть определен режим общей собственности на часть имущества, личную собственность на все имущество или оставить действующим законный режим, предусмотрев вступление в действие договорного режима после наступления определенного обстоятельства, в частности, развода. Этот режим характерен для брачных договоров в разных вариациях в Германии, Австрии и ряде скандинавских стран (Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции) и называется режим отложенной общности [9, с. 27; 10, с. 320].

Следует также обратить внимание на возможность получения имущественной (денежной) компенсации одним из супругов, которая может быть предусмотрена брачным договором в связи с наступлением обстоятельств, установленных в договоре. В пределах правоотношений, урегулированных брачным договором, соответствующая компенсация может являться либо способом исполне-

ния предусмотренной договором обязанности, либо новацией, либо правовым последствием за нарушения обязанности имущественного или неимущественного характера. С учетом того, что в общетеоретической литературе обосновывается общий подход, в соответствии с которым юридическая ответственность связана с возложением новой, дополнительной юридической обязанности, в отличие от мер защиты, которые направлены на выполнение обязанности, которая была возложена на субъекта ранее, имущественная компенсация за нарушение личных неимущественных прав, установленная брачным договором как возложение на нарушителя невыгодных правовых последствий, основывающихся на условиях договора и заключающихся в замене неисполнения обязанности иной обязанностью, возложении на лицо нарушителя новой дополнительной обязанности (лишении его определенных благ), является одним из видов юридической ответственности.

Заключение

Договорному регулированию свойственна согласованность интересов, которая выступает главным фактором формирования правомерного поведения субъектов права. Это обусловлено предоставленной свободой и равенством в выборе правовых средств, возможностью установления «индивидуального» (частного) правового режима. Договорные способы могут создать режим содействия во многих отраслевых правоотношениях не только с целью охраны частных, но и публичных интересов. Регулирование отношений частным способом присуще там, где интерес субъекта тесно связан с личностью, индивидуализирован. Так, стимулом для использования договорного способа регулирования семейных отношений является желание (воля) субъекта «подкрепить» свои правовые гарантии осуществления личных неимущественных прав, что позволяет говорить о сбалансированности правового регулирования данной группы правоотношений в соответствии с интересами супругов, супругов как родителей. Индивидуальный (частный) выбор способов осуществления субъективного права позволяет соблюдать баланс между потребностями, субъективными правами и юридическими обязанностями субъектов (в данном случае каждого из супругов).

Такие действия личного неимущественного характера, вследствие которых лицо может получить определенное благо, являются стимулом, побуждающим личность к совершению определенных действий. В свою очередь правовые ограничения в виде юридических обязанностей, согласованных и определенных сторонами в семейном договоре, приобретают актуальность при установлении оптимального режима влияния права на поведение другого супруга. Договорное регулирование личных неимущественных правоотношений супругов традиционно не свой-

ственно отечественной правовой системе по сравнению с регулированием родительских личных неимущественных правоотношений. Отметим, что это не противоречит сути самих правоотношений и принципам права, может играть важную охранительную роль в механизме правового регулирования. Установление в договоре супругов порядка осуществления личного неимущественного права, исполнения личной неимущественной обязанности имеет исключительное значение для охраняемых законом интересов каждого из супругов, супругов как родителей.

Список источников

1. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 440 с. <https://elibrary.ru/wjhbbm>
2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Саарбрюккен: Lap Lambert, 2012. 363 с. <https://elibrary.ru/qzekez>
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. С.-Пб. акц. общ. «Слово», 1907. Т. 2. С. 309-656.
4. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. 528 с.
5. Субочев В.В. Законные интересы в механизме правового регулирования / под ред. А.В. Малько. М., 2007. 226 с. <https://elibrary.ru/qxjfgp>
6. Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 23 с. <https://elibrary.ru/nhqvqv>
7. Гривко А.А. Договорное регулирование неимущественных отношений супругов: перспективы развития // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы 6 Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2017. С. 49-51. <https://elibrary.ru/zjmsjb>
8. Сангинова М.А. Проблемы противоречивости личных неимущественных и имущественных отношений института брачного договора // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 362-363. <https://elibrary.ru/ykkinn>
9. Людвиг С.Д. Проблемы признания имущества супругов их личной собственностью // Экономика. Право. Общество. 2020. № 5 (3). С. 27-31. <https://elibrary.ru/pawyli>
10. Александрова М.А., Федорова О.А. Особенности правового режима личного имущества супругов в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 319-333. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.205>, <https://elibrary.ru/pbzczf>

References

1. Bakulina L.T. (2019). *Obshchaya teoriya dogovornogo pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [General Theory Of Contractual Legal Regulation. PhD (Law) diss.]. Moscow, 440 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjhbbm>
2. Mal'ko A.V. (2012). *Stimuly i ogranicheniya v prave: Teoretiko-informatsionnyi aspekt* [Incentives and Restrictions in Law: Information-Theoretic Aspect]. Saarbrücken, Lap Lambert Publ., 363 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzekez>
3. Petrazhitskii L.I. (1907). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, Printing House of Saint-Petersburg Joint-Stock Company "Slovo", vol. 2, p. 309-656. (In Russ.)
4. Marchenko M.N. (executive ed.). (2002). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs: v 3 t.* [General Theory of State and Law. Academic Course: 3 vols.]. Moscow, Zertsalo-M Publ., vol. 3, 528 p. (In Russ.)
5. Subochev V.V. (2007). *Zakonnye interesy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Legitimate Interests in the Mechanism of Legal Regulation]. Moscow, 226 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxjfgp>

6. Chashkova S.Yu. (2014). *Sistema dogovornykh obyazatel'stv v rossiiskom semeinom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Contractual Obligations in Russian Family Law. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 23 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nhqvqv>
7. Grivko A.A. (2017). Dogovornoe regulirovanie neimushchestvennykh otnoshenii suprugov: perspektivy razvitiya [Contractual regulation of non-property relations between spouses: development prospects]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy»* [Proceedings of the 6th International Scientific Conference "Legal Sciences: Problems and Prospects"]. Kazan, Buk Publ., pp. 49-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zjmsjb>
8. Sanginova M.A. (2018). The problem of inconsistency of personal non-property and property relations of the institute of the marriage contract. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, vol. 7, no. 3 (24), pp. 362-363. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykkinn>
9. Lyudvig S.D. (2020). Problems of recognizing spouses' property as their personal property. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economy. Law. Society*, no. 5 (3), pp. 27-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pawyli>
10. Aleksandrova M.A., Fedorova O.A. (2021). Features of the legal regime governing the personal property of spouses in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 12, no. 2, pp. 319-333. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.205>, <https://elibrary.ru/pbzczf>

Поступила в редакцию / Received 29.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 10.04.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-279-293>

Шифр научной специальности 5.1.1

Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

© НЕМЧЕНКО Станислав Борисович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149, <https://orcid.org/0000-0001-9785-6419>, nemchenko-st@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены специализированные международно-правовые акты, регулирующие вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Исследование вышеуказанных правовых актов в сфере международного сотрудничества свидетельствует о готовности арктических государств, участников соответствующих международных договоров, совместно противостоять чрезвычайным ситуациям и их последствиям вне зависимости от геополитических и иных интересов. Нормативные документы и договоры, принятые на международном уровне, задают направление совершенствования национального законодательства арктических государств. В этом контексте все арктические государства выработали собственные стратегии развития, использования и охраны своих арктических территорий. Происходящие изменения в международной политике обуславливают необходимость регулирования Арктики посредством новых международно-правовых документов. Сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования международного сотрудничества в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике о разработке и принятии новой международной Конвенции в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Также указаны основные характеристики и особенности, которым должна соответствовать предлагаемая конвенция для эффективного регулирования обозначенных вопросов. Предло-

жен логичный алгоритм разработки и согласования вышеуказанной новой международной Конвенции с учетом взаимных интересов арктических государств.

Ключевые слова

Арктический регион, чрезвычайные ситуации, спасательная деятельность, международное сотрудничество, международно-правовые соглашения, правотворческая деятельность

Для цитирования

Гавриленко В.А., Немченко С.Б. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 279-293. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-279-293>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-279-293>

International legal regulation of states cooperation in the sphere of prevention and limitation of emergency situations in the Arctic region

© Vladimir A. GAVRILENKO,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

© Stanislav B. NEMCHENKO,

PhD (Law), Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9785-6419>, nemchenko-st@mail.ru

Abstract

The specialized international legal acts regulating the issues of prevention and liquidation of emergency situations in the Arctic region are considered. The study of the above-mentioned legal acts in the international cooperation field indicates the readiness of the Arctic states, parties to relevant international treaties, to jointly confront emergencies and their consequences, regardless of geopolitical and other interests. Normative documents and treaties adopted at the international level set the direction for improving the national legislation of the Arctic states. In this context, all Arctic States have developed their own strategies for the development, use and protection of their Arctic territories. The ongoing changes in international politics necessitate the regulation of the Arctic through new international legal instruments. Scientifically based proposals have been formulated to improve the legal regulation of international cooperation in the emergency prevention and response field in the Arctic on the development and adoption of a new international Convention in the emergency prevention and response field in the Arctic region. The main characteristics and features that the proposed convention must comply with in order to effectively regulate these issues are also indicated. A logical algorithm for the development and coordination of the above-mentioned new international Convention is proposed, taking into account the mutual interests of the Arctic states.

Keywords

Arctic region, emergency situations, rescue activities, international cooperation, international legal agreements, law-making activities

For citation

Gavrilenco, V.A., & Nemchenko, S.B. (2024). International legal regulation of states cooperation in the sphere of prevention and limitation of emergency situations in the Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 279-293 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-279-293>

Введение

Нами исследовано международное законодательство, регулирующее вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Повторим постулат одной из предыдущих публикаций [1, с. 305], что государствами Арктического региона следует считать постоянных членов Арктического совета¹, которыми являются Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия. В настоящее время политика Арктического совета характеризуется препятствованием деятельности Российской Федерации в его рамках и приостановлением всей деятельности организации². Полагаю, что это временное явление, и конструктивная межгосударственная политика будет продолжена. Отметим также, что вся арктическая макрозона находится в центре международной динамики, в которой сопоставляются интересы глобальных и региональных держав, что открыто признается зарубежными учеными [2].

В настоящее время действует ряд международно-правовых документов универсального характера, действующих на всей совокупности морских и океанических акваторий, регулирующих вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В предыдущих публикациях анализированы как вышеуказанные документы [3], так и международное морское сотрудничество в целом [4].

Но Арктический регион имеет свою специфику, которая была отмечена в современных научных трудах [5].

Вышеуказанная специфика требует особых подходов к правовому регулированию, которые также обсуждались на специализированных научных мероприятиях [6].

Для исследования международно-правовых актов, регулирующих вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе, были выра-

ботаны следующие критерии, позволяющие провести их полный и всесторонний анализ.

Во-первых, территориальный критерий, разделяющий акты по территории действия. Возможен универсальный (общемировой) и региональный (учитывающий специфику территории) характер международно-правового акта. В настоящем исследовании рассматриваются только региональные международно-правовые документы, касающиеся Арктического региона.

Во-вторых, содержательный критерий, разделяющий акты по кругу регулируемых вопросов. Рассматривается содержание правовых документов по кругу регулируемых вопросов в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Выделяются акты, комплексно регулирующие совокупность вопросов в полном объеме, и акты, регулирующие отдельные вопросы, такие как поиск и спасание, морские разливы нефти и др.

В-третьих, императивный критерий, разделяющий акты по степени императивности. Императивный и декларативный характер международно-правового акта, состоящий в содержании совокупности взаимных прав и обязанностей. То есть являются ли положения акта обязательными для стран, его подписавших и ратифицировавших, или декларацией о намерениях.

Анализ международного законодательства

Рассмотрим специализированные международно-правовые документы по противодействию чрезвычайным ситуациям на территории Арктического региона.

Илулиссатская декларация была принята 28 мая 2008 г. в г. Илулиссат (Гренландия)³. Настоящую декларацию подписали Российская Федерация, США, Канада, Норвегия и Дания от имени Гренландии.

Основная идея документа в провозглашении ответственности вышеуказанных государств, прибрежных к территории Северного Ледовитого океана, за безопасность и экосистему Арктического региона. Также декларируется сотрудничество вышеуказанных

¹ Арктический совет: сайт. URL: <https://arctic-council.org/ru/> (дата обращения: 20.01.2024).

² Россия завершила председательство в Арктическом совете // Ведомости. 2023. 12 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/05/12/rossiya-zavershila-predsedatelstvo-v-arkticheskom-sovete (дата обращения: 20.01.2024).

³ 2008 Ilulissat Declaration. Arctic Ocean Conference. 2008, May 28. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2008-Ilulissat-Declaration.pdf> (accessed: 20.01.2024).

государств в Арктическом регионе в рамках действующего международно-правового режима для использования Северного Ледовитого океана.

В Илулиссатской декларации прописана необходимость дальнейшего укрепления поисково-спасательных возможностей и потенциала в районе Северного Ледовитого океана для обеспечения надлежащего реагирования государств на любую аварию. Сотрудничество, в том числе по обмену информацией, является необходимым условием для решения данных вопросов. Мы будем работать над обеспечением безопасности жизни на море в Северном Ледовитом океане, в том числе посредством двусторонних и многосторонних соглашений между соответствующими государствами.

Помимо вышеуказанных общих утверждений, настоящая декларация не конкретизирует вопросы международного сотрудничества в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

По территории действия Илулиссатская декларация имеет региональный характер в рамках исключительно Арктического региона. По кругу регулируемых вопросов предметом настоящей декларации прописаны вопросы ответственности за безопасность и экосистему Арктического региона, в частности, декларируется необходимость укрепления поисково-спасательных возможностей для реагирования на чрезвычайные ситуации.

По степени императивности настоящий документ имеет рамочный характер, который выражается только в обозначении общего содержания вопросов и не содержит конкретных процедур их разрешения, по сути, представляя собой протокол о намерениях.

Соглашение о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации было заключено 11 декабря 2008 г. между правительствами ряда государств – членов СБЕР⁴ (Совет Баренцева / Евроарктического региона)⁵. Отметим, что Соглашение заключено и

ратифицировано только Российской Федерацией, Норвегией, Финляндией и Швецией, то есть не всеми государствами, входящими в СБЕР. Другие государства – члены организации, такие как Дания и Исландия, данный документ не ратифицировали. Настоящее Соглашение вступило в силу для Российской Федерации 17 мая 2012 г.

Важно отметить, что в настоящее время Российская Федерация вышла из СБЕР, о чем 18 сентября 2023 г. заявило Министерство иностранных дел Российской Федерации⁶. Причиной является факт, что деятельность организации фактически парализована, и Финляндия, являющаяся председателем СБЕР, не подтвердила готовность передать России руководство в организации в октябре 2023 г. в нарушение установленного принципа ротации.

Предметом рассматриваемого Соглашения является сотрудничество в области предотвращения, обеспечения, готовности и реагирования в отношении чрезвычайных ситуаций на территории Баренцева / Евроарктического региона. Причем прописываются конкретные регионы в государствах, подписавших Соглашение (статья 1).

Организован совместный комитет для реализации настоящего соглашения, который состоит из представителей государств-подписантов. Председательство в совместном комитете определяется на основе ежегодной ротации (статья 4).

Предусматривается организация контактных пунктов, действующих 24 часа в сутки, для передачи уведомлений и запросов о помощи в случае возникновения чрезвычайной ситуации (статья 5). Также прописаны процедуры уведомления сторон о чрезвычайных ситуациях (статья 6), запросов об оказании помощи (статья 6), пересечения границ (статья 7), оперативного управления в зоне чрезвычайной ситуации (статья 8), компенсации расходов сторон при проведе-

ского региона (СБЕР) о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации от 11.12.2008. URL: <https://docs.entd.ru/document/902187674> (дата обращения: 20.01.2024).

⁶ Заявление МИД Российской Федерации о выходе России из Совета Баренцева / Евроарктического региона. 2023. 18 сент. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1904899/ (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Совет Баренцева / Евроарктического региона. Сотрудничество в Баренцевом / Евроарктическом регионе. URL: <https://barents-council.org> (дата обращения: 20.01.2024).

⁵ Соглашение между правительствами государств – членов Совета Баренцева / Евроарктиче-

нии операций по чрезвычайному реагированию (статья 13) и страхование таких операций (статья 14).

Кроме того, предусмотрено проведение совместных учений, тренировок и прочих мероприятий в целях повышения эффективности и оперативности чрезвычайного реагирования (статья 2).

Справедлива следующая оценка настоящего Соглашения, высказанная учеными – специалистами по международному праву В.Н. Конышевым и А.А. Сергуниным: «Несомненным достоинством данного соглашения является то, что оно касается всех видов ЧС и не только на море, но и на суше и в воздушном пространстве. В то же время оно было заключено только четырьмя государствами (даже не всеми членами СБЕР), которые входят в регион Баренцева моря (Россия, Норвегия, Финляндия и Швеция), то есть касалось далеко не всех Приарктических государств, и потребность в соглашении, охватывающем более широкий круг арктических стран, не отпала» [7, с. 40].

Несмотря на позитивную оценку настоящего Соглашения, следует указать, что оно регулирует ряд вопросов в ограниченном объеме, не учитывая всей совокупности обстоятельств. Процедуры взаимодействия сторон при реагировании на чрезвычайные ситуации прописаны рамочно и нуждаются в конкретизации. На практике данные процедуры будут регулироваться национальными законами государств.

Отметим, что по территории действия рассмотренное Соглашение имеет региональный характер в рамках исключительно Арктического региона. Кроме того, оно подписано и ратифицировано не всеми арктическими государствами, что делает невозможным его использование и применение в общем масштабе Арктического региона.

По кругу регулируемых вопросов настоящий документ имеет рамочный характер, что выражается в регулировании вопросов в ограниченном объеме, не учитывая всей совокупности процедуры предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации.

По степени императивности настоящее Соглашение носит обязательный характер для стран, ее подписавших и ратифицировавших.

Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, подписанное 12 мая 2011 г. в г. Нуук (Гренландия)⁷ государствами – членами Арктического совета, такими как: Российская Федерация, Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция. Кроме того, Соглашение подписали представители Гренландии и Фарерских островов, являющихся самоуправляемыми территориями Дании.

Главным направлением настоящего Соглашения выступает координация сотрудничества при осуществлении авиационных и морских поисково-спасательных операций на территории, подконтрольной государствам-участникам (статья 2). Также были разграничены поисково-спасательные районы Арктики и установлены зоны ответственности каждого государства-участника (статья 3, Приложение). Установлены компетентные органы и ведомства государств-участников (статьи 4–6, Дополнения 1–3), прописаны основные процедуры проведения спасательных операций (статья 7) и международного взаимодействия (статьи 8–11).

В преамбуле Соглашения указано, что она не противоречит, а уточняет применение в Арктическом регионе Международной конвенции по поиску и спасанию на море 1979 г. (САР-79)⁸, Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция, 1944)⁹, а также Руководства по международному авиационному и морскому поиску и спасанию (IAMSAR (МАМПС))¹⁰. Вы-

⁷ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Подписано в г. Нуук (Гренландия) 12.05.2011. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902395150> (дата обращения: 20.01.2024).

⁸ Международная конвенция по поиску и спасанию на море от 27.04.1979 (САР-79). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824783> (дата обращения: 20.01.2024).

⁹ Конвенция о международной гражданской авиации от 07.12.1944 (Чикагская конвенция). Приложение № 12 «Поиск и спасание». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁰ Руководство по международному авиационному и морскому поиску и спасению (Руководство МАМПС). International aeronautical and maritime search and rescue manual (IAMSAR). Разработано совместно Международной морской организацией (ИМО) и Международной организацией гражданской авиации (ИКАО). Издание 2016 года. URL: <https://www.msun.ru/dir/us/files/IAMSAR.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

шеуказанные документы носят универсальный характер и применяются странами – подписантами на всей совокупности морской акватории. Рассматриваемое Соглашение уточняет вопросы спасательной деятельности, учитывая специфику Арктического региона.

Значение настоящего Соглашения заключается не только в развитии международного сотрудничества в сфере проведения спасательных операций, а следовательно, борьбы с последствиями чрезвычайных ситуаций, но и в том факте, что оно было первым международно-правовым документом, принятым в рамках Арктического Совета (АС).

Согласимся, что исследуемое Соглашение, характеризующееся обязательной силой для всех участников, «существенно подняло авторитет АС и способствовало его дальнейшему превращению из регионального дискуссионного форума в полноценную международную организацию» [7, с. 41].

Отмечается, что «характерной положительной тенденцией развития договорно-правового регулирования является осознание странами региона значимости вопросов охраны человеческой жизни в чрезвычайных климатических и метеорологических условиях» [8, с. 139].

Но, имеет место обоснованная скептическая оценка исследуемого Соглашения. В частности, представители канадской юридической науки считают, что оно «скромно во всех отношениях»¹¹. Его назначение в том, чтобы обмениваться информацией о поисково-спасательных возможностях каждого государства, оказывать помощь другим государствам в спасательных операциях (если соответствующие национальные службы не справляются с ситуацией), проводить совместные учения в целях взаимодействия между соответствующими службами государств.

Высказывалось обоснованное мнение о трудностях межгосударственного взаимодействия и обмена информацией, поскольку во многих арктических государствах вопросы поисково-спасательных операций в какой-то степени относятся к подведомственности во-

енных, которые, как правило, неохотно предоставляют ведомственную информацию. Причем ряд государств – участников Соглашения входит в состав блока НАТО, а часть нет. По мнению ученых, это также затрудняет взаимодействие¹².

Российские ученые исследователи Э.Л. Коршунов и А.А. Михайлов говорят, что текущая ситуация в мире «свидетельствует о применяемой на геополитической арене практике «двойных стандартов» и подчеркивает важность соблюдения норм международного права всеми участниками процесса освоения Арктики» [9, с. 106]. Зарубежные ученые также отмечали «возрастание противоречий и столкновения интересов разных арктических стран, но прежде всего США и России» [10, р. 21].

В настоящее время в связи с политическими сложностями поставленный вопрос приобретает большую актуальность и будет рассмотрен в финальной части настоящего исследования.

По территории действия рассмотренное Соглашение имеет региональный характер в рамках исключительно Арктического региона.

По кругу регулируемых вопросов настоящее Соглашение регулирует только отдельные вопросы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Оно специфическое и не обладает универсальным характером, рассматривая только один вид реагирования в борьбе с последствиями чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

По степени императивности настоящее Соглашение носит обязательный характер для стран, ее подписавших и ратифицировавших.

Соглашение о сотрудничестве в области готовности на случай морских нефтяных разливов в Арктике и борьбы с ними от 15 мая 2013 г. Подписано в шведском г. Кируна в ходе восьмой министерской сессии Арктического совета представителями Российской Федерации, Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Финляндии, Швеции¹³.

¹² Ibid.

¹³ Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Подписано в г. Кирун (Швеция) 15.05.2013. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 20.01.2024).

¹¹ Charron Andrea. Northern rescue: Canadian responsibilities to the Arctic SAR agreement // Vanguard. 2013. March 18. URL: <https://vanguardcanada.com/northern-rescue-canadian-responsibilities-arctic-sar-agreement/> (accessed: 20.01.2024).

Кроме настоящего Соглашения было также принято так называемое «Практическое руководство» (Дополнение 4 к Соглашению), которое содержит подробное описание технических способов реализации Соглашения, но представляет собой факультативное приложение без юридической обязательной силы.

Настоящее Соглашение олицетворяет так называемую региональную модель взаимодействия государств, в рамках которой, по мнению зарубежного ученого Ю. Танака, «роль универсальных договоров существенно ограничена, и противодействие загрязнению морской среды осуществляется преимущественно на базе региональных соглашений» [11, р. 346-347].

Следует указать, что Соглашение предусматривает комплекс мероприятий по реагированию на произошедшие чрезвычайные ситуации в виде разливов нефти в Арктическом регионе. Вопросы предупреждения и предотвращения указанных чрезвычайных ситуаций соглашение не содержит.

Соглашение (статья 2) оговаривает территорию его действия, а именно морские районы, в отношении которых соответствующее государство-участник в соответствии с международным правом осуществляет суверенитет, суверенные права или юрисдикцию, включая его внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф.

В юридической литературе отмечается следующее: «что касается делимитации морских пространств в данном государстве, то она применима к инцидентам, вызывающим загрязнение нефтью, которые происходят в любом морском районе или могут представлять угрозу для любого морского района, в отношении которого государство, правительство которого является Стороной настоящего Соглашения» [8, с. 140].

Соглашение (статья 4) оговаривает обязательства сторон по реагированию на инциденты, вызывающие загрязнение нефтью. Государства-участники создают и поддерживают в готовности национальную систему быстрого и эффективного реагирования на вышеуказанные инциденты, предусматривающую наличие определенного механизма выполнения чрезвычайных мероприятий по обеспечению готовности к реагированию на

инциденты, вызывающие загрязнение нефтью. Например, обеспечивать минимальное количество размещаемого в заранее определенных местах оборудования для борьбы с разливами нефти, соответствующего имеющемуся риску, а также программы его использования, программу учений и планы по реагированию на инциденты, механизм или договоренность о координации реагирования на инциденты с возможностью, если необходимо, мобилизации необходимых ресурсов.

Соглашение (статья 6) определяет порядок действий сторон в случае получения информации о загрязнении или возможном загрязнении нефтью, закрепляет обязанность уведомлять другие государства, интересы которых затронуты или могут быть затронуты соответствующим инцидентом.

Соглашение не содержит обязательств, которые выходят за пределы действующего национального законодательства его участников. Основная цель Соглашения в организации и содействии полезному и эффективному сотрудничеству государств Арктического региона в вопросах оперативного реагирования на разливы нефти и устранение их последствий.

Подразумевается, что государства – участники Соглашения должны организовать собственную систему оперативного и эффективного реагирования на инциденты, вызывающие загрязнение нефтью.

Следует указать, что в «Практическом руководстве» (Дополнение 4 к Соглашению) содержатся положения, регулирующие сотрудничество государств, координацию и взаимное предоставление помощи в целях обеспечения готовности к реагированию на инциденты и ликвидации последствий загрязнения нефтью морской акватории Арктического региона.

Настоящее «Практическое руководство» регламентирует следующие позиции, указанные далее. Система и форма уведомлений, запросов о помощи и предоставления иной необходимой информации; оказание помощи, а также координация сотрудничества в операциях по реагированию на инциденты с участием двух и более сторон, в том числе на территориях вне юрисдикции государств; трансграничное перемещение и вывоз ресурсов; процедуры проведения совместного анализа

рассмотрения операций по реагированию на инциденты, вызывающие загрязнение нефтепродуктами; процедуры проведения совместных учений и подготовки к ним; возмещение расходов, связанных с оказанием помощи.

Оценивая настоящее Соглашение, приведем мнение ученых В.Н. Конышева и А.А. Сергунина: «Документ в целом имеет весьма общий характер и, по существу, больше походит на протокол о намерениях, чем на полноценный международный договор. Конкретные формы и глубина реализации соглашения оставляются на усмотрение государств-участников. Вся конкретика выводится в приложения, большинство которых тут же объявляется необязательной частью соглашения, подлежащей постоянному согласованию на добровольной основе участниками соглашения» [7, с. 43].

Действительно, вышеуказанное «Практическое руководство» не имеет обязательной юридической силы, и выполнение его положений зависит от доброй воли органов государственной власти стран, подписавших Соглашение.

Кроме того, в юридической литературе отмечается следующая проблема. «Из-за существенных различий в организации национальной системы быстрого реагирования на случаи загрязнения нефтью (в одних странах за все функции отвечают одни и те же органы, в других – разные; в одних странах борьба с разливами нефти и другими ЧС – компетенция военных и полумонопольных органов, в других – сугубо гражданских учреждений) непонятны процедуры уведомления об инцидентах и организации запросов о помощи» [7, с. 44].

Согласимся, что особенности и различия упомянутых систем быстрого реагирования и борьбы с чрезвычайными ситуациями разных государств не являлись предметом рассмотрения и регулирования настоящего Соглашения.

По территории действия рассмотренное Соглашение имеет региональный характер в рамках исключительно Арктического региона.

По кругу регулируемых вопросов настоящее Соглашение регулирует только отдельные вопросы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Оно специфическое и не об-

ладает универсальным характером, рассматривая только один вид чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

По степени императивности настоящее Соглашение, в основной его части, носит обязательный характер для стран, его подписавших и ратифицировавших. Вместе с тем конкретные положения, регулирующие межгосударственное сотрудничество и координацию деятельности, содержатся в «Практическом руководстве», которое не имеет обязательной юридической силы и носит диспозитивный характер.

Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества от 11 мая 2017 г. подписано в г. Фэрбанкс (Аляска)¹⁴ представителями Российской Федерации, Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Финляндии, Швеции.

Основными целями настоящего Соглашения можно назвать укрепление сотрудничества между государствами Арктического региона в области научной деятельности, охраны окружающей среды, устойчивого использования ресурсов и смягчения последствий изменения климата (Пreamбула, статья 2). Соглашение содержит положения, включающие государственную помощь в проведении научных работ в Арктике, в том числе допуск иностранных ученых к проведению исследований (статьи 4–7).

Актуальность вышеуказанных вопросов не подлежит сомнению, поскольку «ключевое место в арктической повестке дня стала занимать проблема изменения климата и его последствий» [12, р. 5]. «Уникальная арктическая природа испытывает беспрецедентные изменения и подвергается серьезным угрозам вследствие расширения масштабов судоходства и рыболовства, добычи нефти и газа» [13, р. 5].

Справедливо высказывание, что развитие Арктического региона осуществляется «на основе передовых разработок с опорой на научно-исследовательскую деятельность при международном участии» [14, с. 16].

Рассматриваемое Соглашение непосредственно не затрагивает вопросы международ-

¹⁴ Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества. Подписано в г. Фэрбанкс (Аляска) 11.07.2017. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542624227> (дата обращения: 20.01.2024).

ного сотрудничества в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике. Вместе с тем на основании данного соглашения можно проводить научные исследования и разработку новых международно-правовых документов в указанной сфере.

По территории действия рассмотренное Соглашение имеет региональный характер в рамках исключительно Арктического региона.

По кругу регулируемых вопросов настоящий документ имеет рамочный характер, что выражается в регулировании вопросов в ограниченном объеме, не учитывая всей совокупности обстоятельств международно-арктического научного сотрудничества.

По степени императивности настоящее Соглашение носит обязательный характер для стран, ее подписавших и ратифицировавших. Вместе с тем значительная часть положений указанного документа носит декларативный характер и не влечет конкретных обязательств.

Результаты исследования

Проведенное исследование вышеуказанных международных нормативных правовых актов позволило выявить отсутствие в настоящее время единой и полноценной международной конвенции, регулирующей вопросы международного сотрудничества в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

Согласно Концепции развития Арктического права, в которой «изложены система и вопросы взаимодействия международно-правовых и национально-правовых инструментов регулирования Арктики» [15, с. 26], в целом «до настоящего времени отсутствует региональное соглашение, которое устанавливало бы общие международно-правовые рамки сотрудничества между арктическими государствами» [16, с. 26-27].

Выявлены следующие особенности и недостатки действующих международных нормативных правовых актов, рассмотренных в настоящем исследовании:

1) документ регулирует отдельные вопросы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

Например, Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спа-

сании в Арктике (Нуук, 12.05.2011), Соглашение о сотрудничестве в области готовности на случай морских нефтяных разливов в Арктике и борьбы с ними (Кирун, 15.05.2013);

2) документ рамочного характера и регулирует вопросы в ограниченном объеме, не учитывая всей совокупности обстоятельств.

Например, Соглашение по укреплению международного научного арктического научного сотрудничества от 11 июля 2017 г.;

3) документ рамочного характера, который только обозначает общее содержание вопросов и не содержит конкретных процедур их разрешения, по сути, представляя собой протокол о намерениях.

Например, Илулиссатская декларация от 28 мая 2008 г.;

4) документ носит рекомендательный характер и не содержит императивных требований к его исполнению.

Например, Илулиссатская декларация от 28 мая 2008 г., Практическое руководство – дополнение № 4 к Соглашению о сотрудничестве в области готовности на случай морских нефтяных разливов в Арктике и борьбы с ними от 15 мая 2013 г.;

5) документ подписан и ратифицирован не всеми арктическими государствами, что делает невозможным его использование и применение в общем масштабе Арктического региона.

Например, Соглашение между правительствами государств – членов СБЕР о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации от 11 декабря 2008 г., Илулиссатская декларация от 28 мая 2008 г.

Необходимо обратить внимание, что рассмотренные в настоящем исследовании международно-правовые акты в совокупности и по отдельности регулируют вопросы предупреждения и ликвидации не всего объема чрезвычайных ситуаций, характерных для Арктического региона.

Полная совокупность возможных источников чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне была сформулирована в документе «Методические рекомендации по организации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления при ликвидации чрезвычайных ситуаций» МЧС

России от 17 апреля 2015 года¹⁵ (далее Методические рекомендации).

Например, Методические рекомендации в пункте 5.7.1 предусматривают опасность радиационного загрязнения Арктических территорий в связи с деятельностью атомного флота, затоплением радиоактивных отходов, проводимых ранее испытаниях ядерного оружия.

В научном сообществе также отмечается опасность разрушения ледяного покрова Арктики и перемещение больших и опасных для судоходства кусков льда по океанической акватории [17].

Вышеуказанные вопросы не урегулированы международно-правовыми актами в полном объеме в отношении Арктического региона.

Многие из исследованных международно-правовых актов характеризуются двумя и более из приведенных выше особенностей и недостатков. Необходимы новые четкие и понятные ориентиры и принципы правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Справедлива точка зрения, высказанная в Концепции развития Арктического права: «Слабость регионального подхода к международно-правовому регулированию проявляется в том, что указанные международные договоры посвящены только отдельным вопросам защиты окружающей природной среды Арктики, в то время как иные важные вопросы регионального характера не урегулированы. Потенциал развития международного арктического права на основе согласованного подхода арктических государств пока реализован лишь в незначительной мере» [16, с. 24].

Объективно мнение ученых-юристов, что освоение Арктического региона «не может быть успешным без разработки нормативных регуляторов, определяющих условия и порядок осуществления многостороннего межгосударственного сотрудничества в Арктике» [18, с. 149].

¹⁵ Методические рекомендации по организации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления при ликвидации чрезвычайных ситуаций МЧС России: протокол Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности от 17.04.2015 № 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420359157> (дата обращения: 20.01.2024).

Предложения

Авторы рекомендуют разработать и принять новую международную Конвенцию в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Представляется верным, что основа регулирования межгосударственных взаимоотношений «заключается в разработке направлений и выборе инструментов государственной политики в Арктическом регионе» [19, р. 438].

Вышеуказанная Конвенция – единый документ, регулирующий в полном объеме совокупность вопросов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Замена и дополнение ряда вышеуказанных конвенций единым международно-правовым документом позволит оптимизировать деятельность по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе, создать единые правила и стандарты указанной деятельности и устранить противоречия правового регулирования.

Новая международная Конвенция может объединить все достоинства международно-правовых документов, рассмотренных в настоящем исследовании, и преодолеть недостатки, указанные выше.

В проекте новой Конвенции рекомендуется отразить следующие особенности.

1) Конвенция носит обязательный характер для государств, ее подписавших и ратифицировавших. Нормы Конвенции имеют императивный, а не рекомендательный характер.

2) Конвенция содержит единые и общепризнанные принципы и подходы сторон к вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

3) Конвенция регулирует совокупность вопросов о предупреждении и ликвидации всех видов чрезвычайных ситуаций, то есть не ограничивается отдельными видами чрезвычайных ситуаций и отдельными вопросами их предупреждения и ликвидации. Конвенция носит универсальный характер.

4) Конвенция регулирует вопросы предупреждения и ликвидации всех видов чрезвычайных ситуаций исключительно в Арктическом регионе, то есть является локаль-

ной и учитывает непосредственно специфику Арктики.

Для закрепления в Конвенции совокупности возможных источников чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе рекомендуется использовать опыт и лучшие практики Российской Федерации. В частности, перечень источников чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации, ставший предметом рассмотрения Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности¹⁶.

5) Конвенция может имплементировать положения международно-правовых документов, как рассмотренных в настоящем исследовании, так и иных, если имеется на то необходимость.

6) Конвенция может ссылаться на положения международно-правовых документов, как рассмотренных в настоящем исследовании, так и иных.

7) Конвенция предусматривает оперативный и четкий порядок взаимодействия государств и государственных ведомств по уведомлениям о чрезвычайных ситуациях, запросам помощи, совместному участию в операциях и мероприятиях.

8) Рекомендуется обратить особое внимание на процедуру взаимодействия военных ведомств и правоохранительных органов, которые традиционно настороженно относятся к межгосударственному взаимодействию. Рекомендуется признать, что вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, особенно связанные со спасением людей, имеют большую важность, чем бюрократические интересы.

9) Предлагается предусмотреть в Конвенции деятельность координационных организаций в каждом государстве Арктического региона по аналогии с Соглашением о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (Нуук, 12.05.2011).

¹⁶ Методические рекомендации по организации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления при ликвидации чрезвычайных ситуаций (пункт 5.7.1) (утв. решением Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности. Протокол от 17.04.2015 № 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420359157> (дата обращения: 24.01.2024).

10) Возможно предусмотреть в Конвенции организацию и учреждение международной координационной организации для обеспечения взаимодействия органов и ведомств арктических государств по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Целесообразно дальнейшее исследование указанного вопроса при разработке Конвенции.

11) Конвенция уважает суверенитет арктических государств над своей арктической территорией. Отметим, что в настоящее время отсутствует единство в позициях о международно-правовом режиме в Арктическом регионе, который должен соответствовать интересам арктических государств, в первую очередь. В процессе разработки Конвенции рекомендуется предпринять усилия по урегулированию спорных вопросов и закреплению результатов в приложениях к Конвенции.

12) Предлагается предусмотреть в одном из приложений к Конвенции районы ответственности государств – участников в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций по аналогии с Соглашением о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (Нуук, 12.05.2011). Процедура распределения не должна касаться спорных территориальных вопросов в Арктике, а только ответственности государств за мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

13) Рекомендуется предусмотреть общий международный страховой механизм для компенсации последствий и ущерба от чрезвычайных ситуаций. Обратим внимание на принципиальную возможность урегулирования споров об указанной компенсации не только в претензионном и судебном порядке, но и процедурой коммерческого арбитража, как негосударственного правосудия [20, с. 9]. Страховые правоотношения как в общем, так и в сфере возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций также, при необходимости, могут разбираться как в рамках государственной юстиции, так и посредством арбитражных процедур [21, с. 13].

Способы решения поставленных вопросов

В целях организации разработки, подписания и принятия новой международной

Конвенции в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе предлагаются следующие организационные действия.

1) Возможно использование в качестве площадок для разработки Конвенции, а также согласования интересов арктических государств, международных организаций, действующих в Арктическом регионе. Например, Арктического совета.

Представляется обоснованной точка зрения одного из ведущих ученых-юристов России, президента Российской ассоциации международного права А.Я. Капустина: «Важно продолжать работу по координации международных усилий, используя для этого все формы международного сотрудничества. В этом смысле надежды возлагаются на работу Арктического совета, в том числе по координации законодательной деятельности» [22, с. 43].

Констатируем на сегодняшний день объективные сложности в эффективном использовании Арктического совета как площадки межгосударственного сотрудничества по причине неконструктивной политики ряда стран – членов организации в отношении инициатив Российской Федерации. Возможно использование дипломатических каналов Министерства иностранных дел Российской Федерации для взаимодействия с государствами Арктического региона. Посольства Российской Федерации функционируют во всех вышеуказанных государствах и способны обеспечить взаимодействие по реализации предлагаемой инициативы.

2) Возможно также использование в качестве площадок для разработки предлагаемых документов, а также сотрудничества юридического и политического научного сообщества международных арктических научных и исследовательских организаций. Например, Международный арктический научный комитет (IASC) и Международная научная инициатива в Арктике (ISIRA).

3) Возможно проявление инициативы Министерства иностранных дел Российской Федерации, состоящей в обращении к государствам Арктического региона и вышеуказанным международным арктическим организациям, с предложением организовать совместную деятельность по разработке, подписанию и принятию предлагаемой Конвенции.

Справедлива позиция Концепции развития Арктического права, утверждающая, что «перед Россией как крупнейшей арктической державой, имеющей многовековой опыт правового регулирования Арктики, открывается возможность создавать и продвигать передовые правовые образцы в международном арктическом сотрудничестве» [16, с. 27].

4) Вышеуказанная инициатива является актом доброй воли и служит целям обеспечения международного сотрудничества и безопасности. Несмотря на политические сложности между арктическими государствами, вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются актуальными для всех стран. Эффективное сотрудничество и взаимодействие в решении указанных вопросов означает спасенные человеческие жизни и предотвращение значительного экологического и материального ущерба. Следовательно, ответственная политика арктических государств заключается в сотрудничестве в данных вопросах, не акцентируя внимание на противоречиях в других сферах.

Согласимся со следующим мнением представителей научного сообщества: «Выработка единых международных подходов к вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе может стать основой для формирования необходимой нормативно-правовой базы в виде международных стандартов, которые позволят эффективно использовать имеющийся опыт и знания личного состава спасательных подразделений» [23].

5) Наилучшей ситуацией можно считать подписание вышеуказанной Конвенции всеми государствами Арктического региона и их участие в ее разработке и согласовании. Вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются всеобщими, и их разрешение будет затруднено без участия одного или более арктического государства. Ведущая роль для организации и поддержания международного сотрудничества принадлежит Министерству иностранных дел Российской Федерации и министерствам иностранных дел других стран Арктического региона.

Заключение

В итоге сформулируем выводы о целесообразности разработки и принятия новой ме-

ждународной Конвенции в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе в качестве единого документа, регулирующего в полном объеме совокупность вопросов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике. Данная Конвенция должна включать в себя следующие положения, такие как: единые общепризнанные принципы и подходы в вопросах предупреждения и ликвидации всех видов арктических чрезвычайных ситуаций; порядок взаимодействия государств и государственных, военных, правоохранительных и координационных органов; порядок уведомления о чрезвычайных ситуациях; запро-

сы помощи; совместное участие в операциях и мероприятиях; привлечение к ответственности лиц, создавших чрезвычайную ситуацию или опасность ее возникновения.

В настоящее время отсутствует единая и полноценная международная Конвенция, регулирующая вышеуказанные вопросы. Действующие международно-правовые акты не всегда учитывают специфику Арктического региона, регулируют отдельные вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, имеют рекомендательный или рамочный характер (протокол о намерениях), подписаны и ратифицированы не всеми арктическими государствами.

Список источников

1. *Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuuy>
2. *Sellari Paolo.* Svalbard: frontiera Artica // Bollettino Della Società Geografica Italiana Roma. Serie XIII. 2016. Vol. 9. P. 469-489.
3. *Гавриленко В.А., Головейко И.В.* Международно-правовое регулирование спасательной деятельности на море в современный период // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). С. 83-88. <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-1-83-88>, <https://elibrary.ru/uipbkcd>
4. *Gavrilenko V., Rusli M.H.M., Mohamad R.* Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 2 (55). С. 37-41. <https://elibrary.ru/kjjqex>
5. *Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А.* Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике (обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2016. № 6. С. 102-115. <https://elibrary.ru/wdclyh>
6. *Немченко С.Б., Смирнова А.А.* Формирование законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (обзор материалов «круглого стола») // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 6-21. <https://elibrary.ru/awrcik>
7. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Сотрудничество Приарктических государств в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и поисково-спасательных работ: проблемы и перспективы // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 34-56. <https://elibrary.ru/sanjff>
8. *Авхадеев В.Р.* Многосторонние международные соглашения, регулирующие правовой режим Арктики // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 135-143.
9. *Кориунов Э.Л., Михайлов А.А.* Арктика в свете международного права: военный аспект // Российская Арктика – территория права: альманах. Вып. II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. Москва; Салехард: Юриспруденция, 2015. С. 97-106.
10. *Borgerson S.* The great game moves North: as the Arctic melts, countries vie for control // Foreign Affairs. 2013. № 141. P. 14-29.
11. *Tanaka Y.* Four models on interaction between global and regional legal frameworks on environmental protection against marine pollution: the case of marine Arctic // Ocean Yearbook. 2016. Vol. 30. № 1. P. 345-376. <https://doi.org/10.1163/22116001-03001014>
12. *Nilsson A.E.* A changing arctic climate: Science and policy in the Arctic climate impact assessment. Linköping, 2007. 271 p.
13. *Koivurova T., Molenaar E.J.* International Governance and regulation of the Marine Arctic. Oslo, 2009. 118 p.
14. *Додин Д.А.* Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 283 с. <https://elibrary.ru/qkfitb>
15. *Хабриева Т.Я.* Арктического право – комплексный подход к разрешению проблем развития Арктики // Российская Арктика – территория права. Вып. 2. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: пра-

- новые аспекты / под ред. под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. Москва; Салехард: Юриспруденция, 2015. С. 25-31.
16. Арктическое право. Концепция развития / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2014. 152 с.
 17. Насырьянова Р.Б. Мониторинг чрезвычайных ситуаций в арктическом поясе средствами дистанционного зондирования Земли // Современные научные исследования и инновации. 2023. № 5 (145). С. 1-4. <https://elibrary.ru/avwlww>
 18. Гаврилов В.В. Правовое развитие Арктического региона: предпосылки и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 3 (243). С. 148-157. <https://doi.org/10.12737/24859>, <https://elibrary.ru/yieisr>
 19. Schlach M., Madlener R. Impacts of an ice-free Northeast Passage on LNG markets and geopolitics // Energy Policy. 2018. № 122. P. 438-448. <http://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.07.009>
 20. Гавриленко В.А. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 3 (52). С. 5-9. <https://elibrary.ru/iwwvhu>
 21. Гавриленко В.А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 10-14. <https://elibrary.ru/bdgfuv>
 22. Капустин А.Я. Международное право и Арктика // Российская Арктика – территория права: альманах. Вып. 2. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. Москва; Салехард: Юриспруденция, 2015. С. 38-44.
 23. Власенко В.Н. Перспективы становления и развития «Арктического права» // Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике: материалы круглого стола. СПб., 2015. С. 50-53. <https://elibrary.ru/vazfbr>

References

1. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuu>
2. Sellari Paolo. (2016). Svalbard: frontiera Artica. *Bollettino Della Società Geografica Italiana Roma. Serie XIII*, vol. 9, pp. 469-489. (In It.)
3. Gavrilenko V.A., Goloveiko I.V. (2024). International legal regulation of rescue activities at sea in the modern period. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency Situations], no. 1 (62), pp. 83-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-1-83-88>, <https://elibrary.ru/uipbkd>
4. Gavrilenko V., Rusli M.H.M., Mohamad R. (2022). Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency Situations], no. 2 (55), pp. 37-41. <https://elibrary.ru/kjjqex>
5. Mal'ko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. (2016). Legal policy in the sphere of ensuring security in the Arctic (review of "round table"). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 6, pp. 102-115. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wdclyh>
6. Nemchenko S.B., Smirnova A.A. (2023). Formation of legislation in the field of prevention and liquidation of emergency situations in the Arctic (review of the materials of the "round table"). *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency Situations], no. 2 (59), pp. 6-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/awrelk>
7. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. (2014). The Arctic states' cooperation on emergency situations prevention and search and rescue operations: problems and prospects. *Arktika i Sever = Arctic and North*, no. 15, pp. 34-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sanjff>
8. Avkhadeev V.R. (2016). Mnogostoronnie mezhdunarodnye soglasheniya, reguliruyushchie pravovoi rezhim Arktiki [Multilateral international agreements regulating the legal regime of the Arctic]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], no. 2, pp. 135-143. (In Russ.)
9. Korshunov E.L., Mikhailov A.A. (2015). Arctic regions in a view of international law: military aspect. *Rossiiskaya Arktika – territoriya prava: al'manakh. Vyp. II. Sokhranenie i ustoichivoe razvitie Arktiki: pravovye aspekty = Russian Arctic – Territory of Law: almanac. Issue 2. Protection and Sustainable Development of the Arctic: Legal Aspects*. Moscow, Salekhard, Jurisprudence Publ., pp. 97-106. (In Russ.)
10. Borgerson S. (2013). The great game moves North: as the Arctic melts, countries vie for control. *Foreign Affairs*, no. 141, pp. 14-29.

11. Tanaka Y. (2016). Four models on interaction between global and regional legal frameworks on environmental protection against marine pollution: the case of marine Arctic. *Ocean Yearbook*, vol. 30, no. 1, pp. 345-376. <https://doi.org/10.1163/22116001-03001014>
12. Nilsson A.E. (2007). *A Changing Arctic Climate: Science and Policy in the Arctic Climate Impact Assessment*. Linköping, 271 p.
13. Koivurova T., Molenaar E.J. (2009). *International Governance and Regulation of the Marine Arctic*. Oslo, 118 p.
14. Dodin D.A. (2005). *Ustoichivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable Development of the Arctic (Problems and Prospects)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 283 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qkfitb>
15. Khabrieva T.Ya. (2015). Arctic law – complex approach to resolve the problems of development of the Arctic. *Rossiiskaya Arktika – territoriya prava: al'manakh. Vyp. II. Sokhranenie i ustoichivoe razvitie Arktiki: pravovye aspekty = Russian Arctic – Territory of Law. Issue 2. Protection and Sustainable Development of the Arctic: Legal Aspects*. Moscow, Salekhard, Jurisprudence Publ., pp. 25-31. (In Russ.)
16. Khabrieva T.Ya (executive ed.) (2014). *Arctic Law. Conception of the Development*. Moscow, Jurisprudence Publ., 152 p. (In Russ.)
17. Nasyr'yanova R.B. (2023). Monitoring chrezvychainykh situatsii v arkticheskom poyase sredstvami distantionnogo zondirovaniya Zemli [Monitoring of emergency situations in the Arctic zone by means of remote sensing of the Earth]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Researches and Innovations*, no. 5 (145), pp. 1-4. (In Russ.) <https://elibrary.ru/avwlww>
18. Gavrilov V.V. (2017). Legal development of the Arctic: background and prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3 (243), pp. 148-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/24859>, <https://elibrary.ru/yieisr>
19. Schlach M., Madlener R. (2018). Impacts of an ice-free Northeast Passage on LNG markets and geopolitics. *Energy Policy*, no. 122, pp. 438-448. (In Russ.) <http://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.07.009>
20. Gavrilov V.A (2021). Comparative analysis of the legislation in Arctic region states in the field of indemnity damages from emergencies. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency Situations], no. 3 (52), pp. 5-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iwwvhu>
21. Gavrilenko V.A. (2021). Issues of arbitration proceedings about indemnity damages from emergencies in Arctic region states. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency Situations], no. 2 (51), pp. 10-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bdgvuv>
22. Kapustin A.Ya. (2015). International law and the Arctic. *Rossiiskaya Arktika – territoriya prava: al'manakh. Vyp. II. Sokhranenie i ustoichivoe razvitie Arktiki: pravovye aspekty = Russian Arctic – Territory of Law: almanac. Issue 2. Protection and Sustainable Development of the Arctic: Legal Aspects*. Moscow, Salekhard, Jurisprudence Publ., pp. 38-44. (In Russ.)
23. Vlasenko V.N. (2015). *Prospects of formation and development of the "Arctic Law". Materialy kruglogo stola «Pravovaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti v Arktike»* [Proceedings of "Round Table" "Legal Policy of Ensuring Safety in the Arctic"]. St. Petersburg, pp. 50-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vazfbr>

Поступила в редакцию / Received 24.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.05.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.11

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-294-300>

Шифр научной специальности 5.1.4

Приговор при упрощенном порядке судебного разбирательства

© ОВСЯННИКОВ Игорь Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 90000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Аннотация

Обращено внимание, что согласие обвиняемого с обвинением не исключает самооговора. Критическому анализу подвергнута существующая практика, когда при особом порядке судебного разбирательства нет спора между защитником и обвинителем о доказанности обвинения и квалификации деяния подсудимого. Основание для применения особого порядка не тождественно основанию для обвинительного приговора, однако, существующие судебная практика и статистика по результатам применения судами особого порядка могут поставить правильность этого тезиса под вопрос. Рекомендовано адвокату-защитнику (при наличии у него сомнений в доказанности и обоснованности обвинения) оспаривать это обвинение и в тех случаях, когда судебное заседание проводится в порядке, который установлен статьей 316 УПК РФ. Предложено усовершенствовать процессуальный закон таким образом, чтобы он не позволял судье уклоняться от особого порядка при наличии всех необходимых оснований и условий для его применения. Обоснована целесообразность дополнения статьи 316 УПК РФ указанием на возможность постановления оправдательного приговора. Обращено внимание на то, что при наличии оснований для оправдательного приговора нельзя уклоняться от вынесения этого итогового решения и другими путями, в том числе путем отказа от применения особого порядка разбирательства или путем перехода от особого порядка к общему.

Ключевые слова

обвинительный приговор, оправдательный приговор, обвинительный уклон, самооговор, особый порядок, защитник, принцип состязательность сторон, прекращение уголовного дела

Для цитирования

Овсянников И.В. Приговор при упрощенном порядке судебного разбирательства // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 294-300. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-294-300>

The verdict in the simplified procedure of the trial

© Igor V. OVSYANNIKOV,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Department of the Scientific Center, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 1 Sennaya St., Ryazan, 90000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Abstract

It is noted that a defendant's consent to a charge does not preclude self-incrimination. The existing practice is subjected to critical analysis in cases where, under a special procedure for judicial proceedings, there is no dispute between the defense attorney and the prosecution regarding the evidence of the charge and the classification of the defendant's actions. The basis for the application of a special order is not identical to the basis for a conviction, however, existing judicial practice and statistics on the results of the application of a special order by courts may call into question the correctness of this thesis. It is recommended that the defense lawyer (if he has doubts about the evidence and validity of the accusation) challenge this accusation in cases where the court session is held in accordance with the procedure established by Article 316 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It is proposed to improve the procedural law in such a way that it does not allow a judge to evade a special order if there are all the necessary grounds and conditions for its application. The justification for supplementing Article 316 of the Criminal Procedure Code with a provision on the possibility of acquittal is supported. It is noted that if there are reasons for an acquittal, it is not possible to avoid making this final determination through other means, such as refusing to apply a specific procedure for the trial or switching from a specific to a general procedure.

Keywords

guilty verdict, acquittal, accusatory bias, self-incrimination, special order, defender, principle of adversarial nature of the parties, termination of the criminal case

For citation

Ovsyannikov, I.V. (2024). The verdict in the simplified procedure of the trial. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 294-300 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-294-300>

Введение и постановка проблемы

Процессуальный закон предусматривает два вида приговора – оправдательный и обвинительный. Возможность постановления обвинительного приговора ограничена: он «не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств» (часть 4 статьи 302 УПК РФ). Для оправдательного приговора указаны четыре случая, когда он постановляется (часть 2 статьи 302 УПК РФ), причем каких-либо ограничительных условий, связанных с порядком разбирательства, законом не предусмотрено.

В главе 35 УПК РФ есть исключение, связанное с разделом X УПК РФ, но оно касается не приговора, а требования непосредст-

венного исследования доказательств (часть 1 статьи 240).

При усложненном порядке разбирательства (с участием присяжных заседателей) распространены оба вида приговоров. Так, в 2021 г. рассмотрено 1019 уголовных дел в отношении 1150 лиц, из которых осуждено 68 %, оправдано 32 % обвиняемых¹. В Верховном суде РФ считают, что такого рода факты свидетельствуют о гуманизации правосудия в части вынесения приговоров, предлагают значительно расширить полномочия присяжных².

¹ Совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. 2023. 14 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67743> (дата обращения: 06.03.2024).

² Верховный суд Российской Федерации [сайт]. Обзоры материалов СМИ. Гуманизация полного цикла. URL: http://vc.pf/press_center/mass_media/30553/ (дата обращения: 06.03.2024).

При упрощенном и ускоренном (особом) порядке судебного разбирательства (раздел X УПК РФ) статистика иная: суды постановляют приговоры только одного вида:

– обвинительные, оправдательные приговоры отсутствуют (табл. 1).

В научной литературе констатируется существование нормативных предпосылок обвинительного уклона [1]. Полагаем, к ним можно отнести и упоминание в статье 316 УПК РФ приговора только одного вида – обвинительного.

В теории уголовного процесса высказывается мнение, что при особом порядке процесс сводится к определению вида и размера наказания, а постановление оправдательного приговора исключено [2, с. 93-94]. Хотя Пленум Верховного суда РФ почти 15 лет разъяснял: «глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения»³.

Существующие судебная статистика для особого порядка и теоретические воззрения могут негативно влиять на качество предварительного расследования. Следователи и дознаватели направляют усилия не только (а быть может и не столько) на объективное установление обстоятельств, но и на убеждение обвиняемого согласиться с обвинением и заявить ходатайство об особом порядке (по данным Е.И. Поповой, следователи часто приводят подозреваемого или обвиняемого к убеждению о выгоде применения в суде правил главы 40 УПК РФ, после чего следователи склонны «расслабиться» и далее собирать доказательства «спустя рукава» [3, с. 172]). Если он согласен, возникает опасность применения пониженных стандартов доказывания (в доктрине уголовного процесса тоже существует мнение, что «признание обвиняемым своей вины и выбор упрощенной формы судопроизводства освобождает орган предварительного следствия либо дознания от полной проверки всех обстоятельств дела» [4, с. 36]). Но согласие обвиняемого с обвинением не исключает самоговора (В.В. Дорошков обоснованно

пишет, что особые процедуры, введенные в УПК РФ, «не исключают случаев самоговора и вынесения обвинительного приговора невиновным лицам вследствие отсутствия соответствующих процессуальных гарантий» [5]), например, в целях получения льготы при назначении наказания (часть 7 статьи 316 УПК РФ, часть 5 статьи 62 УК РФ) и ускорения судопроизводства (в юридической психологии среди мотивов самоговора выделяют, прежде всего, «стремление обвиняемого получить какие-либо льготы в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела», возможно и стремление «ускорить затянувшееся расследование и судебное рассмотрение, когда обвиняемый хочет покончить с неопределенностью своего положения, уйти от нравственных страданий» [6, с. 178-179]). На возможность самоговора при особом порядке указывает и законодатель (часть 4 статьи 226⁹ УПК РФ). На практике такие недостатки предварительного расследования, как необъективность и предвзятость, отказ от проверки оправдательных версий лишь способствуют самоговору [7, с. 46].

Полагаем, основание для применения особого порядка не тождественно основанию для обвинительного приговора. Однако существующие судебная практика и статистика по результатам применения судами особого порядка могут поставить правильность этого тезиса под вопрос. По мнению правозащитников и адвокатов, широкое применение особого порядка «способствует обвинительному уклону судопроизводства, решения судей о наказании без исследования доказательств нередко скрывают ошибки следствия, а обвиняемого правоохранители вводят в заблуждение, склоняя его к признанию вины ради мягкого наказания»⁴.

Глава государства указывает: «Рассмотрение дел в особом порядке – важный, конечно, инструмент, но он не должен служить прикрытием некачественной, некомпетентной работы в сфере следствия»⁵.

⁴ *Игорев А., Сергеев С.* Бизнесменам разрешили не признаваться // Коммерсантъ. 2020. № 127. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4424896> (дата обращения: 10.03.2024)

⁵ Заседание коллегии Генпрокуратуры России. 2019. 19 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 05.03.2024).

³ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел (п. 12): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 22.12.2015) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 2.

Таблица 1

Особый порядок (статьи 316, 317⁷ УПК РФ)

Table 1

Special procedure
(Articles 316, 317 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)

Число лиц по оконченным делам	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Осуждено, тыс.	548	520	485	377	299	262	245
Оправдано	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации [сайт]. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.03.2024).

Результаты исследования

В современной науке необходимость дифференциации уголовного судопроизводства, в том числе в каких-то случаях его упрощения и ускорения общепризнана. Дискуссионны вопросы о пределах упрощения.

При особом порядке «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу» (часть 5 статьи 316 УПК РФ), причем на практике само обвинение, как правило, никто не оспаривает, правильность квалификации деяния сомнению не подвергает. Поэтому выявить необоснованность обвинения, допущенные на стадии предварительного расследования ошибки судье не просто. Не случайно в Генеральной прокуратуре РФ обоснованно указывают на опасность ошибок при упрощенных судебных процедурах⁶.

Однако особый порядок не означает отказа от исследования доказательств, обосновывающих обвинение. Если судья не исследует эти доказательства непосредственно, он должен делать это опосредованно (по материалам дела). Иначе судья не сможет постановить обвинительный приговор (часть 7 статьи 316 УПК РФ).

Основания и условия применения особого порядка предполагают согласие с обвинением лишь обвиняемого, но не его защитника. Представляется не вполне нормальной

существующая практика, когда при особом порядке, несмотря на неидеальную работу органов предварительного расследования, как правило, отсутствует спор между защитником и обвинителем о доказанности обвинения и квалификации деяния подсудимого. Тем более, что, как справедливо отметила председатель Мосгорсуда О.А. Егорова, «...скажи человеку, что ему «светит» смертная казнь, а признание, например, его спасет, он в чем захочешь признается. Что мы, кстати сказать, видим сейчас в случае с применением особого порядка. Люди ради свободы признаются во многом, да и еще других оговаривают. Далеко не единичны случаи, когда мы отменяем приговоры после особого порядка»⁷.

Отношение адвокатов-защитников к будущему итоговому судебному решению как к predetermined position подсудимого и (или) упрощенной формой разбирательства, по нашему мнению, не соответствует принципам уголовного судопроизводства – презумпции невиновности, состязательности сторон, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (статьи 14, 15, 16 УПК РФ).

Не секрет, что адвокат-защитник может применять в суде следующую тактику (обычно согласованную с доверителем): доверитель (подсудимый) признает вину и соглашается с обвинением, а адвокат-защитник в прениях сторон заявляет суду о самооговоре, выражает и обосновывает мнение о невиновности

⁶ Чайка Ю.Я. О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению: доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2019. 10 апр. URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1590662/ (дата обращения: 28.02.2020).

⁷ Председатель Мосгорсуда: каждый второй вердикт присяжных в райсудах – оправдательный. URL: <https://www.interfax.ru/interview/643992> (дата обращения: 06.03.2024).

сти подсудимого. На практике такая тактика иногда позволяет добиться оправдательного приговора (хотя бы в части, по одному из вмененных деяний)⁸.

Учитывая, что согласие защитника с обвинением не является необходимым условием для применения судом особого порядка, можно рекомендовать адвокату-защитнику (при наличии у него сомнений в доказанности и обоснованности обвинения, с которым согласился обвиняемый) оспаривать это обвинение и в тех случаях, когда судебное заседание проводится в порядке, который установлен статьей 316 УПК РФ.

Но следует признать, что такая позиция защитника может дать судье повод для перехода из особого порядка в общий [8]. Принятие такого решения по инициативе судьи (часть 6 статьи 316 УПК РФ) и фактически его уклонение от особого порядка формально может быть обосновано тем, что применение особого порядка – это право суда, но не обязанность (часть 2 статьи 314 УПК РФ).

Но если подсудимый согласен с обвинением и добровольно и осознанно ходатайствует об особом порядке, обвинитель, потерпевший, его представитель поддерживают это ходатайство, то суд, по нашему мнению, не должен лишать их возможности участвовать в судебном разбирательстве, проводимом до конца в особом порядке, не должен в нарушение принципа состязательности сторон инициировать их деятельность по представлению доказательств для непосредственного исследования только по той причине, что защитник выразил мнение, отличающееся от мнений других участников, заявил о сомнениях в доказанности и обоснованности обвинения, о виновности подсудимого в меньшей степени и т. п. Полагаем, правом перейти из особого порядка в общий судья может воспользоваться только при отсутствии какого-то условия из перечисленных в статьях 314 и 315 УПК РФ.

Целесообразно усовершенствовать процессуальный закон таким образом, чтобы он не позволял судье уклоняться от особого порядка при наличии всех необходимых осно-

ваний и условий для его применения. Для этого достаточно придать части 2 статьи 314 УПК не дискреционный, а императивный характер [9].

Первоначально в главе 40 УПК РФ прямо упоминалось только об одном итоговом решении – обвинительном приговоре (части 7, 8 статьи 316 УПК РФ). Еще восемнадцать лет назад в судебной практике считалось, что при особом порядке закон предусматривает постановление только обвинительного приговора, а при наличии основания для прекращения дела или оправдания подсудимого судье следует прекратить особый порядок и назначить рассмотрение дела в общем порядке⁹. Такое понимание было чрезмерно упрощенным и не полным, не соответствовало части 1 статьи 316 УПК РФ, предписывающей руководствоваться главами 35 и 39 УПК РФ, предусматривающими возможность принятия судом и иных итоговых решений – соответственно прекращения уголовного дела и постановления оправдательного приговора.

Кстати говоря, существенный недостаток существующей формулировки части 2 статьи 314 УПК РФ – в ней говорится о праве суда лишь на постановление приговора, хотя в ее наименовании и в наименовании главы 40 УПК РФ спектр возможных итоговых судебных решений не ограничен. Является таковым и постановление о прекращении дела¹⁰.

Прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям при особом порядке не редки. Так, в 2021 г. суды применяли особый порядок по уголовным делам в отношении 321 тыс. обвиняемых, при этом дела в отношении 60 тыс. (19 %) лиц были прекращены судами¹¹.

⁹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации п. 28): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 5.

¹⁰ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции (п. 4): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 01.12.2015) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2013. № 1.

¹¹ Совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. 2022. 9 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67743> (дата обращения: 06.03.2024).

⁸ Шушминцева О. Самооговор как элемент тактики защиты // Адвокатская палата Санкт-Петербурга [сайт]. URL: https://apspb.ru/news.php?news=03072019_022 (дата обращения: 13.03.2024)

Заключение

В доктрине уголовного процесса возник вопрос: «не используется ли данный институт для принятия «спорных» судебных решений об освобождении лиц от уголовной ответственности, когда даже для вынесения «особого» обвинительного приговора недостаточно доказательств?» [10, с. 322]. После дополнения процессуального закона прямым указанием на возможность судьи прекратить дело (часть 9¹ статьи 316 УПК РФ)¹² сформулированный вопрос стал еще более актуальным. Ведь в статье 316 по-прежнему не указано, какое решение принимает судья, если придет к выводу о недоказанности или необоснованности обвинения (по смыслу части 7 статьи 316 возможен и такой вывод).

По нашему мнению, после упомянутого дополнения процессуального закона следующим логичным шагом было бы дополнение статьи 316 прямым указанием на возможность постановления и оправдательного при-

¹² О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4750.

говора¹³ (о целесообразности такого дополнения мы писали и ранее [11]). Во-первых, это соответствовало бы назначению уголовного судопроизводства (статья 6 УПК РФ). Во-вторых, это способствовало бы повышению качества предварительного расследования. В-третьих, это уменьшило бы опасность принятия «спорных» судебных решений, не влекущих реабилитации подсудимого.

В Верховном суде Российской Федерации обращают внимание судей на необходимость не допускать возвращение дела прокурору при наличии оснований для постановления оправдательного приговора¹⁴. Думается, при наличии оснований для оправдательного приговора нельзя уклоняться от вынесения этого итогового решения и другими путями, в том числе путем отказа от применения особого порядка разбирательства или путем перехода от особого порядка к общему.

¹³ В настоящее время в части 1 статьи 316 УПК РФ закреплено требование проводить судебное заседание в порядке, установленном, в частности, главой 39 УПК РФ. Но это является, скорее, не прямым, а косвенным указанием на возможность постановления при особом порядке не только обвинительного, но и оправдательного приговора.

¹⁴ ВС РФ раскритиковал качество предварительного расследования. URL: <https://www.interfax.ru/russia/650450> (дата обращения: 06.03.2024).

Список источников

1. Калиновский К.Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В.В. Волкова. М.: Норма, 2015. С. 93-103.
2. Лузик А.А., Омельченко Т.В. Оправдательный приговор в системе правосудия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 88-94. <https://elibrary.ru/zqnuzp>
3. Попова Е.И. Расследование с использованием норм об особом порядке. М.: Юрлитинформ, 2017. 216 с. <https://elibrary.ru/xaomgt>
4. Машишников А.О., Татьяна Л.Г. Дискуссионные вопросы соотношения особого порядка судопроизводства с презумпциями российского уголовного процесса // Евразийская адвокатура. 2019. № 4 (41). С. 35-37. <https://elibrary.ru/pyhktz>
5. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 14-25. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.144>, <https://elibrary.ru/vhssrt>
6. Ратинов А.Р. Психологическая характеристика показаний обвиняемого // Избранные труды. М.: Акад. Генер. прокуратуры Рос. Фед., 2016. С. 175-187. <https://elibrary.ru/zrhxrf>
7. Смолькова И.В. Самооговор как разновидность показаний обвиняемого // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 3. С. 43-50. <https://elibrary.ru/wffdsb>
8. Мельчаев А.А. Задача защитника при рассмотрении дела в особом порядке. Примеры плохой и хорошей работы адвоката // Уголовный процесс. 2018. № 12 (128). С. 50-55. <https://elibrary.ru/vnilxs>
9. Овсянников И.В. Порядок принятия судом решения о форме судебного разбирательства // Законодательство. 2021. № 10. С. 60-64. <https://elibrary.ru/shfkzi>

10. Николук В.В. Кризисные явления в российской уголовной юстиции в свете данных судебной статистики и правоприменительной практики // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел: Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова, 2017. С. 320-328. <https://elibrary.ru/yprbyv>
11. Овсянников И.В. О качестве досудебного производства // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 11. С. 391-399. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-11-391-399>, <https://elibrary.ru/rzypto>

References

1. Kalinovskii K.B. (2015). Obvinitel'nyi uklon v уголовном sudoproizvodstve: normativnye predposylki v deistvuyushchem rossiiskom zakonodatel'stve [Accusatory bias in criminal proceedings: normative prerequisites in current Russian legislation]. *Sbornik statei «Obvinenie i opravdanie v postsovetsoi ugolovnoi yustitsii»* [Collection of Works "Accusation and Justification in Post-Soviet Criminal Justice"]. Moscow, Norma Publ., pp. 93-103. (In Russ.)
2. Luzik A.A., Omel'chenko T.V. (2016). Opravdatel'nyi prigovor v sisteme pravosudiya [Acquittal in the justice system]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, vol. 2 (68), no. 3, pp. 88-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqnuzp>
3. Popova E.I. (2017). *Rassledovanie s ispol'zovaniem norm ob osobom poryadke* [Investigation Using Special Procedure Rules]. Moscow, Urlitinform Publ., 216 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xaomgt>
4. Mashinnikova N.O., Tat'yanina L.G. (2019). Discussion of the relationship between the specific procedure of judicial proceedings and the presumptions of the Russian criminal process. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, no. 4 (41), pp. 35-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyhktz>
5. Doroshkov V.V. (2021). Modern criminal procedure through from the perspective of spiritual and moral grounds of Russian society. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 25, no. 12, pp. 14-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.144>, <https://elibrary.ru/vhssrt>
6. Ratinov A.R. (2016). Psikhologicheskaya kharakteristika pokazanii obvinyaemogo [Psychological characteristics of the testimony of the accused]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Akademiya General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii Publ., pp. 175-187. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zrhxrf>
7. Smol'kova I.V. (2016). Self-incrimination as a kind of the testimony of the accused. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, no. 3, pp. 43-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wffdsb>
8. Mel'chaev A.A. (2018). The task of the defender in considering the case in a special order. examples of bad and good work of a lawyer. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, no. 12 (128), pp. 50-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnilxs>
9. Ovsyannikov I.V. (2021). Procedure for the adoption by the court of a decision on the form of court proceedings. *Zakonodatel'stvo*, no. 10, pp. 60-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/shfkzi>
10. Nikoluk V.V. (2017). Krizisnye yavleniya v rossiiskoi ugolovnoi yustitsii v svete dannykh sudebnoi statistiki i pravoprimeritel'noi praktiki [Crisis phenomena in Russian criminal justice in the light of judicial statistics and law enforcement practice]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya»* [Collection of Materials of International Scientific and Practical Conference "Modern Criminal Procedure Law of Russia – Lessons from History and Problems of Further Reform"]. Orel, Lukyanov Orel Law Institute of the Interior of Russia Publ., pp. 320-328. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yprbyv>
11. Ovsyannikov I.V. (2019). On the quality of pre-trial proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 3, no. 11, pp. 391-399. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-11-391-399>, <https://elibrary.ru/rzypto>

Поступила в редакцию / Received 12.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 03.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-301-310>

Шифр научной специальности 5.1.4

Особенности использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений

© ПОТАПОВ Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-4364-7694>, potapov.1995@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена важностью использования сведущих лиц в раскрытии и расследовании ятрогенных преступлений. Проблемы расследования этих преступлений определяются сложностью выявления правонарушений, допущенных медицинскими работниками при осуществлении ими диагностической, лечебной, профилактической, реабилитационной деятельности. Цель – рассмотреть особенности использования специалистов и экспертов при расследовании преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Реализация поставленных задач достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. Сделаны выводы, что особенность расследования ятрогенных преступлений обусловлена спецификой деятельности медицинских работников в оказании помощи, а также процессов, протекающих в организме пациента. Для исследования данных вопросов требуется содействие лиц, обладающих специальными знаниями в этой области. Достоверность выводов специалистов и экспертов позволяют субъекту расследования не только правильно осуществить юридическую квалификацию содеянного на начальном этапе расследования, но и выработать стратегию дальнейшей работы по уголовному делу. Рассмотрены особенности использования сведущих лиц на разных стадиях расследования ятрогенных преступлений. При этом уделено особое внимание проблемам назначения и организации проведения экспертиз качества оказания медицинской помощи и комиссионных судебно-медицинских экспертиз, вызывающих на практике затруднения в их применении субъектами расследования.

Ключевые слова

ятрогенные преступления, специальные знания, формы использования специальных знаний, помощь специалиста и эксперта в расследовании ятрогенных преступлений, виды назначаемых экспертиз

Для цитирования

Потапов С.А. Особенности использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 301-310. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-301-310>

Features of special knowledge use in the iatrogenic crimes investigation

© Sergey A. POTAPOV,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4364-7694>, potapov.1995@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the importance of using knowledgeable persons in the iatrogenic crimes disclosure and investigation. The problems of investigating these crimes are determined by the difficulty of identifying offenses committed by medical professionals in their diagnostic, therapeutic, preventive, and rehabilitation activities. The purpose is to consider the specifics of the specialists and experts use in the investigation of crimes committed in the medical care provision. The tasks' implementation is achieved using the laws of dialectics, formal logic and the use of general scientific and private scientific research methods. It is concluded that the peculiarity of the iatrogenic crimes investigation is due to the activities specifics of medical workers in providing assistance, as well as the processes occurring in the patient's body. The study of these issues requires the persons assistance with special knowledge in this field. The reliability of specialists' and experts' conclusions allows the subject of the investigation not only to correctly carry out the legal qualification of what he did at the initial stage of the investigation, but also to develop a strategy for further work on the criminal case. The use features of knowledgeable persons at different stages of the iatrogenic crimes investigation are considered. At the same time, special attention is paid to the prescribing and organizing examinations problems of the medical care quality, and commission forensic medical examinations, which in practice cause difficulties in their application by the investigation subjects.

Keywords

iatrogenic crimes, special knowledge, forms of using special knowledge, assistance of a specialist and expert in the iatrogenic crimes investigation, types of assigned examinations

For citation

Potapov, S.A. (2024). Features of special knowledge use in the iatrogenic crimes investigation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 301-310 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-301-310>

Введение. Постановка проблемы

Ятрогенные преступления, являясь сложной многогранной динамической системой, возникают в связи с неосторожными или умышленными деяниями медицинских работников, совершенными при оказании помощи пациентам и допустившими при этом причинение последним вреда здоровью и жизни.

Подтверждением этого является анализ причин, способствующих совершению данных преступлений в России, который показывает следующие результаты: 24,7 % из них связаны с низкой или недостаточной квалификацией врачей; 14,7 % относятся к нарушению ими общепринятых методик обследования больных; 13,8 % свидетельствуют о недобросовестном или невнимательном отношении врачей к пациентам; 13,5 % относятся к недостаткам организации лечебного процесса;

2,6 % из них связаны с недооценкой врачами тяжести состояния больного [1, с. 27].

При этом ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей наиболее часто встречается в таких медицинских специальностях, как хирургия, анестезиология-реаниматология, акушерство-гинекология [2].

Практика расследования этих преступлений свидетельствует, что обычно уголовные дела по ним возбуждаются по следующим статьям УК РФ: статья 109, частям 1 и 2 статьи 118, части 4 статьи 122, частям 1 и 2 статьи 124, статьи 125, частям 1 и 2 статьи 235, статьи 238, статьи 293.

Анализ статистики за 2016–2022 гг. свидетельствует об увеличении числа обращений граждан в правоохранительные органы по фактам ненадлежащего оказания им медицинской помощи. Например, в 2016 г. бы-

ло зарегистрировано 4947 таких обращений, в 2022 г. – 5747. При этом количество возбужденных по ним уголовных дел возросло в два раза, с 878 в 2016 г. до 1860 в 2022 г. Вместе с тем объем уголовных дел, направленных в суд, сократился 2,3 раза, с 21 % в 2016 г. до 9 % в 2022 г.¹

Судебная практика показывает, что чаще всего врачей привлекали к уголовной ответственности по статье 293 УК РФ и по части 2 статьи 109 УК РФ² (табл. 1).

На расследование ятрогенных преступлений и привлечение виновных к ответственности в судебном порядке обычно влияют следующие факторы.

1. Специфичная деятельность медицинских работников.

По обобщенным данным ВОЗ «ятрогенная встречается у 20 % больных и составляет 10 % в структуре госпитальной смертности»³, что указывает на её высокую латентность. По данным общественных организаций, она ежегодно уносит до 50 тысяч жизней. Очень часто латентность данным преступлениям обеспечивается самими медицинскими работниками. Специальные субъекты ненадлежащего оказания медицинской помощи своими действиями, путем подмены биологических материалов пациентов, фальсификации или уничтожения медицинской документации и других объектов скрывают истинные причины ухудшения состояния здоровья пациента или его смерти.

2. Сроки проведения судебных экспертиз.

Как показывает практика, по каждому такому преступлению обычно проводится от 3 до 7 экспертиз, что существенно увеличивает время их расследования.

Проблемы расследования ятрогенных преступлений определяются сложностью выявления правонарушений, допущенных медицинскими работниками при осуществле-

нии ими диагностической, лечебной, профилактической, реабилитационной деятельности. Преодолеть эти проблемы следователю помогают сведущие лица, обладающие специальными познаниями в области медицины. Тенденции современного состояния борьбы с этими преступлениями подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования тактики использования специальных знаний, приближающих следователя к конечной цели расследования.

Результаты исследования

1. Использование специальных знаний в качестве привлечения специалистов по делам о ятрогенных преступлениях

Теория и практика расследования преступлений свидетельствует о двух основных формах использования специальных знаний, процессуальной и не процессуальной.

Анализ норм действующего УПК РФ позволяет выделить следующие направления использования специальных знаний в расследовании: «...участие специалиста в следственных действиях; дачи им заключения и показания; участие специалиста для проведения документальных проверок и ревизий; производство судебной экспертизы; получение заключения и показания эксперта; участие педагога в допросе несовершеннолетнего; привлечение в качестве переводчика; использование собственных специальных знаний субъектом расследования, либо судьей»⁴.

Практика показывает, что в 96 % случаях деятельность сведущих лиц осуществляется при расследовании преступлений в процессуальной форме. В частности, в качестве специалиста и эксперта они привлекались в процесс примерно одинаковое количество раз.

В своей работе Е.В. Селина дает следующее понятие непроцессуальной форме использования специальных знаний: «...это правовая и не противоречащая закону система правил применения в уголовном судопроизводстве специальных познаний сведущих лиц» [3, с. 10]. В раскрытии и расследовании преступлений непроцессуальная форма использования этих знаний часто применяется на стадии возбуждения уголовного дела.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Российская газета. 2001. 22 дек.

¹ Медиков не оставляют без дел. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6223734?vk> (дата обращения: 20.03.2024).

² Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8ac.hja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/> (дата обращения: 20.03.2024).

Таблица 1

Сводные данные о назначении наказания в России по ятрогенным преступлениям
за период 2016–2022 гг.

Table 1

Summary data on sentencing in Russia for iatrogenic crimes
for the period 2016–2022

Статья УК РФ	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Часть 2 статьи 109 УК РФ	130	145	151	143	114	122	116
Статья 293 УК РФ	161	151	162	156	131	165	226
Всего	291	296	313	299	245	287	342

К данной форме обычно относят следующую деятельность сведущих лиц: справочно-информационную, разъяснительную, консультационную, исследовательскую.

Деятельность специалиста удобнее рассмотреть в зависимости от его участия на разных этапах раскрытия и расследования ятрогенных преступлений.

Для возбуждения уголовного дела субъекту расследования требуется установить наличие необходимых повода и основания для принятия этого решения. Поводом в большинстве случаев являются жалобы или заявления граждан или их родственников о ненадлежащем оказании медицинской помощи. В ходе проверки данных сообщений следователю необходимо установить признаки преступления, являющиеся основанием для возбуждения уголовного дела.

В ходе расследования из всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (статья 73 УПК РФ), он в первую очередь должен установить первые три, включающие в себя информацию о месте, времени, обстановке, мотиве, способе совершения преступления, о наступивших в ходе неправильного лечения вредных для пациента последствий, сведений, характеризующих обвиняемого. Данную информацию следователь может получить из соответствующей медицинской документации. Выбор вида документа, содержащего те или иные необходимые сведения, определение места его хранения он может осуществить с привлечением специалиста.

Документальное оформление процесса лечения сопровождается больным с момента его обращения в медицинское учреждение и выписки из него. Поэтому в этих докумен-

тах следователь может получить данные, характеризующие состояние больного до получения медицинской помощи, результатах его диагностического обследования и оказания лечения.

Особую значимость для проверки имеет информация, содержащаяся в следующей медицинской документации: «...амбулаторной карте больного или карте больного, находившегося на стационарном лечении; протоколе патолого-анатомического исследования или заключении (акте) судебно-медицинского исследования трупа; протоколе клинико-анатомической конференции или лечебно-контрольной комиссии, проводящей разбор такого случая; материалах ведомственной проверки, проводимой местными органами здравоохранения»⁵.

В настоящее время медицинская документация оформляется как на бумажном, так и электронном носителях. Например, министр Минздрава России М. Мурашко в своем выступлении по этому поводу отметил: «Информационные системы, используемые в медучреждениях, поднимают большой объем данных, которые анализируются, агрегируются и позволяют внедрять программы с искусственным интеллектом»⁶.

При ознакомлении с медицинской документацией специалист может составить письменное заключение по вопросам обоснован-

⁵ О порядке проверки фактов нарушения правил, регламентирующих профессиональную деятельность медицинских работников: письмо Министерства здравоохранения СССР от 12.06.1987 № 06-14-22. Доступ из СПС Консультант Плюс.

⁶ Михаил Мурашко назвал приоритетные тренды в развитии системы здравоохранения. URL: <https://rg.ru/2024/03/03/> (дата обращения: 20.03.2024).

ности выполнения врачами определенных медицинских мероприятий. Однако в этом заключении он не в праве определять причину смерти, устанавливать характер и степень причиненного вреда здоровью, так как эти действия относятся к компетенции эксперта.

Специалист может так же оказать помощь следователю в определении круга лиц, способных оказать помощь в установлении подлежащих доказыванию обстоятельств, которые в дальнейшем будут проходить свидетелями по делу. Среди медицинских работников к таковым можно отнести следующих лиц: задействованных в лечебном процессе; контролировавших качество оказания медицинской помощи; проводивших различные лабораторные исследования, патологоанатомов.

При работе с документацией следует иметь в виду, что любой этап оказания медицинской помощи находит свое отражение в разных взаимосвязанных документах.

Перечисленная документация должна быть изъята следователем в первую очередь, так как при неблагоприятном исходе в лечении она может быть сфальсифицирована или уничтожена заинтересованными в этом лицами. Однако следует помнить, что сведения, содержащиеся в ней, составляют врачебную тайну и могут быть получены им только по возбужденному уголовному делу в рамках расследования, или по судебному решению. Проведение следователем выемки медицинских документов должно также осуществляться с участием специалиста.

По возбужденному уголовному делу специалисты наиболее часто привлекаются следователем при выдвижении следственных версий, проведении следственных действий, осмотрах медицинских документов и т. д. Например, специалист наиболее часто востребован при проведении таких следственных действий, как получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование, эксгумация, осмотр трупа на месте его обнаружения, следственный эксперимент. При этом он может выполнять следующие действия: оказывать помощь в подборе и применении криминалистической техники, необходимой для работы со следами преступления; консультировать при составлении вопросов экспертам; давать разъяснения по темам, входящим в его компетенцию.

Однако во всех случаях использования указанных лиц ему следует помнить о профессиональной корпоративности медицинских работников, особенно работающих в одной организации. Данный фактор следователю необходимо учитывать как при выборе оказывающих ему помощь специалистов, так и при назначении экспертов, необходимых для проведения судебных экспертиз. В настоящее время активное развитие информационных и цифровых технологий позволяет ему решить эту проблему, привлекая к работе независимых специалистов из других регионов страны, используя их знания дистанционно. В ходе таких видеосеансов возможно получение их консультаций с представлением необходимых для этого документов и других материалов дела. Тем более что все документы в медицинских учреждениях, как указывалось ранее, оформляются на бумажном и электронном носителях.

2. Использование специальных знаний в целях проведения экспертиз по делам о ятрогенных преступлениях

Большое значение в расследовании преступлений, связанных с причинением вреда здоровью пациенту, имеют судебно-медицинские экспертизы⁷. Только в 2022 г. Российским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России проведено 3,5 млн судебно-медицинских экспертиз. Как показывает практика, экспертизы, проводимые по ятрогенным преступлениям, по исполнению являются наиболее сложными и трудоемкими.

Особое значение в решении вопроса возбуждения уголовных дел данной категории и дальнейшего его расследования имеют результаты экспертизы качества оказания медицинской помощи⁸.

Эта экспертиза осуществляется в целях выявления несоответствия оказанной медицинской помощи действующему медицинскому стандарту или принятому в медицине

⁷ Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 346н. Доступ из СПС Консультант Плюс.

⁸ Порядок осуществления экспертизы качества медицинской помощи: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 16.05.2017 № 226н. Доступ из СПС Консультант Плюс.

правилу, оценки своевременности ее оказания, установлению причинных связей между нарушением правил оказания помощи и наступившим причинением вреда жизни и здоровью пациенту.

Для проведения данной экспертизы используются эксперты, привлекаемые Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения или территориальным Фондом обязательного медицинского страхования. Кроме этого, эта деятельность, по приказу Минздрава России, так же возлагается на руководителей медицинских учреждений⁹.

В настоящее время при проведении указанной экспертизы применяются методические рекомендации, разработанные директором ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России А.В. Ковалевым [4].

На данную экспертизу обычно направляются следующие объекты: медицинские документы, лекарственные препараты, средства и инструменты, трупы и их части, другие образцы; живые лица, вещественные доказательства. Пригодность и достаточность этих объектов для исследования обычно определяется методиками экспертного исследования.

С учетом цели назначения экспертизы и решаемых в ходе её проведения задач формируются вопросы эксперту. На определение содержания этих вопросов влияет структура самого ятрогенного преступления. В постановке вопросов лицо, назначающее экспертизу, должно четко определить границы исследования, позволяющие обеспечить его полноту, всесторонность и объективность. Вопросы, ставившиеся перед экспертом, должны входить в его компетенцию и задаваться в логической последовательности, соответствующей проверяемому лечебному процессу, выявленным недостаткам в работе медицинского персонала и наступившим при этом негативным последствиям.

Закключение комиссии должно быть научно обоснованным, излагаться доступно для лиц, не имеющих медицинского образова-

ния, сформулировано понятно и однозначно. Следует отметить, что при этом экспертная комиссия в обязательном порядке должна руководствоваться критериями оценки качества медицинской помощи¹⁰. Данные критерии позволяют ей правильно оценить своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степень достижения запланированного результата.

Важную роль при расследовании ятрогенных преступлений играет судебно-медицинская экспертиза трупа. «Она проводится в случае смерти пациента и состоит из ознакомления с предварительными сведениями об обстоятельствах смерти, наружного и внутреннего исследования, лабораторных анализов и оформления соответствующего документа» [5, с. 163]. Проведение данной экспертизы является обязательной в случаях установления причины наступления смерти, степени и характера причиненного вреда дефектом оказанного лечения.

По делам данной категории так же назначается комиссия судебно-медицинская экспертиза. Правовой основой её проведения является статья 200 УПК РФ и статьи 21 и 22 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г.

Методика расследования ятрогенных преступлений обязывает следователя: «...проводить комиссионную судебно-медицинскую экспертизу качества медицинской помощи (далее – КСМЭ КМП) для установления способа совершения посягательства на жизнь или здоровье человека» [6, с. 41].

Практика свидетельствует, что субъекты расследования имеют недостаточно полное понимание значения для расследования результатов, полученных в ходе проведения экспертиз качества медицинской помощи, и судебно-медицинских экспертиз качества медицинской помощи. Данные факты отрицательно влияют на работу следователя с доказательствами по этим делам.

В соответствии с частью 2 статьи 58 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах

⁹ Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 № 785н. Доступ из СПС Консультант Плюс.

¹⁰ Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Минздрава Российской Федерации от 10.05.2017 № 203н. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «экспертиза качества медицинской помощи» является самостоятельным видом медицинской экспертизы по отношению к судебно-медицинской экспертизе. Данную экспертизу может назначать и соответственно оценивать при неблагоприятных исходах лечения, как указывалось ранее, администрация ЛПУ, ФОМС, Росздравнадзор. Экспертиза КМП является одним из видов внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности.

В свою очередь судебно-медицинская экспертиза – это процессуальное действие, назначаемое органами уголовного судопроизводства и осуществляемое государственными судебно-экспертными учреждениями. Её задачами являются установление механизма происхождения ятрогении, выявление её дефектов, установление связи между дефектами оказания медицинской помощи и их последствиями. Заключение СМЭ является доказательством по уголовному делу.

При назначении и проведении КСМЭ КМП часто возникают проблемные ситуации, связанные с привлечением для участия в ней специалистов-клиницистов, отсутствующих в штатном расписании данного экспертного учреждения, с полнотой и достаточностью представляемых на экспертизу материалов и документов, что существенно увеличивает сроки её проведения. Например, в среднем срок выполнения комиссионной судебно-медицинской экспертизы длится 2–4 месяца от начала работы комиссии до выдачи заключения. При этом следует отдельно учитывать время ожидания очередности назначения экспертизы. В частности, Российский Центр СМЭ Минздрава РФ в настоящее время, с учетом очереди и срока исполнения самой экспертизы, уведомляет инициаторов о шестимесячном сроке её проведения.

При назначении КСМЭ КМП следователь должен понимать, что вопросы, касающиеся качества оказания медицинской помощи, не входят в компетенцию данного учреждения и её экспертов. Это происходит вследствие того, что в нем отсутствуют специалисты клинического профиля, имеющие полномочия компетентно оценить факты ненадлежащего оказания медицинской помощи. Поэтому эти специалисты должны привле-

каться руководителем экспертного учреждения, с согласия следователя, из других лечебно-профилактических, научно-исследовательских и образовательных учреждений системы здравоохранения, где они работают на постоянной основе, что существенно увеличивает время проведения экспертизы.

При этом следует обратить внимание на следующее обстоятельство: «...экспертное учреждение не может привлечь специалиста самостоятельно, так как, во-первых, не может гарантировать оплату его труда, а во-вторых, разъяснение норм процессуального права внештатному специалисту не входит в компетенцию руководителя экспертного учреждения» [7, с. 120].

По поводу количества приглашаемых специалистов есть следующая статистика: «...В подавляющем большинстве случаев в 58 % к экспертизе по «врачебному» делу привлекался только один эксперт. Примерно треть всех экспертиз была произведена с участием двух экспертов, клиницистов. Это обусловлено тем, что потерпевший мог лечиться у врачей различных специальностей» [8, с. 84].

Поэтому, назначая КСМЭ КМП, следователь в своем постановлении должен заранее указать список врачей-клиницистов, необходимых для проведения экспертизы, соответствующих предъявляемым им профессиональным и процессуальным требованиям.

Еще одной проблемой, увеличивающей сроки проведения КСМЭ КМП, является неполное представление на экспертизу материалов и документов, необходимых для исследования. Например, практика показывает, что следователи достаточно часто не представляют на данную экспертизу следующие документы: сертификаты на используемые в ходе лечения фармпрепараты; заключения ведомственных и вневедомственных проверок; заключения экспертизы качества медицинской помощи; санитарно-эпидемиологическое заключение. Сам же эксперт, согласно статье 16 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г., не вправе собирать недостающие для этого материалы.

Кроме этого эксперты, осуществляющие КСМЭ КМП, советуют инициатору назначать в этих случаях не комиссионную, а комплексную экспертизу. При этом они выдвигают

гают следующие аргументы: в производстве комиссионной экспертизы принимают участие эксперты одной специальности, а комплексную экспертизу проводят эксперты разных специальностей, как указывалось ранее, это врачи-клинисты и другие специалисты-эксперты. В комиссионной экспертизе за общие выводы в заключении подписываются все члены комиссии экспертов. В проведении комплексной экспертизы указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт своей специализации, он же расписывается за свою часть заключения, а не за весь документ в целом, за что и несет персональную ответственность. Действительно заключение комплексной экспертизы позволяет увидеть и оценить следователю вклад каждого эксперта в общий результат проведенного исследования.

В настоящее время, в связи с развитием цифровых технологий в медицине, в расследовании ятрогенных преступлений увеличилось количество проведения компьютерно-технических экспертиз. Благодаря развитию этих технологий в медицинских учреждениях имеется документация на электронных носителях, высокотехнологическое компьютерное оборудование, позволяющее осуществлять диагностику и лечение разных болезней. В этих технических средствах и базах данных может отображаться информация, касающаяся ятрогенных процессов. В частности, зарубежный опыт так же свидетельствует об увеличении преступлений в медицинских учреждениях, совершенных с использованием имеющихся в них электронных документов¹¹.

При расследовании рассматриваемых преступлений компьютерно-техническая экспертиза может решать следующие задачи: установить факт изменения времени записи в медицинский документ; установить факт несанкционированного изменения в этом документе; установить первоначальные записи в измененном документе; восстановить удаленные файлы медицинских документов; исследовать электронную переписку медицинского персонала, касающуюся составления,

изменения или уничтожения медицинских документов.

Заключение

Статистика расследования ятрогенных преступлений и рассмотрения этих дел судами свидетельствует о низкой эффективности этой правоохранительной деятельности. Данная проблема, на наш взгляд, во многом обусловлена спецификой деятельности медицинских работников в оказании помощи, а также процессов, протекающих в организме пациента. При этом латентность этих преступлений часто обеспечивается самими медицинскими работниками, которые своими действиями, путем подмены биологических материалов пациентов, фальсификации или уничтожения медицинской документации и других объектов создают видимость законного ухудшения состояния пациента и как итог наступления смерти. Поэтому вопросы использования специальных знаний в расследовании этих преступлений имеют решающее значение. Однако при использовании врачей-специалистов следователю следует помнить о профессиональной корпоративности медицинских работников, особенно работающих в одной организации. В настоящее время значительное развитие информационных и цифровых технологий позволяет решить эту проблему, привлекая к работе независимых специалистов из других регионов страны, используя их знания дистанционно.

Важнейшее значение для расследования ятрогенных преступлений имеют результаты проведения таких экспертиз, как экспертизы качества оказания медицинской помощи, комиссионной судебно-медицинской экспертизы и компьютерно-технической экспертизы.

В качестве общего вывода хотелось бы отметить тезис, который нами уже отмечался в рамках изучения особенностей назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, о том, что расследование преступлений является сложным и трудоемким процессом, требующим от субъекта расследования эффективного использования сил, средств и методов всех субъектов взаимодействия, в том числе специалистов и экспертов, обладающих специальными знаниями в разных областях науки, техники, искусства или ремесла [9, с. 102].

¹¹ Fox J.E., Oaks Sh. Medical Malpractice: The Fraudulent Electronic Medical Record. URL: https://www.foxandfoxlawcorp.com/wpcontent/uploads/2016/01/Article_re_Altered_Records.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

Список источников

1. Медицинское право / сост. Р.Ю. Смирнов. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2018. 52 с.
2. Томили В.В., Соседко Ю.И. Судебно-медицинская оценка дефектов оказания медицинской помощи в учреждениях здравоохранения Российской Федерации // Судебно-медицинский эксперт. 2000. № 1. С. 6.
3. Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. 42 с. <https://elibrary.ru/znosjz>
4. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: метод. рекомендации. М.: Рос. центр суд.-мед. экспертизы, 2017. 29 с.
5. Тузлукова М.В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2013. 23 с. <https://elibrary.ru/zpkevt>
6. Алехин Д.В., Багмет А.М., Бычков В.В. и др. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) / под ред. А.М. Багмета. М.: ООО Изд-во «Юнити-Дана», 2018. 159 с. <https://elibrary.ru/fxyupo>
7. Нестеров А.В., Ненилин С.В., Землянский Д.Ю. О некоторых аспектах привлечения внештатных специалистов при проведении комиссионных или комплексных судебно-медицинских экспертиз // Судебно-медицинская наука и экспертная практика: задачи, пути совершенствования на современном этапе: труды IX Всерос. съезда судебных медиков с междунар. участием // под общ. ред. И.Ю. Макарова. Череповец: ИП Мочалов С.В., 2023. С. 118-122. <https://elibrary.ru/vnyufy>
8. Левин Д.Г. Саратовский опыт производства судебно-медицинских экспертиз по фактам неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи // Судебно-медицинская наука и экспертная практика: задачи, пути совершенствования на современном этапе: труды 9 Всерос. съезда судебных медиков с междунар. участием. Череповец: ИП Мочалов С.В., 2023. Т. 1. С. 78-88. <https://elibrary.ru/fjkeqv>
9. Потанов С.А. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 94-105. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105>, <https://elibrary.ru/ylgtzr>

References

1. Smirnov R.Yu. (compiler) (2018). *Meditsinskoe pravo* [Medical Law]. Yaroslavl, P.G. Demidov Yaroslavl State University Publ., 52 p. (In Russ.)
2. Tomilin V.V., Sosedko Yu.I. (2000). *Sudebno-meditsinskaya otsenka defektov okazaniya meditsinskoi pomoshchi v uchrezhdeniyakh zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii* [Forensic medical assessment of defects in the provision of medical care in healthcare institutions of the Russian Federation]. *Sudebno-meditsinskii ehkspert* [Forensic Medical Expert], no. 1, p. 6. (In Russ.)
3. Selina E.V. (2003). *Primenenie spetsial'nykh poznanii v rossiiskom ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Special Knowledge Use in the Russian Criminal Process: PhD (Law) diss. abstr.]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 42 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znosjz>
4. Kovalev A.V. (2017). *Poryadok provedeniya sudebno-meditsinskoi ehkspertizy i ustanovleniya prichinno-sledstvennykh svyazei po faktu neokazaniya ili nenadlezhazhego okazaniya meditsinskoi pomoshchi: metod. rekomendatsii* [The Procedure for Conducting a Forensic Medical Examination and Establishing Cause-and-Effect Relationships upon Failure to Provide or Improper Medical Care: Method. Recommendations]. Moscow, The Russian Center for Forensic Medical Publ., 29 p. (In Russ.)
5. Tuzlukova M.V. (2013). *Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii yatrogennykh prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Special Knowledge Use in the Investigation of Iatrogenic Crimes: PhD (Law) diss. abstr.]. Rostov-on-Don, 23 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpkevt>
6. Alekhin D.V., Bagmet A.M., Bychkov V.V., et al. (2018). *Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami po neostorozhnosti (yatrogennykh prestuplenii)* [Investigation of Crimes Committed by Medical Professionals due to Negligence (Iatrogenic Crimes)]. Moscow, LLC "Unity-Dana" Publ., 159 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fxyupo>
7. Nesterov A.V., Nenilin S.V., Zemlyanskii D.Yu. (2023). About some aspects of attracting freelance specialists during commission or complex forensic examinations. *Trudy 9 Vserossiyskogo s'ezda sudebnykh medikov s mezhdunarodnym uchastiem «Sudebno-meditsinskaya nauka i ehkspertnaya praktika: zadachi, puti sovershenstvovaniya na sovremenном etape»* [Proceedings of 9th All-Russian Congress of Forensic Doctors with International Participation "Forensic Science and Expert Practice: Tasks, Ways of Improvement at

- the Present Stage”]. Cherepovets, PE Mochalov S.V. Publ., vol. 1, pp. 118-122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnyufy>
8. Levin D.G. (2023). Saratov experience in the production of forensic medical examinations on the facts of non-provision or improper provision of medical care. *Trudy IX Vserossiyskogo s'ezda sudebnykh medikov s mezhdunarodnym uchastiem «Sudebno-meditsinskaya nauka i ehkspertnaya praktika: zadachi, puti sovershenstvovaniya na sovremennom ehstage»* [Proceedings of 9th All-Russian Congress of Forensic Doctors with International Participation “Forensic Science and Expert Practice: Tasks, Ways of Improvement at the Present Stage”]. Cherepovets, PE Mochalov S.V. Publ., vol. 1, pp. 78-88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fjkeqv>
 9. Potapov S.A. (2018). Specifics of forensic examinations commissioning in the investigation of crimes related to illicit drug turnover. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 2, no. 7, pp. 94-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105>, <https://elibrary.ru/ylgtzr>

Поступила в редакцию / Received 24.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 10.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ NATIONAL SECURITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.471

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-311-322>

Шифр научной специальности 5.1.3

Взаимодействие некоммерческих организаций и государства в сфере обеспечения национальной безопасности

© **БОДЯК Наталия Евгеньевна**,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», Республика Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Э. Ожешко, 22,
Bodyak_ne@grsu.by

Аннотация

Некоммерческие организации играют значимую роль в современном обществе, они объединяют огромное количество граждан, связанных общими интересами и взглядами. Поэтому игнорировать их влияние, в том числе и на вопросы безопасности государства, по крайней мере, неразумно. В рамках прослеживаемой научной дискуссии исследованы вопросы участия некоммерческих организаций в процессе обеспечения национальной безопасности. Рассмотрены различные подходы к пониманию национальной безопасности и гражданского общества. Обозначена проблема определения сущности некоммерческой организации и установления критериев классификации некоммерческих организаций в целях отнесения их к субъектам гражданского общества. Сложившая сегодня в мире экономико-политическая ситуация требует изменения подходов к правовому статусу некоммерческой организации, систематизации их организационно-правовых форм, функций и методов деятельности. Обращено внимание на необходимость формирования комплексного правового поля, включающего установление принципов, выработку форм коммуникации некоммерческих организаций, как представителей гражданского общества, и государственных органов в целях достижения поставленных задач по обеспечению социального консенсуса и национальной безопасности. Обоснована необходимость разработки комплексного правового определения понятия и сущности некоммерческих организаций как институтов гражданского общества.

Ключевые слова

национальная безопасность, некоммерческая организация, гражданское общество, субъект гражданского общества, субъект национальной безопасности, взаимодействие некоммерческих организаций с государством

Для цитирования

Бодяк Н.Е. Взаимодействие некоммерческих организаций и государства в сфере обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 311-322.
<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-311-322>

Interaction of non-profit organizations and the state in the field of national security

© Natalia E. BODYAK,

Senior Lecturer of Civil Law and Procedure Department, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Ozheshko St., Grodno, Belarus Republic, 230023, Bodyak_ne@grsu.by

Abstract

Non-profit organizations play a significant role in modern society, they unite a huge number of citizens connected by common interests and views. Therefore, it is at least unwise to ignore their influence, including on state security issues. Within the framework of a traceable scientific discussion, the issues of non-profit organizations' participation in the process of ensuring national security are investigated. Various approaches to understanding national security and civil society are considered. The determining the essence problem of a non-profit organization and establishing criteria for classifying non-profit organizations in order to classify them as subjects of civil society is outlined. The current economic and political situation in the world requires a change in approaches to the legal status of a non-profit organization, systematization of their organizational and legal forms, functions and methods of activity. Attention is drawn to the need to form a comprehensive legal framework, including the principles' establishment, the communication forms development for non-profit organizations, as civil society representatives, and government agencies in order to achieve the tasks set to ensure social consensus and national security. The necessity of developing a comprehensive legal definition of the concept and essence of non-profit organizations as institutions of civil society is substantiated.

Keywords

national security, a non-profit organization, civil society, a civil society actor, a subject of national security, interaction of non-profit organizations with the state

For citation

Bodyak, N.E. (2024). Interaction of non-profit organizations and the state in the field of national security. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 311-322 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-311-322>

Введение

Тема обеспечения национальной безопасности и участия в этом некоммерческих организаций выходит сегодня на первый план. Особенно остро это касается Республики Беларусь, Российской Федерации и иных государств постсоветского пространства. Разрабатываемая государствами система основных направлений в области обеспечения национальной безопасности должна предусмотреть все возможные механизмы реализации и, в первую очередь, правовые. Надо отметить, что в правовой науке этот вопрос остро звучит на протяжении нескольких последних лет, однако ученые либо проводят общий обзор законодательства либо ограничиваются анализом отдельных дефиниций, подытоживая, что «национальная безопасность» – понятие многоаспектное, требующее детального подхода и концептуальных решений проблемных моментов. Не секрет, что философы, с древнейших

времен интересующиеся вопросами государства, обеспечение безопасности рассматривали как одну из причин его образования. Размышления Т. Гоббса о причинах возникновения государства приводят его к логичному выводу, что «конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни» [1, с. 143]. Ученый также указывает, что в целях обеспечения безопасности недостаточно, чтобы люди «управлялись и направлялись единой волей в течение ограниченного времени» [1, с. 145].

Иными словами, обеспечение безопасности государства – это постоянный непрерывный процесс и обязательное условие надлежащего функционирования государства и выполнения им взятых на себя функций пе-

ред обществом. Данный тезис нашел отражение в статье 2 Законодательных основ Концепции устойчивого и безопасного развития государств-участников МПА СНГ в области образования и науки (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. № 40-7), где термин «безопасность» определяется как «возможность продолжения существования системы (отсутствие возможности ее гибели или причинения ей неприемлемого ущерба)»¹.

Отношения по обеспечению национальной безопасности имеют межотраслевой характер, наибольшее внимание традиционно уделяется их рассмотрению в контексте конституционного, административного и иных публичных отраслей права, однако, полагаем, сегодня назрела необходимость исследования вопросов взаимодействия государства и некоммерческих организаций и в рамках частноправовых отраслей. Вовлечение граждан в процесс управления делами государства, формирование гражданского общества невозможно без участия некоммерческих организаций, которые являются представителями этого самого общества. Такой процесс, на наш взгляд, должен иметь под собой четкую концепцию, базирующуюся на внятном законодательном определении понятий: «национальная безопасность», «гражданское общество», «некоммерческая организация». Конкретизация критериев отнесения некоммерческих организаций к институтам гражданского общества, выработка форм и методов деятельности некоммерческих организаций будет способствовать совершенствованию государственного управления и формированию активного патриотичного гражданского общества, а следовательно, способствовать реализации концепции национальной безопасности.

Результаты исследования

В условиях развития гражданского общества, демократизации государства термин

«безопасность государства (государственная безопасность)», начиная со второй половины XX века, преобразовался в дефиницию «национальная безопасность» и привлек еще более пристальное внимание ученых. Продолжающаяся сегодня дискуссия позволяет выделить ряд закономерностей, присущих этому правовому институту, в частности: 1) с развитием общества меняется понимание безопасности и средств ее обеспечения; 2) безопасность государства невозможна без обеспечения безопасности граждан этого государства и иных лиц, находящихся на его территории (как отдельных личностей, так и их объединений), и наоборот.

В законодательных актах безопасность государства понимается, как правило, как элемент национальной безопасности и определяется как «состояние защищенности интересов страны от реальных и потенциальных угроз»².

В статье 23 и статье 89⁵ Конституции Республики Беларусь применен термин «национальная безопасность», а его определение получило закрепление в утвержденной 28 июня 2023 г. Концепции правовой политики Республики Беларусь: «национальная безопасность представляет собой состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, характеризующееся в том числе: правом народа самостоятельно определять свои судьбу и путь развития; целостностью государства, внутренней стабильностью и надлежащей охраной общественного порядка; возможностью государства выступать полноправным участником международных отношений» (пункт 11 Концепции правовой политики Республики Беларусь³).

Решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 утверждена Концепция национальной безопасности Рес-

¹ Законодательные основы Концепции устойчивого и безопасного развития государств-участников МПА СНГ в области образования и науки: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 18.04.2014 № 40-7 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2014. № 61.

² Модельный Закон «О безопасности»: постановление Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 15.10.1999 № 9-9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 1999. № 23-пр.

³ Концепция правовой политики Республики Беларусь, утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2023. 30 июня. 1/20916.

публики Беларусь, которой вводится уточненное понятие национальной безопасности: «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие»⁴. Такая конкретизация задает смысловую направленность, придает определенную динамичность, что соответствует реалиям сегодняшнего дня.

Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представлена Конституцией Российской Федерации, целым рядом федеральных законов, в том числе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другими нормативными правовыми актами. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» национальная безопасность Российской Федерации определена как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»⁵.

Приведенные законодательные определения, хоть и несколько различаются, но вполне вписываются в доктринальную теорию, поскольку охватывают «триединую составляющую, каждый компонент которой одинаково значим – безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства» [2, с. 78].

Обычно дефиницию «национальная безопасность» распространяют на государственную (военную, политическую и др.), обще-

ственную (социальную, демографическую, информационную и др.), экономическую (энергетическую, научно-технологическую и др.) и иные виды безопасности, которые предусмотрены законодательством соответствующего государства. При этом на доктринальном уровне исследователи обращают внимание на необходимость включения в понятие национальной безопасности иных видов, в частности, религиозной безопасности, комплексной безопасности детей и т. п. [3–5]. Например, Н.В. Прокудина пишет, что «несмотря на то, что значимость религиозного фактора отмечается во многих разделах многих документов в сфере национальной безопасности, религиозная безопасность до сих пор не выделена в отдельное направление национальной безопасности Российской Федерации» [3]. В какой-то степени можно согласиться с О.А. Колоткиной и И.Д. Ягофаровой, что «со временем перечень видов национальной безопасности объективно может быть дополнен иными видами национальной безопасности с учетом трансформации приоритетов стратегического планирования, появлением новых рисков и угроз национальным интересам, разработкой как на доктринальном, так и на законодательном уровнях новых параметров и критериев оценки национальной безопасности» [5], однако, представляется более целесообразным не дробить национальную безопасность на многочисленные составляющие, а выделить те актуальные интересы общества и государства, которые требуют защитных мер на данном этапе.

Поскольку автор статьи не ставит перед собой цель детального осмысления теоретико-методологических аспектов определения сущности национальной безопасности, в рамках исследования предлагается исходить из базисного определения, приведенного в упомянутых нормативных правовых актах.

Объектом национальной безопасности, согласно части второй пункта 49 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, являются «сбалансированные национальные интересы личности, общества и государства, их достижение и поддержание во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь». Из данной формулировки следует, что государство и общество должны активно взаимодействовать с целью определе-

⁴ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2024. 26 апр. 1/21360.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

ния точек соприкосновения и баланса интересов всех субъектов. А в качестве представителя общества в целом и конкретных личностей, имеющих общие интересы, должны выступить некоммерческие организации.

Действительно, в перечень субъектов системы обеспечения национальной безопасности, содержащийся в пункте 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, включены, в том числе, «субъекты гражданского общества, граждане, реализующие свои права и обязанности в сфере обеспечения национальной безопасности в соответствии с законодательством». В рассматриваемом правовом акте, как и в его предшественнике, законодатель не уточняет, кого следует признавать «субъектами гражданского общества». В целях создания правовой основы для эффективной коммуникации граждан и государственных органов 14 февраля 2023 г. принят Закон Республики Беларусь № 250-З «Об основах гражданского общества»⁶. В статье 1 указанного акта детализировано понятие гражданского общества – «граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством». Подобная трактовка, на наш взгляд, не отражает всех аспектов этой многогранной категории, хотя и определяет основную суть этого явления – *это определенная форма общественных отношений, признанная государством, обеспечивающая реализацию основных прав и свобод человека и гражданина*.

Несовершенство законодательных определений влечет необходимость тщательного теоретического осмысления данной дефиниции. Понятию гражданского общества в философской, социологической, политологической и правовой литературе уделено огромное внимание.

П.С. Баринов и В.А. Катомина, определяя гражданское общество как «целостную систему, включающую в себя разнообразные

институты гражданского общества, находящиеся между собой в тесной взаимосвязи», отмечают отсутствие в юридической литературе «единства мнений относительно юридической природы и структуры гражданского общества», что повлекло пробел в действующем законодательстве [6, с. 28].

Одним из основных институтов гражданского общества, наиболее отвечающих выработанным в науке и законодательстве критериям (добровольность объединения, самостоятельность, самоуправление, правовой характер деятельности и др.), выступают некоммерческие организации, которые сегодня рассматриваются государством как основные партнеры в социально ориентированном государстве. Обратим внимание на тот момент, что речь идет не о противостоянии «государство – некоммерческая организация», а о сотрудничестве, активном взаимодействии. Такое взаимодействие обычно проявляется в том, что некоммерческая организация выполняет общественно-значимые функции или решает (помогает решать) государственно-значимые задачи, а государство, в свою очередь, предоставляет ей консультационную, финансовую и иные виды поддержки.

В отношении некоммерческих организаций исследователи применяют многообразие терминов, используя такие, как «некоммерческая организация», «неправительственная организация», «негосударственная организация», «общественная организация», «социально-ориентированная организация», «третий сектор» и др. Это приводит не только к смешению, но зачастую и к подмене понятий. Вызвана такая ситуация, во-первых, многообразием форм некоммерческих организаций, во-вторых, разнонаправленностью целей их деятельности. Кроме того, гражданское законодательство допускает возможность учреждения некоммерческой организации любыми субъектами права: физическими и юридическими лицами, государственными органами. Отметим также, что законодатель дополнил положения пункта 3 статьи 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь, указав, что государство может входить в состав учредителей некоммерческой организации, а также может иметь «имущественные права в отношении некоммерческих организаций, в том числе не являясь их

⁶ Об основах гражданского общества: Закон Республики Беларусь от 14.02.2023 № 250-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2023. 18 февр. 2/2970.

учредителем (участником)»⁷. Полагаем, что перечисленные выше термины не должны рассматриваться в качестве взаимозаменяемых, тождественных понятий, применяемых для обозначения некоммерческой организации. Понятие «некоммерческая организация» является обобщающим для остальных, поэтому предметом дальнейшего рассмотрения в данной статье будут некоммерческие организации в целом.

В Руководстве по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов, разработанном Организацией Объединенных Наций, выделен ряд признаков, при соответствии которым субъект признается некоммерческой организацией⁸. К таковым, помимо критериев, закрепленных в гражданском законодательстве, отнесены: независимость от органов государственного управления, самоуправляемость и добровольность.

Означенные признаки соотносимы с основными положениями научной теории гражданского общества и действительно присущи большинству некоммерческих организаций. Тем не менее, в приведенный перечень не попадают те организации, где в качестве учредителя или инициатора образования выступает государство (государственные объединения (концерны), республиканские государственно-общественные объединения, учреждения, фонды). Не охватываются указанным списком и самоуправляемые организации, где членство осуществляется в принудительном порядке, поскольку является условием осуществления профессиональной деятельности (адвокатские образования, нотариальные палаты и т. п.). Справедливости ради заметим, что такая характеристика института гражданского общества, как обособленность от государства, ни в коей мере не исключает любое взаимодействие с ним, в том числе и оказание финансовой помощи некоммерческой организации.

В действующих нормативных актах государств-участников СНГ и в научных ис-

точниках отсутствует единый подход к отнесению тех или иных некоммерческих организаций к институтам гражданского общества. Обычно ученые, занимающиеся вопросами исследования проблем развития гражданского общества, относят к его институтам практически все некоммерческие организации, опираясь на неприбыльный характер деятельности и добровольность участия граждан в этих организациях.

Н.Ю. Молчаков находит определение гражданского общества «как совокупности неправительственных организаций... ограниченным с научной точки зрения», указывая, что «сама концепция гражданского общества пришла к нам с Запада именно в этих одеждах – как сфера деятельности НКО. С этой точки зрения его и изучают: как институциональные проявления общественной публичности, альтернативные государству» [7].

П.С. Баринев и В.А. Катомина считают, что «государственная корпорация, саморегулируемая организация, выступая некоммерческими организациями, не могут быть отнесены к институтам гражданского общества, поскольку ими реализуются публичные функции государства. Поэтому к институтам гражданского общества можно отнести лишь часть некоммерческих организаций, характеризующихся признаками добровольности, самоорганизации, самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности» [6, с. 28].

Очевидно, что подобная полемика вызвана отсутствием внятного законодательного определения. В законодательстве Российской Федерации нередко встречается термин «институт гражданского общества», но его пояснение отсутствует. Тем не менее, пункт 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации несколько проясняет ситуацию формулировкой «...институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций», что позволяет отнести все известные организационно-правовые формы некоммерческих организаций к институтам гражданского общества.

Упомянутый ранее Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» в статье 4 наделяет статусом субъектов гражданского общества «объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, терри-

⁷ Об изменении кодексов: Закон Республики Беларусь от 13.11.2023 № 312-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2023. 18 февр. 2/2970.

⁸ Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2006. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesf/seriesf_91r.pdf (дата обращения: 16.02.2024 г.)

торияльного или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества».

Таким образом, мы видим, что законодатель Республики Беларусь и Российской Федерации не использует критерий обособленности от государства, допуская включение в качестве субъекта гражданского общества некоммерческих общественных образований, осуществляющих деятельность в интересах всего общества, и в силу этого признаваемых и поддерживаемых государством, а возможно, и образованных по инициативе государства. Но это не означает, что государство учреждает неких субъектов, именуя их в дальнейшем субъектами гражданского общества, для последующего согласованного взаимодействия с ними. Негосударственные образования для того, чтобы стать субъектами права в принципе, должны быть легитимированы, то есть их деятельность также должна быть разрешена законодательством (государством). И одним из условий признания подобной структуры, в том числе субъектом гражданского общества, является установление запрета деятельности, направленной на осуществление пропаганды войны или экстремистской деятельности (часть вторая статьи 4 Закона Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»).

Несомненно, ведущим субъектом системы обеспечения национальной безопасности является система государственных органов и учреждений (которые по своему правовому статусу также являются некоммерческими организациями), обеспечивающих защиту основных интересов государства и общества, в частности система правоохранительных органов и органов государственной безопасности в том числе. Однако субъекты гражданского общества занимают не менее важную позицию, поскольку «субъекты обеспечения национальной безопасности осуществляют согласованную деятельность по достижению цели и решению задач обеспечения национальной безопасности в соответствии с их правовым статусом, определяемым законодательством» (пункт 63 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь). Формирование правового поля, вклю-

чающего установление принципов, выработку форм, средств и способов взаимодействия субъектов по достижению поставленных задач в области обеспечения национальной безопасности, имеет непосредственное отношение к системе обеспечения национальной безопасности. Именно от эффективности правовой базы, ее способности создать предпосылки для развития институтов гражданского общества, обеспечения устойчивости процесса взаимовыгодного сотрудничества с государственными структурами в значительной степени будет зависеть эффективность процесса обеспечения национальной безопасности. Глобальные изменения в геополитическом и региональном масштабах требуют определенной корректировки принципов и инструментов государственного регулирования, а также взаимодействия органов государства с гражданским обществом, представителями которого выступают и некоммерческие организации. События последних лет позволили окончательно констатировать, что государство обязано считаться с интересами гражданского общества, в том числе предпринимательских и некоммерческих структур, а последние в свою очередь не могут эффективно функционировать без регулирующего государственного воздействия. Такое понимание повлекло необходимость пересмотра и обновления основных нормативных правовых актов программного характера, имеющих политическое, социальное и экономическое значение. В результате должен быть сформирован устойчивый правовой базис, определяющий сущность и содержание деятельности государства по объединению и упрочению усилий гражданского общества (некоммерческих организаций) и государственных органов по защите от внутренних и внешних угроз, обеспечению баланса интересов личности и государства.

Заметим, что в пункте 64 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь значимое место отведено способам, которые могут быть реализованы непосредственно гражданским обществом.

Разумеется, события последних нескольких лет способствовали переоценке отношения государства к некоммерческим организациям в свете обеспечения национальной безопасности, что получило отражение в коррек-

тировке содержания нормативных правовых актов, определяющих правовой статус некоммерческих организаций. Как обозначил в рамках совещания по законопроектам, регулирующим развитие гражданского общества, работу партий и общественных объединений А.Г. Лукашенко, необходимо «развивать все общественные организации, которые занимают патриотическую с точки зрения государства позицию». Он подчеркнул, что «основным условием регистрации и деятельности общественных объединений, политических партий должны стать их конструктивные партнерские отношения с властью, в данном вопросе важен четкий подход: гражданскому обществу необходимо соотносить свои действия с государственной политикой. Поэтому следует внедрять различные формы взаимодействия государственных и общественных структур»⁹.

Сегодня в качестве основного института гражданского общества рассматриваются некоммерческие организации, которые представляют собой массовые общественные организации – объединения граждан и объединения юридических лиц, наиболее активно проявившие себя, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» дифференцирует формы взаимодействия государственных органов и субъектов гражданского общества на: общие формы, перечень которых оставляет открытым (статья 6), и особые (статья 7). К особым формам отнесено, например, избрание делегатов Всебелорусского народного собрания в предусмотренном законом порядке. Полномочия по отнесению некоммерческих организаций к субъектам, имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями), в особых формах возложены на Министерство юстиции Республики Беларусь. С учетом новых законоположений такими субъектами признаны всего пять некоммерческих организаций. Это са-

мые многочисленные республиканские общественные объединения: Республиканское общественное объединение «Белая Русь», Белорусское общественное объединение ветеранов, Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», Общественное объединение «Белорусский союз женщин» и Федерация профсоюзов Беларуси¹⁰.

Таким образом, белорусский законодатель разграничивает субъектов гражданского общества по объему предоставляемых им полномочий, не конкретизируя состав лиц, которые могут коммуницировать с государством в общих формах.

Безусловно, вопрос взаимоотношений государства и некоммерческих организаций как института гражданского общества достаточно многогранен и исследован не в полной мере. Проработка перспективных направлений сотрудничества государства и некоммерческих организаций позволит последним, несмотря на особенности основных целей деятельности, занять еще более весомую позицию в реализации национальной социальной и экономической политики государства с учетом сложившихся политических и экономических условий. Ввиду этого заслуживают особого внимания вопросы выработки надлежащего определения некоммерческой организации, критериев их классификации, определения места некоммерческих организаций в системе институтов гражданского общества.

Правовые основы регулирования деятельности некоммерческих организаций были заложены еще в дореволюционный период. В годы становления СССР законодательное закрепление права на объединение граждан уравнивалось предоставлением государственным органам широких полномочий по контролю деятельности общественных организаций. Тогда четко прослеживалась тенденция установления жестких требований к процедуре создания обществен-

⁹ Совещание по законопроектам, регулирующим развитие гражданского общества, работу партий и общественных объединений. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-zakonoproektam-reguliruyushchim-razvitie-grazhdanskogo-obshchestva-rabotu-partiy-i-obshchestvennyh-obedineniy> (дата обращения: 12.04.2024)

¹⁰ Об отнесении общественных организаций к субъектам гражданского общества. URL: https://minjust.gov.by/press/news/politicheskie_partii_obshchestvennye_obedineniya_i_drugie_nekommercheskie_organizatsii_ob_otnesenii_obshchestvennykh_organizatsiy_k_subektam_grazhdanskogo_obshchestva/ (дата обращения: 18.04.2024).

ных организаций, запрета на создание общественных организаций, создающих угрозу общественной безопасности, противоречащих закону и не отвечающих запросам общественной пользы. В дальнейшем правовая система последовательно исходила из необходимости закрепления прав человека, уменьшения сферы вмешательства государства во внутреннюю жизнь общественных организаций, при этом уделяя больше внимания активной поддержке массовых объединений, в частности, активно взаимодействующих с государственными структурами (профессиональные объединения, политические партии, молодежные союзы и т. п.). Такой подход был обусловлен изменением курса социально-экономического развития, демократизацией, повышением роли гражданского общества и способствовал широкому распространению различных некоммерческих организаций как на региональном, так и на республиканском уровне. Это, в свою очередь, обусловило необходимость принятия новых нормативных правовых актов, определения перечня организационно-правовых форм некоммерческих организаций и закрепления в законодательстве оснований и условий государственного вмешательства в их деятельность.

В законодательстве постсоветских государств некоммерческие организации определяются идентично, как организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками (пункт 1 статьи 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь и пункт 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации). Данное определение соответствует пониманию некоммерческих организаций в мировой практике, где основным критерием различия предпринимательских и непредпринимательских организаций выступает именно запрет на распределение прибыли и использование ее в иных целях, кроме предусмотренных в учредительных документах. Основной спектр целей деятельности таких юридических лиц также закреплен на уровне законодательства и характеризуется направленностью на достижение общественных благ. Не исключается также возложение на некоммерческую организацию государственно зна-

чимых задач, а также удовлетворение материальных потребностей граждан и (или) юридических лиц. Иными словами, некоммерческие организации могут создаваться и действовать в целях, необходимых конкретным субъектам права: физическим и юридическим лицам, государству, которые выступают в роли учредителей (участников, членов) такой организации, либо в целях, имеющих общесоциальный характер, то есть учитывающих интересы и потребности людей (общества) в целом. В научных исследованиях различной направленности неоднократно указывалось, что человек, как индивид, имеет разнообразные потребности и интересы, удовлетворение которых является неотъемлемой частью его собственного развития и развития общества в целом. Часть из этих потребностей на минимальном уровне обеспечивает государство, оставшееся должно обеспечиваться гражданским обществом, к сфере которого относятся некоммерческие организации, основанные на самоуправлении, в том числе общественные объединения, ассоциации (союзы) и др.

Приоритетность целей современных некоммерческих организаций определяется не только потребностями конкретного индивида или сообщества учредителей (участников, членов) организации, но и необходимостью достижения социального эффекта, необходимого для общества (государства) в целом. В.Э. Гордин объединяет разнообразные цели деятельности некоммерческих организаций в одну – задачу роста «социального капитала общества» [8, с. 62].

По мнению Г.Г. Волковой, «однозначно определить роль и функции некоммерческого сектора в российской экономике, как и других странах, весьма сложно в силу огромного разнообразия типов НКО, форм и задач, которые они выполняют», поэтому она выделяет в качестве наиболее существенных следующие функции некоммерческих организаций: экономическая, социальная и институциональная» [9].

Поскольку основная цель некоммерческой организации – осуществление деятельности, направленной на достижение общественного блага, то, исходя из этого, должна выстраиваться не только система целей конкретной некоммерческой организации, но и правовые институты, формирующие основа-

ния и пределы государственного вмешательства в деятельность такого юридического лица. При этом необходимо учитывать, что некоммерческие организации не составляют единое целое с государственным аппаратом, и именно это позволяет им эффективно воздействовать и на само государство, и на его структуры. Такая автономность при соответствии правовым формам деятельности содействует принятию государственным аппаратом рациональных решений, действительно направленных на защиту интересов государства и общества, а также демократизации общества.

Различного рода неблагоприятные события (пандемии, стихийные бедствия, вооруженные конфликты), которые имеют место в последние годы, оказывают определенное воздействие не только на интересы и потребности людей, но и на государства, которые вынуждены вырабатывать адекватные и совершенствовать уже известные способы защиты общественных и государственных интересов. Совершенно очевидно, что сложившиеся сегодня экономические, политические, социальные отношения требуют применения нового дифференцированного подхода к решению ряда вопросов правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, учитывающего особенности, сферу и характер их деятельности.

Правовые нормы, содержащиеся в действующем гражданском законодательстве, определяют общее понятие некоммерческой организации, а также содержат условно закрытый перечень их организационно-правовых форм (норма пункта 3 статьи 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь, например, содержит формулировку «а также в других организационно-правовых формах, предусмотренных законодательными актами») и основные особенности каждой из них. Гражданский кодекс Республики Беларусь, как и Гражданский кодекс Российской Федерации, не предлагает иных критериев дифференциации некоммерческих организаций, кроме классификации организационно-правовых форм, применяя к ним признаки, характерные для юридических лиц в целом (статья 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статьи 48, 50 и 65-1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В научной литературе выделяют: 1) организации частного интереса и организации публичного интереса; 2) социально ориентированные некоммерческие организации; 3) государственные и негосударственные (неправительственные) организации; 4) неправительственные объединения, имеющие статус иноагента, и др.

Полагаем, что сегодня назрела необходимость выработки новых критериев проведения классификации некоммерческих организаций в целях закрепления их особого статуса как субъекта обеспечения национальной безопасности. Белорусский законодатель предпринял определенные шаги для закрепления своей позиции в этом плане, определив самые массовые общественные объединения и организации в качестве субъектов гражданского общества, имеющих право сотрудничать с государственными структурами в особых формах. Положительным видится и сохранение за некоммерческими организациями возможности коммуникации с государством в общих формах, без ограничения их перечня указанием исключительно на общественные объединения.

Однако, на наш взгляд, в конкретизации нуждаются возможность и круг полномочий некоммерческих организаций для участия в обеспечении национальной безопасности.

Заключение

Таким образом, основная задача законодателя при регулировании деятельности некоммерческих организаций, как сегмента гражданского общества, не только сформировать правовые основы образования и деятельности некоммерческой организации, но и обозначить области, в которых деятельность некоммерческой организации будет максимально способствовать решению социально-значимых задач и обеспечению национальной безопасности. И это не только сфера реализации социальной политики государства, но и участие в реализации проектов экономической направленности как республиканского, так и регионального уровня. В частности, некоммерческие организации в соответствии с инвестиционным законодательством Республики Беларусь могут осуществлять: 1) инвестирование в основной капитал с целью получения прибыли; 2) вложение инвестиций в социальную инфраструктуру.

Кроме того, некоммерческие организации в определенной мере способствуют образованию и становлению субъектов малого предпринимательства, предупреждению неплатежеспособности (банкротства) как коммерческих, так и ряда некоммерческих организаций, в том числе посредством повышения квалификации кадров, предоставления микрораймов, взаимного финансирования и другими способами. Это в значительной степени способствует выполнению задач обеспечения национальной экономической безопасности.

В иных сферах, в том числе экологической безопасности, религиозной, сохранении культурно-исторического национального наследия и других деятельность некоммерческих организаций без преувеличения следует признать значительной.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что такое значимое положение некоммерческих организаций в экономической, социальной и политической сферах вполне оправданно, поскольку некоммерческие организации в настоящее время играют все более ощутимую роль в становлении и эволю-

ции гражданского общества, воспитании подрастающего поколения и формировании у него чувства патриотизма и гражданской ответственности, защите прав и свобод граждан и организаций, сохранении основ демократического общества, что, в свою очередь, отражается и на обеспечении национальной безопасности. В связи с этим полагаем, что проблема осмысления понятия и сущности некоммерческих организаций как институтов гражданского общества является перспективным направлением современной правовой науки. Это позволит, в первую очередь, выработать единые критерии классификации некоммерческих организаций в целях обеспечения комплексного правового подхода не только к определению места подобных образований в системе субъектов, воздействующих на политическую, социальную и экономическую функции государства, но и к уточнению целей образования некоммерческой организации, форм и методов их деятельности, что, безусловно, будет способствовать формированию безопасного государства.

Список источников

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 503 с.
2. Возжеников А.В., Кривельская Н.В., Макаренко И.К. и др. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Рос. академия гос. службы при Президенте Российской Федерации, 2005. 338 с. <https://elibrary.ru/qodstt>
3. Прокудина Н.В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 1. С. 75-82. <https://elibrary.ru/ytscvz>
4. Земляков Л.Е. Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь // *Философские исследования: сб. науч. тр.* Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2014. Вып. 2. С. 159-170.
5. Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования // *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. № 3 (27). С. 450-457. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>, <https://elibrary.ru/xyohrt>
6. Баринов П.С., Катомина В.А. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект // *Пролог: журнал о праве*. 2022. № 2 (34). С. 24-31. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2022.2.3>, <https://elibrary.ru/vhdcvh>
7. Молчаков Н.Ю. Некоммерческие организации как символ современного гражданского общества // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Т. 9. № 2. С. 33-49. <https://elibrary.ru/witkyb>
8. Гордин В.Э. Неприбыльный сектор – элемент новой социальной парадигмы // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 1996. № 1. С. 57.
9. Волкова Г.Г. Роль и функции некоммерческого сектора в национальной экономике // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2010. № 5 (34). С. 16-19. <https://elibrary.ru/ndbvsv>

References

1. Gobbs T. (1936). *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State]. Moscow, State Social and Economical Publ., 503 p. (In Russ.)
2. Vozzhenikov A.V., Krivel'skaya N.V., Makarenko I.K. et al. (2005). *Obshchaya teoriya natsional'noi bezopasnosti* [The General Theory of National Security]. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 338 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qodstt>
3. Prokudina N.V. (2017). Religious aspect of the national security in modern Russia. *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* = *Magistra Vitae: an Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology*, no. 1, pp. 75-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytscvz>
4. Zemlyakov L.E. (2014). Religiozniy faktor natsional'noi bezopasnosti Respubliki Belarus' [Religious factor of national security of the Republic of Belarus]. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Philosophical Research: Collection of Scientific Works]. Minsk, National Academy of Sciences of Belarus Publ., issue 2, pp. 159-170. (In Russ.)
5. Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. (2023). Comprehensive child safety is a new type of national security in the strategic planning system. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, no. 3 (27), pp. 450-457. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>, <https://elibrary.ru/xyohrt>
6. Barinov P.S., Katomina V.A. (2022). Civil society institutions: general theoretical aspect. *Prolog: zhurnal o prave* = *Prologue: Law Journal*, no. 2 (34), pp. 24-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2022.2.3>, <https://elibrary.ru/vhdevh>
7. Molchakov N.Yu. (2016). Non-commercial organizations as a symbol of modern civil society. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, pravo* [Problem Analysis and Public Management Design], vol. 9, no. 2, pp. 33-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/witkyb>
8. Gordin V.Eh. (1996). Nepribyl'nyi sektor – ehlement novoi sotsial'noi paradigmy [The non-profit sector is an element of a new social paradigm]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ehkonomiki i finansov* [Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance], no. 1, pp. 57. (In Russ.)
9. Volkova G.G. (2010). The role and functions of non-commercial sector in the national economy. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ehkonomicheskogo universiteta* = *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, no. 5 (34), pp. 16-19. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndbvsvd>

Поступила в редакцию / Received 07.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 04.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
REVIEW OF LEGISLATION
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.44

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-323-332>

Шифр научной специальности 5.1.3

**Понятие, правовое регулирование и этапы проведения
правовой экспертизы проекта извещения
об осуществлении закупки товаров, работ, услуг
для обеспечения государственных и муниципальных нужд**

© КРАМСКОЙ Вадим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Российская Федерация, г. Москва, просп. Вернадского, 82; доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, vkramskoy@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены понятие, правовое регулирование и этапы проведения правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Отмечено, что данный правовой институт по своей природе представляет контроль со стороны соответствующих субъектов, состоящий в установлении соотношения действий участников контрактной системы с правовыми предписаниями, которые они должны исполнить при формировании заказа на поставку товара, выполнение работы, оказание услуги. Ввиду этого правовая экспертиза в рамках контрактной системы являет собой яркий пример правового контроля в целях эффективного ее функционирования.

Ключевые слова

правовая экспертиза, извещение об осуществлении закупки, экономика, контракт, документация, аукцион, конкурс, котировки

Для цитирования

Крамской В.В. Понятие, правовое регулирование и этапы проведения правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 323-332. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-323-332>

Concept, legal regulation and stages of conducting a legal examination of a draft notice on the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs

© Vadim V. KRAMSKOY,

PhD (Law), Associate Professor of Legal Disciplines of Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department of Law Institute, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4186-7765>, vkramskoy@mail.ru

Abstract

The concept, legal regulation and stages of conducting a legal examination of a draft notice on the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs are considered. It is noted that this legal institution, by its nature, represents control on the part of the relevant entities, which consists in establishing the relationship between the actions of participants in the contract system and the legal regulations that they must fulfill when placing an order for the goods supply, work performance, or services provision. In view of this, legal examination within the framework of the contract system is a striking example of legal control for the purpose of its effective functioning.

Keywords

legal examination, procurement notice, economy, contract, documentation, auction, tender, quotations

For citation

Kramskoy, V.V. (2024). Concept, legal regulation and stages of conducting a legal examination of a draft notice on the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 2, pp. 323-332 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-2-323-332>

Введение

В рамках контрактной системы существует множество субъектов, реализующих различные функции: одна группа субъектов выполняет функции непосредственного обеспечения государственных и муниципальных нужд (государственные, муниципальные заказчики, поставщики, подрядчики, исполнители); другая группа – функцию организационно-технического обеспечения государственных и муниципальных нужд (операторы электронных площадок, операторы специализированных электронных площадок); третья группа субъектов осуществляет вспомогательную функцию в вопросе реализации полномочий государственных, муниципальных заказчиков, поставщиков, подрядчиков, исполнителей по непосредственному обеспечению государственных и муниципальных нужд (к ним можно отнести экспертов, экспертные организации, специализированные организации). Особое

место среди всех субъектов контрактной системы занимают субъекты, на которых возложены контрольные полномочия (ФАС России, Федеральное казначейство, субъекты общественного и ведомственного контроля, а также сами государственные (муниципальные) заказчики).

В рамках данной группы субъектов контрактной системы также возможна определенная градация.

К примеру, участников контрактной системы, реализующих контрольные функции, возможно определять по видам контроля (общегосударственный, ведомственный, общественный), объему полномочий (общий, целевой, локальный), характеру проявления (внешний, внутренний) и др. [1, с. 235].

От действенности реализации контрольной функции при проведении закупок зависит реализация легального принципа действия контрактной системы, а именно: принципа ответственности за результативность

обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок (статья 12 Федерального закона о контрактной системе).

Проведение в жизнь данного принципа возможно разными путями, но, как представляется, ключевое значение в этом вопросе имеет институт правовой экспертизы, который в Федеральном законе о контрактной системе не назван. Несмотря на это, как неоднократно отмечалось в юридической литературе, правовая экспертиза представляет собой достаточно действенный инструмент проведения в жизнь принципа конкурентности закупок, в связи с чем требует особого исследования применительно к контрактной системе [2, с. 20]. При этом в научной периодике и монографических работах данному средству обеспечения законности уделено недостаточное внимание.

Результаты исследования

Реализация своей контрольной функции каждым из субъектов контроля в рамках контрактной системы представляет собой установление соотношения действий участников контрактной системы других групп с правовыми предписаниями, которые они должны исполнить. Другими словами, субъекты контроля, во всяком случае, проводят своего рода правовую экспертизу.

Правовая экспертиза представляет собой исследование проекта правового акта или правового акта уполномоченным лицом на предмет его соответствия законодательству. Из этого лаконичного определения можно вывести следующие признаки, конституирующие институт правовой экспертизы и объясняющие его содержание:

1) исследование – это процесс изучения проекта правового акта или правового акта с точки зрения выявления в нем дефектов юридического характера [3, с. 88];

2) проект правового акта или правовой акт – это документ, подлежащий изучению на предмет выявления в нем дефектов юридического характера; применительно к рассматриваемому вопросу таковым выступает проект извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд или извещение об осуществлении закупки. Исходя из этого, проведение правовой экспертизы

возможно как в форме, предваряющей процедуру закупки товаров, работ, услуг (когда правовой оценке подлежит проект извещения), так и в форме последующего контроля, когда извещение утверждено уполномоченным лицом и на его основании проведена закупка товара, работы, услуги;

3) уполномоченное лицо – наделенный в силу правового предписания компетенцией на проведение правовой экспертизы субъект.

Если говорить о форме правовой экспертизы, которая предваряет процедуру закупок товаров, работ, услуг (когда правовой оценке подлежит проект извещения об осуществлении закупки), то в качестве уполномоченного субъекта применительно к государственному муниципальному заказчику выступает лицо, осуществляющее правовое сопровождение деятельности соответствующего юридического лица. В случае с последующим правовым контролем положений извещения об осуществлении закупки (по итогам ее проведения) таковым могут выступать как то же лицо, осуществляющее юридическое сопровождение деятельности заказчика, так и должностные лица субъектов, реализующих контрольную функцию;

4) соответствие законодательству – это правильное соотношение сформулированных положений проекта извещения об осуществлении закупки правовым нормам, содержащимся в законодательстве о контрактной системе.

Понятие «законодательство» в рассматриваемом случае следует воспринимать в широком смысле и не ограничиваться только включением в его состав положений законодательных актов, но и подразумевать учет требований подзаконных нормативных правовых актов, принятых в развитие положений актов высшей юридической силы (основного закона, конституционных федеральных законов, федеральных законов и др.) [4, с. 148].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона о контрактной системе законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд включает в свой состав Конституцию Российской Федерации; международные договоры Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации; Бюджет-

ный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; указы (распоряжения) Президента Российской Федерации; постановления (распоряжения) Правительства Российской Федерации; приказы министерств и ведомств (к примеру, приказ Министерства финансов Российской Федерации, приказ Казначейства России); приказы Госкорпораций «Росатом», «Роскосмос»; нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральной территории, органов местного самоуправления [5, с. 14].

В вопросе определения правового регулирования процедуры проведения правовой экспертизы в сфере контрактной системы необходимо понимание того, что речь идет не о нормативно-правовом массиве, соответствие проекта извещения об осуществлении закупки которому устанавливается в каждом конкретном случае, а о том ряде нормативных правовых актов, которые регулируют саму процедуру проведения правовой экспертизы.

Если обратиться к законодательству, то можно увидеть, что проведение правовой экспертизы в целом, а не только правовой экспертизы в рамках контрактной системы на законодательном уровне не урегулировано [6, с. 14].

Безусловно, в качестве некоей модели правовой экспертизы рассмотреть институт ведомственного контроля, который предусмотрен статьей 100 Федерального закона о контрактной системе, существо которого в соответствии с Правилами осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89, представляет проверка соблюдения государственными (муниципальными) заказчиками законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

Согласно пункту 3 Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89, при осуществлении ведомственного

контроля органы ведомственного контроля осуществляют проверку соблюдения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, в том числе: соблюдение ограничений и запретов, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; соблюдение требований к обоснованию закупок и обоснованности закупок; соблюдение требований о нормировании в сфере закупок; соблюдение требований по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) и др. [2, с. 20].

Стоящие перед институтом ведомственного контроля задачи по своему объему несколько шире, чем перед институтом правовой экспертизы, хотя и являются смежными. По своей сути ведомственный контроль условно можно рассмотреть как правовую экспертизу в форме последующего контроля.

Проводя аналогию с институтом ведомственного контроля, в качестве прототипов правовой экспертизы в рамках контрактной системы можно рассмотреть и институт общественного контроля, и аудит в сфере закупок, и судебный контроль.

Процедура проведения правовой экспертизы в целом и процедура проведения правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки (извещения об осуществлении закупки) на федеральном уровне преимущественно регулируются подзаконными нормативными правовыми актами, издаваемыми конкретными органами публичной власти для целей их деятельности и подчиненными им территориальными органами и организациями [7, с. 12].

В качестве примера подобных подзаконных нормативных правовых актов можно назвать следующие: приказ Казначейства России от 17 декабря 2013 г. № 297 «О порядке проведения правовой экспертизы документов, поступающих в юридический отдел территориального органа Федерального казначейства»; приказ МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России»; приказ Минэкономразвития России от 26 марта 2014 г. № 161 «О контрактной службе Министерства экономического развития Российской Федерации»; приказ Минэкономразвития России от 20 июля 2022 г.

№ 376 «Об утверждении Регламента проведения правовой экспертизы проектов правовых актов и иных документов Министерства экономического развития Российской Федерации» и др.

На уровне регионального законодательства свое правовое регулирование процедура проведения правовой экспертизы находит как в законодательных актах, так и подзаконных нормативных правовых актах.

Примером данных нормативных правовых актов могут быть: Закон г. Москвы от 08 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы»; Закон Тамбовской области от 23 июня 2006 г. № 51-З «О правовых актах Тамбовской области»; постановление Правительства Орловской области от 31 мая 2019 г. № 308 «О правовом обеспечении деятельности отдельных органов исполнительной государственной власти Орловской области».

Нормы права, регулирующие процедуру проведения правовой экспертизы, содержатся также и в муниципальных правовых актах, распространяющих свой правовой потенциал на территорию соответствующего муниципального образования [8].

Несмотря на это, чаще всего детальное правовое регулирование вопросов проведения правовой экспертизы, в том числе правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки (извещения об осуществлении закупки), находит свое отражение в локальных правовых актах нормативного характера, сила правового действия которых распространяется на деятельность конкретного хозяйствующего субъекта.

Таким образом, при осуществлении деятельности по проведению правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки (извещения об осуществлении закупки) необходимо принять во внимание существующий дифференцированный подход к правовому регулированию данного процесса.

Этапы проведения правовой экспертизы положений проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг.

Проведение правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг должно представлять собой нехаотичный процесс, а структурированную последовательность действий, при которой каждый следующий шаг эксперта обу-

словлен предыдущим, а в своей совокупности они позволяют достичь соответствующего результата.

Если обратиться к положениям статьи 3 Федерального закона о контрактной системе, то согласно легальному определению, под закупкой товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд понимаются действия, осуществляемые заказчиком и направленные на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта. В свою очередь, определение поставщика (подрядчика, исполнителя) – это совокупность действий, которые осуществляются заказчиками, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд либо с направления приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершаются заключением контракта.

В ходе правовой экспертизы необходимо поэтапно оценить следующие аспекты закупки товара, работы, услуги на стадии формирования проекта извещения об осуществлении закупки.

1. Основание подготовки проекта извещения об осуществлении закупки.

В качестве отправной точки для подготовки проекта извещения об осуществлении закупки, по общему правилу, служит сформированный в установленном порядке план-график закупки, который представляет собой документ, отражающий намерения государственного (муниципального) заказчика в приобретении товаров, работ, услуг. Именно данный правовой акт позволяет хозяйствующим субъектам спрогнозировать развитие своей деятельности в соответствующем финансовом году.

При проверке проекта извещения об осуществлении закупки в рамках правовой экспертизы должна быть установлена взаимосвязь положений проекта извещения об осуществлении закупки и плана-графика, в который проводимая закупка включена.

2. Соответствие проекта извещения об осуществлении закупки требованиям законодательства о контрактной системе.

На данном этапе осуществляется оценка проекта извещения об осуществлении закупки на предмет его соответствия требованиям, предъявляемым к нему Федеральным законом о контрактной системе.

Формирование структуры информации, которая должна содержаться в извещении об осуществлении закупки, происходит по правилам, сформулированным в статье 42 Федерального закона о контрактной системе, а также в постановлении Правительства Российской Федерации от 27 января 2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации».

3. Включение в проект контракта обязательных условий, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, без исследования их содержания.

Это следующий этап проведения правовой экспертизы извещения об осуществлении закупки.

Он предполагает под собой оценку полноты включения в проект государственного (муниципального) контракта обязательных условий, предусмотренных как Федеральным законом о контрактной системе, так и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами.

Требования к государственному (муниципальному) контракту сформулированы в статье 34 Федерального закона о контрактной системе, согласно которой, по общему правилу, в государственном (муниципальном) контракте предусматриваются следующие условия (цена контракта и свойство ее твердости) (то есть неизменяемости исходя из количества товара, объема работы, услуги): цена единицы товара, работы, услуги и максимальное значение цены контракта, либо ориентировочное значение цены контракта, либо формула цены и максимальное значение цены контракта; цена каждого этапа исполнения контракта (в случае наличия таковых); ответственность заказчика и поставщика

(подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом; график исполнения контракта; порядок определения количества поставляемого товара, объема выполняемой работы, оказываемой услуги на основании заявок заказчика (если заранее государственному (муниципальному) заказчику неизвестен их объем); порядок и срок оплаты товара, работы или услуги; порядок и срок осуществления заказчиком приемки поставленного товара, выполненной работы (ее результатов) или оказанной услуги; порядок и срок предоставления поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения гарантийных обязательств (в случае наличия таковых); условие об оплате поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги исходя из количества соответственно поставленного товара, объема фактически выполненной работы или оказанной услуги, но в пределах максимального значения цены контракта; размер аванса по каждому этапу исполнения контракта (в случае наличия таковых); функция государственного (муниципального) заказчика как налогового агента (то есть условие об удержании из цены контракта суммы денежных средств, подлежащей перечислению в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в качестве обязательного платежа); срок оплаты исполнения по контракту; стоимость жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта (при заключении контрактов жизненного цикла); дополнительные условия исполнения государственного (муниципального) контракта в определенных Правительством Российской Федерации случаях; обязанность поставщика (подрядчика, исполнителя) о сообщении сведений о соисполнителях (субподрядчиках) по контракту; ответственность поставщика (подрядчика, исполнителя) за непредоставление информации о соисполнителях (субподрядчиках) по контракту в указанном случае; условие о банковском сопровождении контракта; условие о сроках возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных в качестве обеспечительного платежа; условие о продаже лесных насаждений для заготовки древесины при заключении контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству ле-

сов; обязательство поставщика (подрядчика, исполнителя) о предоставлении нового обеспечения исполнения контракта в качестве независимой гарантии (в случае юридического дефекта ранее предоставленной независимой гарантии); идентификационный код закупки; типовые условия контрактов (типовые контракты).

Наряду с обязательными условиями, подлежащими включению в государственный (муниципальный) контракт (в зависимости от обстоятельств конкретной закупки), Федеральным законом о контрактной системе предусмотрен ряд условий, которые могут включаться в него по усмотрению заказчика (возможность одностороннего отказа от исполнения контракта; удержание суммы неисполненного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) требования государственного (муниципального) заказчика об уплате неустойки из суммы, подлежащей оплате поставщику (подрядчику, исполнителю) за реализацию предмета контракта; самостоятельном выполнении (исполнении) подрядчиком (исполнителем) работ (услуг), если закупаются работы по сохранению объектов культурного наследия; работы по реставрации музейных предметов и музейных коллекций; работы, услуги, связанные с необходимостью допуска подрядчиков, исполнителей к учетным базам данных музеев, архивов, библиотек и др.

4. Соответствие проекта контракта установленным гражданским (бюджетным) законодательством и законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок требованиям, а также требованиям, содержащимся в проекте извещения об осуществлении закупки.

Согласно статье 432 Гражданского кодекса Российской Федерации факт заключения договора поставлен в зависимость от достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям.

При осуществлении правовой экспертизы проекта государственного (муниципального) контракта в случае отсутствия типовых условий контракта, типового контракта в отношении закупаемого объекта закупки все содержащиеся в нем условия должны быть сопоставлены с необходимыми для его заключения существенными условиями, содержащимися в положениях гражданского законодательства.

Вне зависимости от того, являются ли или не являются существенными для конкретного договора по гражданскому законодательству условия, в силу положений статьи 34 Федерального закона о контрактной системе подлежат указанию в контракте условия о предмете, цене, сроках исполнения обязательства и др. Ввиду этого особая практическая значимость в обращении к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации отсутствует.

5. Полнота согласования проекта извещения об осуществлении закупки.

Проверка полноты согласования проекта извещения об осуществлении закупки предполагает оценку соблюдения интересов всех участников процедуры закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд со стороны заказчика. Проверка соблюдения заинтересованности имеет место тогда, когда в подготовке извещения об осуществлении закупки принимают участие различные структурные подразделения государственного (муниципального) заказчика, представители которых образуют собой контрактную службу государственного (муниципального) заказчика [9, с. 55].

Выявление соблюдения интересов всех структурных подразделений государственного (муниципального) заказчика, участвующих в закупке, должно осуществляться, как правило, правовым подразделением либо лицом, ответственным за проведение правовой экспертизы.

В рамках проведения правовой экспертизы на данном этапе должно быть проверено согласование положений извещения о проведении закупки с:

- руководителем подразделения-исполнителя по закупке;
- руководителем финансового подразделения;
- руководителем подразделения, интересы которого затрагиваются исполнением государственного (муниципального) контракта.

Согласование с руководителем подразделения государственного (муниципального) заказчика, которым инициируется проведение закупки конкретного товара, работы, услуги, осуществляется для целей корректности описания объекта закупки, которое фор-

мулируется подчиненными ему работниками (сотрудниками) [10, с. 171].

При проведении согласования проекта извещения об осуществлении закупки с руководителем финансового подразделения устанавливается соответствие предмета государственного (муниципального) контракта кодам бюджетной классификации; определяется источник финансирования государственного (муниципального) контракта и наличие денежных средств, необходимых для выполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту, то есть фактическое доведение до государственного (муниципального) заказчика лимитов бюджетных обязательств либо обладание иными средствами; уточняются порядок оплаты (расчетов) и реквизиты счета государственного (муниципального) заказчика.

Для целей проверки полноты согласования проекта извещения об осуществлении закупки в его составе наряду с обязательными электронными документами следует предусматривать лист согласования к проекту извещения об осуществлении закупки, в котором должны быть поименованы все заинтересованные лица. Процедура согласования заключается в проставлении указанными лицами визы, свидетельствующей о согласии с положениями проекта извещения об осуществлении закупки либо визы с пометкой о наличии возражений. Проект извещения об осуществлении закупки должен представляться на правовую экспертизу в подлинном экземпляре.

Выводы

В рамках контрактной системы общепринятое определение понятия правовой экспертизы, под которым понимается исследование проекта правового акта или правового акта уполномоченным лицом на предмет его соответствия законодательству, имеет несколько иное значение, поскольку по своей цели и задачам совпадает с ведомственным контролем. Ввиду этого правовая экс-

пертиза проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой контрольное мероприятие со стороны уполномоченного лица, которое состоит в определении действий участников контрактной системы на предмет их соответствия правовым предписаниям, адресованным участникам контрактной системы, обязанным исполнить их при формировании заказа на поставку товара, работы, услуги.

К одной из особенностей данного правового института следует отнести отсутствие на законодательном уровне детальной правовой регламентации процедуры проведения правовой экспертизы, которая находит свое отражение по большей части в локальных нормативных правовых актах применительно к конкретному государственному (муниципальному) заказчику.

В качестве основных этапов проведения правовой экспертизы проекта извещения об осуществлении закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд можно выделить следующие: проверка основания подготовки проекта извещения об осуществлении закупки; установление соответствия проекта извещения об осуществлении закупки требованиям законодательства о контрактной системе; проверка включения в проект контракта обязательных условий, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, без исследования их содержания; определение соответствия проекта контракта установленным гражданским (бюджетным) законодательством и законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок требованиям, а также требованиям, содержащимся в проекте извещения об осуществлении закупки; определение полноты согласования проекта извещения об осуществлении закупки.

Список источников

1. *Серебряков А.Ю.* Оценка нормативно-правовых актов как объект правовой экспертизы // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*: сб. ст. XL Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 235-237. <https://elibrary.ru/virffl>
2. *Петрова О.В.* Нормативно-правовое регулирование института правовой экспертизы // *Интернаука*. 2021. № 7-2 (183). С. 20-21. <https://elibrary.ru/gltmit>

3. Третьякова Е.-Д.С. Сравнительный анализ правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Сборник научных трудов SWorld. Иваново, 2011. Т. 14. № 2. С. 88-89. <https://elibrary.ru/ojvvep>
4. Хохлова Д.С. К вопросу о важности определения сферы правового регулирования при проведении правовой экспертизы // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Курск, 2022. № 6. С. 148-151. <https://elibrary.ru/nlatkf>
5. Кобец П.Н. Особенности правовой экспертизы нормативных правовых актов, проводимой на стадии правотворческого процесса в государствах – членах европейского союза // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1 (91). С. 14-21. <https://elibrary.ru/lfglrb>
6. Стародубцева И.А. Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 14-20. <https://elibrary.ru/pcsxnd>
7. Бритов А.С., Курмаева Н.А. Теоретико-правовые проблемы правовой экспертизы нормативного правового акта // Бизнес и общество. 2022. № 4 (36). С. 3-12. <https://elibrary.ru/ywymiq>
8. Степанова Ю.С. Правовая и антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: вопросы соотношения // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2022. № 2 (13). С. 44-61. <https://elibrary.ru/kytqmr>
9. Афанасьев С.Ф., Колесников М.А., Александрова Ю.А., Токарева А.А. Правовая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: законодательство, практика и методика проведения. Саратов, 2022. 112 с. <https://elibrary.ru/aoobuv>
10. Третьякова Е.-Д.С. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование деятельности территориальных органов Министерства юстиции в субъектах РФ в пределах СФО. Новосибирск, 2011. 180 с. <https://elibrary.ru/sdklrz>

References

1. Serebryakov A.Yu. (2020). Assessment of normative legal acts as an object of legal expertise. *Sbornik statei XL Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii»* [Collection of Works of the 40th International Scientific and Practical Conference "Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements and Innovations"]. Moscow, pp. 235-237. (In Russ.) <https://elibrary.ru/virffl>
2. Petrova O.V. (2021). Normativno-pravovoe regulirovanie instituta pravovoi ehkspertizy [Legal regulation of the Institute of Legal Expertise]. *Internauka* [Interscience], no. 7-2 (183), pp. 20-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gltmit>
3. Tret'yakova E.-D.S. (2011). Sravnitel'nyi analiz pravovoi i antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov [Comparative analysis of legal and anti-corruption examination of regulatory legal acts]. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld* [Collection of Scientific Works SWorld]. Ivanovo, vol. 14, no. 2, pp. 88-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ojvvep>
4. Khokhlova D.S. (2022). On the importance of determining the scope of legal in carrying out legal expertise. *Glossa: Vestnik studencheskoi nauki. Izdanie kafedry teorii i istorii gosudarstva i prava Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Glossa: Bulletin of Student Science. Publication of Theory and History of State and Law Department of Kursk State University]. Kursk, no. 6, pp. 148-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nlatkf>
5. Kobets P.N. (2022). Features of the legal expertise of normative legal acts carried out at the stage of the law-making process in the member states of the European Union. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo institute = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 1 (91), pp. 14-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lfglrb>
6. Starodubtseva I.A. (2012). Ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sposob predotvrashcheniya kolli-zii: osobennosti pravovogo regulirovaniya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [Examination of normative legal acts as a way to prevent conflicts: features of legal regulation in the constituent entities of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, no. 9, pp. 14-20. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pcsxnd>
7. Britov A.S., Kurmaeva N.A. (2022). Theoretical and legal problems of legal examination of normative legal act. *Biznes i obshchestvo = Business and Society*, no. 4 (36), pp. 3-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywymiq>
8. Stepanova Yu.S. (2022). The genesis of legal technique: from oral form to digital document. *Vestnik Luganskoi akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko = The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs named by E.A. Didorenko*, no. 2 (13), pp. 44-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kytqmr>

9. Afanas'ev S.F., Kolesnikov M.A., Aleksandrova Yu.A., Tokareva A.A. (2022). *Pravovaya ehkspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh projektov: zakonodatel'stvo, praktika i metodika provedeniya* [Legal Examination of Normative Legal Acts and Their Projects: Legislation, Practice and Methodology]. Saratov, 112 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aoobuv>
10. Tret'yakova E.-D.S. (2011). *Pravovaya i antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie deyatel'nosti territorial'nykh organov Ministerstva yustitsii v sub"ektakh RF v predelakh SFO* [Legal and Anti-Corruption Examination of Regulatory Legal Acts of the Constituent Entities of the Russian Federation: Constitutional And Legal Study of the Activities of Territorial Bodies of the Ministry of Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation within the Siberian Federal District]. Novosibirsk, 180 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdklrz>

Поступила в редакцию / Received 27.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.06.2024

Принята к публикации / Accepted 14.06.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)